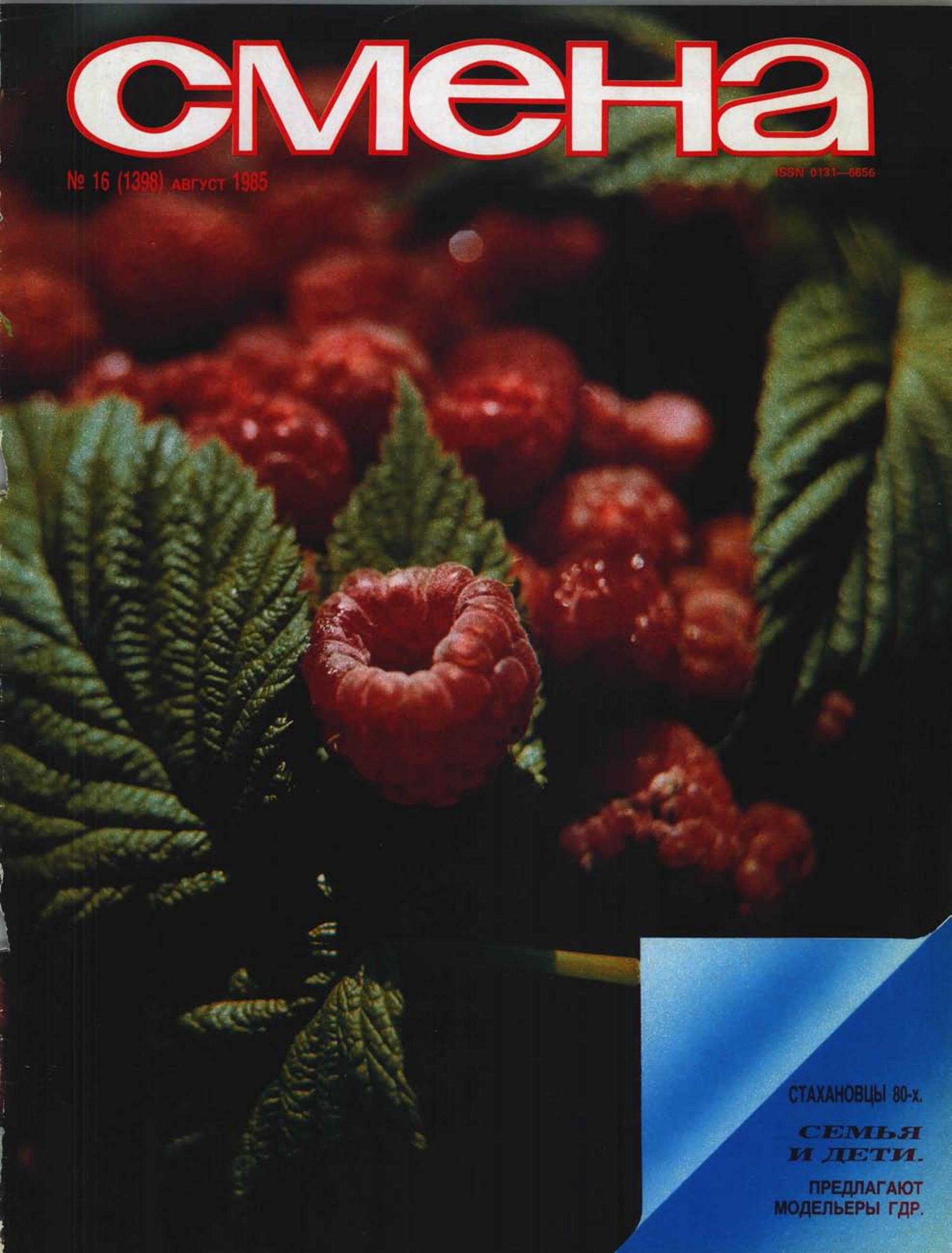

смена

№ 16 (1398) АВГУСТ 1985

ISSN 0131—6656

СТАХАНОВЦЫ 80-х.

СЕМЬЯ
И ДЕТИ.

ПРЕДЛАГАЮТ
МОДЕЛЬЕРЫ ГДР.

50 лет назад шахтер Алексей Стаханов нарушил за смену 102 тонны угля вместо 7 по норме. Он продемонстрировал всему миру, на что способен в созидающей работе советский человек. Какие возможности ускорения открывает четкая, продуманная организация труда, самодисциплина. Этот трудовой подвиг воплотил в себе лучшие черты трудящегося человека социалистического общества. Движение стахановцев схватило всю страну. И в первых его рядах шел комсомол. Стахановские традиции живут сегодня в делах лучших представителей советской молодежи, перед которой стоят ныне ответственнейшие задачи, диктуемые временем, потребностями нашей экономики, всего нашего общества. Ускорить наше движение по силам сегодня тем, кто по-стахановски вкладывает себя в работу, по-стахановски организует дело.

Навстречу XXVII съезду КПСС

ЧЕСТНАЯ

Олег АКИНШИН,
бригадир проходчиков
шахты «Воргашорская»,
обладатель
Всесоюзного приза
имени Алексея Стаханова,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Был я как-то по делам в профкоме шахты и стал свидетелем такой сцены. Распахивается дверь, входит парень и прямо с порога:

— Что это у вас тут за порядки такие!! Невозможно работать! Вы вот должны защищать интересы рабочего класса, так защищайтесь!

— А что случилось? — спрашивал его.

— А пусть представитель профкома спустится в забой да поглядит, что случилось!.. Это кто ж такой темп выдержит!! Пять минут посидеть не дадут!

— А вы у нас на шахте давно?

— Да уж две недели!

— У кого в бригаде?

— Да у какого-то Сахарова!..

Ну, тут все, кто был в кабинете, не смогли сдержать улыбок, глядя на этого «защитника» интересов трудящихся. Дело в том, что «какого-то Сахарова» в Воркуте знают все. Ибо Анатолий Михайлович Сахаров — опытнейший бригадир, один из лучших проходчиков страны, заслуженный шахтер РСФСР, делегат XXVI съезда КПСС, Герой Социалистического Труда. И мой учитель.

Мы попытались объяснить новичку, что темп, в котором трудится бригада Сахарова, нормальный для «Воргашорской» шахты темп — таков стиль нашей работы. Приглядись повнимательней к нашим условиям и порядкам, разберись во всем, а уж потом делай выводы. Посоветовали ему попробовать просто честно работать. Не будет получаться поначалу — помогут. Не дотянет сейчас — наверстаешь в будущем. И вообще у нас — Заполярье, шахтерский труд нелегок, на это и надо было рассчитывать, когда ехал к нам. Если такое положение дел не устраивает, держать не будем, дефицита рабочих рук у нас нет.

Я и сам не коренной воркутинец, приехал сюда из Днепропетровска восемь лет назад. Свой первый день в забое запомнил на всю жизнь. В звене, куда я попал, были проходчики со стажем по двадцать лет. Вот уж они меня погоняли!.. Я так напинался кувалдой, забивая «костили» в шпалы, так набегался, таская детали тяжеленных арочных рам, что на следующее утро пришлось собрать все силы в кулак, чтобы побороть усталость. Лишь через месяц пришел в себя. Однако работа мне понравилась сразу, ритм напряженный понравился — чувствовалось, что настоящий деле делашь. Шахта понравилась, размах работ, новейшее оборудование, порядок под землей. Конечно, не только бегать меня учили. Прежде всего честно работать. Видишь непорядок — ис-

правь. Пусть даже это вроде тебя и не касается, не поленись.

Бывает среди нас такая профессиональная шутка: есть у шахтера любопытный инструмент — лопата с кнопкой, нажал на кнопку — спина мокрая... Я так думаю: честная работа без пота и не может быть.

Мы работаем в три смены. Первая — ремонтная, основная, должна все приготовить для других: проложить железнодорожные пути, нарастить ленту конвейера, устранить все неисправности у комбайна, проверить коммуникации и так далее. То есть от ремонтников напрямую зависит производительность труда всей бригады. И вот был случай. В забой на конвейере в так называемых лодках везли материалы. Наши же ребята. И лопнула цепь на конвейере. А первая смена закончилась. Из шести человек трое остались ремонтировать конвейер, а трое ушли. Пусть, мол, вторая смена доделывает. Пришла вторая смена, закончила ремонт, но дневного плана не дала — не успели. Ребята возмущались. Мне тоже было не по себе. Пошел я к директору. Мы не хотим, говорю, чтобы эти трое оставались в нашей бригаде. Может, наше решение было слишком жестким, но зато честным. На следующий день вышел приказ — их перевели на другой участок... Признаюсь, мы о них не жалели. Без дисциплины и взаимовыручки и на земле-то трудно, а под землей просто нельзя. Вся организация труда и соревнования у нас именно на это и направлена. Так, например, бригада или участок могут заключить с администрацией договор, который называется «Коллективная моральная и материальная ответственность за состояние дисциплины». Каждый берет на себя — добровольно — ответственность за коллектив. В течение года ни разу не допустить серьезного нарушения дисциплины. Один просчет — вся бригада лишается двадцати пяти процентов месячной премии. Ну, а если в течение года все работали без замечаний, администрация выплачивает нам премию — сорок процентов тарифной ставки. Но дело не только в деньгах. В честности каждого перед собой и коллективом — вот в чем дело. А коллективная ответственность — великая сила. Раньше было: проспал — иди в другую смену, как будто ничего не случилось, вроде это никого не касается, только тебя самого. Теперь же, когда работаем на единый наряд и заключаем коллективный договор, попробуй опоздай — всех подведешь!

Однако можно и не опоздать, но не сильно утруждаться. Тут и срабатывает коллективная ответственность: это такое ситец, через такие ячейки просеется, что все «кинородные тела» останутся на поверхности.

Рано утром, когда мы спускаемся в забой и друг за другом быстрым шагом идем к месту работы — а проходим не один километр, — успевай о многом подумать. Вот впереди меня топает сапогами Валя Довгаленко. Побольше бы таких ребят. Из шахтерской семьи, приехал с Донбасса. Он у меня, наверно, самый добросовестный и к тому же самый скромный. Будет с ног валиться, но виду не подаст. Его и не просишь — плечо подставит. Вот это и называется честной работой!

Сзади наступает мне на пятки Боря Важинский. Тоже из тех, о ком я с гордостью говорю: «Мои люди!» На них я всегда могу положиться. Иногда сам чего-то не заметишь, на что-то внимание не обратишь — ребята всегда подскажут. Был у нас момент в бригаде, когда двое рабочих — опытных уже проходчиков — стали меньше работать сами и больше указывать другим. Этакими неофициальными заместителями сделались. Честно говоря, я какое-то время не замечал этого. Но чувствую, что-то не то

ДИСПЕТЧЕРСКИЙ ПУЛЬТ — ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ ШАХТЫ.

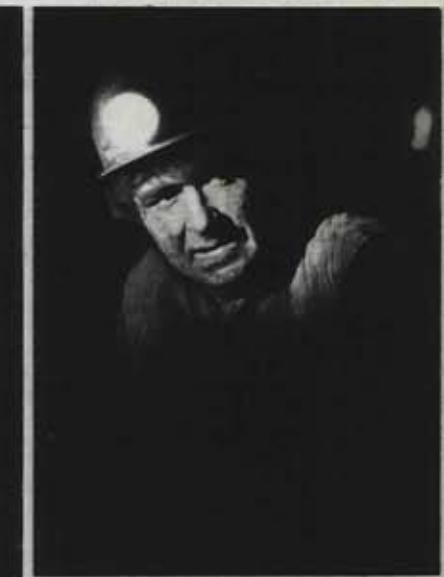
ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС ПЛАНЕРКИ.

СЛОВО БРИГАДИРА
ОЛЕГА АКИНШИНА
• РЕШАЮЩЕЕ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

творится в бригаде. Подхожу к Боре Важинскому, спрашиваю: «Как, по-твоему, все у нас в порядке?» А он говорит: «Обрати внимание на тех, кто больше проявляется в горлодерстве, а не в работе». Присмотрелся: действительно, командуют мои «замы» — только пыль стоит. Подай да принеси! Высказал я им все начистоту, они в амбицию: «Мы не пацаны, нечего нас учить». А для меня самое важное, как работашь, честно ли? Я им так и сказал: это не только мое мнение, так считает бригада; будете работать — работайте, нет — нет. Они ушли. Мы их не принуждали, они сами сделали выбор. Но зато те, кто остался, — надежнейшие люди.

Недавно одна бригада проходчиков за сутки прошла шестьдесят пять метров. Мы собрались, поговорили, вспомнили стахановские рекорды, загорелись: покажем, на что мы способны! Организовали суточную проходку. Вот была работа!.. Из-за перегрузки порвались цепи конвейера, сломался домкрат у комбайна. Ремонтировали на ходу. Зато как работали ребята!.. Какой азарт! Не могу сказать, что в будни они работают без огонька, но в день рекордной проходки!.. Первая смена оставалась помогать второй, вторая — третьей... Правда, по «техническим причинам» рекорд мы не побили, прошли почти пятьдесят метров (четыре нормы). Могли бы больше, да техника пока не справляется. Зато ребята повернули в себя еще больше. Можем! Многое можем. Недаром миллионы тонн добываем. Производительность труда на шахте только за прошлый год выросла на 4,8 процента, а себесто-

мость добываемого угля снижена на 2,5 процента. В основном это, конечно, за счет высокой механизации — у нас действует система автоматизированного управления технологическими процессами, компьютеры стали уже привычными, в лаве работают надежные маневровые комбайны отечественного производства. И уровень механизации постоянно растет.

В этом году нашей шахте исполняется десять лет, и мы решили выдать шесть миллионов тонн угля [пректная мощность — четыре с половиной], а пятилетку закончить к юбилею стахановского движения. Эти обязательства реальные. Потому что взяли их люди убежденные, получающие удовольствие от самого процесса труда, от сознания его полезности. Так могут работать только честные люди. Честные перед собой и другими. За то им и честь, и слава. Так было и тогда, когда зарождалось стахановское движение, так должно быть и сегодня. Добьемся мы от каждого честной работы — все сложнейшие задачи по ускорению нашего движения вперед, поставленные партией, будут выполнены.

РАБОТА

Письмо молодого рабочего

Всегда с особым вниманием читаю в журнале материалы о бережном отношении к народному доброму, о новых экономических технологиях. Ведь нельзя оставаться спокойным, зная, что многие научные разработки, прогрессивные проекты так и не находят себе применения на производстве. И как в грудах так называемых промышленных отходов пропадают миллионы народных рублей.

Сам я родом из Сибири. Большую часть жизни прожил в Забайкалье. Сейчас работает на строительстве БАМа, Читинского участка магистрали. Одной из ведущих отраслей Читинской области, вообще Сибири была и есть лесная промышленность. Лесодобывача, конечно, дело очень нужное. Но давайте посмотрим внимательнее на издержки лесного промысла. Посетим хотя бы несколько из многочисленных леспромхозов, расположенных вблизи железных дорог за Уральским хребтом. То, что мы увидим, мало называть расточительностью... Слишком легко. Здесь сердце содрогается, а душа болит.

При посещении лесопромышленных комбинатов может сложиться мнение, что вы не в Сибири, а среди многочисленных скифских курганов, оставленных нашими древними предками. Но в курганах, окружающих лесопилки, раскопки можно не делать — издалека видно, что это и бревна, и всевозможные доски, и раскряжеванные кругляки, бруски и сучья, и все это, как правило, присыпано толстым слоем опилок, смешанных с землей. Это все отходы. Но разве нельзя найти им применения? Если считается, что переработка горбыля в деловую обделочную речку дело хлопотное, то почему не запустить рядом с лесоразделочным цехом дробильный, где отходы перерабатываются бы в щепу? Добавить клейкий раствор, и — в формовочный и сушильный цеха. В результате исключительная по качеству и прочности дефицитная древесностружечная плита. А почему опилки, мощным потоком вырывающиеся из вытяжной трубы, сгребают бульдозером в огромные горы и жгут? Они с успехом могли бы пойти на изготовление древесной пlyты. Из этих отходов можно извлекать ценнейшие синтетические смолы. Затраты на устройство подсобных цехов окупились бы с лихвой. Но... Народное добро пропадает на наших глазах.

Когда этому будет положен конец? Может быть, тогда, когда с лица Земли исчезнут лесные массивы? Но тогда исчезнем и мы.

Поверьте, все это наболевшее... Надо что-то делать, торопиться.

Евгений СРЕДНИХ,
строитель

Получив это письмо, мы ознакомили с ним работников Минлесбумпрома и собственного корреспондента газеты Главбамстроя «БАМ» Игоря Матвеева.

Официальный ответ

Минлесбумпром СССР рассмотрел вопросы, изложенные в письме тов. Средних Е. в журнал «Смена».

Рациональное использование древесины и древесных отходов — одна из важных задач, которую в настоящее время решают предприятия министерства. За последнее время на предприятиях министерства действуют 740 цехов мощностью 12 240 тысяч кубометров по производству технологической щепы из лесных отходов. Щепа используется для производства бумаги, картона, древесных плит и гидролизного производства. За 1984 год произведено для нужд только бумажной промышленности 9400 тысяч кубометров технологической щепы из дров и отходов лесозаготовок и деревообработки.

Принимаются дополнительные меры по повышению эффективности использования древесины и ее отходов в народном хозяйстве.

Планируется увеличение выработки технологической щепы из древесных отходов для целлюлозно-бумажного, гидролизного производства и изготовления древесных плит.

Определено значительное увеличение производства древесностружечных и волокнистых плит.

Приказом министра предусмотрено строительство [реконструкция] в местах лесозаготовок более 50 цехов малой мощности по переработке древесины лиственных пород на основе комплексной безотходной технологии, а также предусмотрен ряд других мероприятий, направленных на рациональное использование древесины и ее отходов в народном хозяйстве.

Н. С. САВЧЕНКО,
заместитель министра

Свидетельство очевидца

Наш МИ-8 перевалил через восточные отроги Удокана в тот момент, когда солнце бросило свои первые лучи на Кодарский хребет. Второй пилот повернулся ко мне и восторженно закричал:

— Видишь, а? Видишь?! Сколько летаем сюда, а все не насмотримся!.. Смотри! На всю жизнь смотри. Не ровен час — не останется красоты...

Впереди лежала зимняя долина, отливавшая темно-синими и сиреневыми оттенками; миражами пульсировали контуры речных петель, бледно-голубые пятна озер оттенялись пушистыми, как водоросли, линиями редких лесов. С севера эту фантастическую

картину обрамляла взметнувшаяся над долиной заснеженная стена кедровых клыков, исеченная густыми синими тенями провалов.

Из-за одного только Кодара можно на всю жизнь влюбиться в это удивительное место — Чарскую долину. Но и сама долина великолепна во все времена года. С весны и до самой зимы она ошеломляет богатством красок и контуров: изумрудные мари, нежно-зеленые лиственницы, словно позолоченные сосняки, и среди всего этого великолепия — сотни озер и озерков с прожилками рек и ручьев пронзительно синего цвета. А у отрогов Кодара — ярко-желтые дюны и барханы — кусочек самой настоящей пустыни!

Да, в прекрасном месте выпало жить бамовцам. Тем, кто будет работать на магистрали, осваивать богатства Чарской долины. Есть где проложить туристские тропы, посидеть с удочкой, покупаться, подышать целебным воздухом сосняков.

Так в декабре 1979 года рисовалось будущее. Прошло пять лет...

— Скорее всего не придется бамовцам природой здесь наслаждаться, — говорит главный лесничий Чарского лесничества Михаил Алексеевич Гринь. — Все доступные и пригодные для купания и отдыха берега рек и озер скоро могут превратиться в свалки битого стекла, консервных банок и бумаги, как превратился в такую свалку замечательный берег озера, что на восьмом километре от Чары. Но хуже всего то, что нарушен экологический баланс долины: лес на грани уничтожения.

Преувеличение заинтересованного лесничего? Вот что говорят цифры: площадь Чарской долины приблизительно 800 тысяч гектаров, лесистые площади составляют 60 процентов. Но к ним относятся и мелколесье, и сухостой, и полукустарниковый подрост. А то, что мы называем лесом, занимало в долине к 1980 году площа-

дь к законам об охране окружающей среды и лесопользования.

Сегодня можно подвести некоторые итоги первого этапа строительства железной дороги в Чарской долине. Рельсы уложены здесь досрочно, дорога работает. Дорога в тайге. А как здоровье тайги?

Первые десанты — всего десятки человек — сразу начинали с вырубок: расчистка площадей под строительство поселков, заготовка древесины для отопления и строительства, вырубка просек под авто- и железнодороги, ЛЭП. Пропорционально увеличению численности строителей росли поселки и увеличивались объемы вырубок.

И сейчас в некоторых местах вдоль железной дороги, автодороги, ЛЭП гниют штабели и завалы леса. Много леса на просеках просто скижалось. А им можно было отапливать поселки. По существующим правилам на лесосеках весь сухостойный, больной, ветровальный лес надо вырубать, оставляя недоспелые и самые крупные, семенные деревья (для воспроизведения леса, который растет здесь до полной спелости 200—250 лет). Можно было деловую древесину пускать на пилорамы, а остальную, сва-

НАМЬ

менее 30 тысяч гектаров. (Спелые же леса — всего 13,5 тысячи гектаров.) Объем деловой древесины при этом составлял 1365 тысяч кубометров. К концу 1984 года запас спелых лесов в долине был уже около 830 тысяч кубометров. Таким образом, в Чарской долине при таких темпах к 1990 году не останется спелого леса и охотофауны... — явствует из пояснительной записки главного лесничего.

Но, может быть, все не так страшно? Да и спелый лес будет сведен всего на одной шестой части долины?

— Если бы так, — вздыхает Михаил Алексеевич. — Эта «одна шестая» была тем необходимым минимумом для существования биосферы и равновесия экосистемы долины. Ведь здесь природа легкоранима. А экологическое равновесие в ней складывалось тысячелетиями. Верхний слой почвы — мизерный, разрушается от малейшего прикосновения. Под ним — мерзлота. Повредиши верхний слой — начинается оттаяние и появляется излишняя вода, которая заболачивает огромные пространства или начинает сокрушительную работу по размытию почвы. Гусеничный след на склоне — это неизбежный овраг глубиной до 15 метров уже через пару лет. Лес же скрепляет тонкий верхний слой. Он выполняет и функцию естественного насоса, выбрасывая в атмосферу избыточную влагу из почвы. Особенно важен спелый лес по берегам рек долины. Вырубка его в масштабах долины приведет не только к тяжелым экологическим последствиям, но и весьма ощутимо затронет жизнь и деятельность людей. Впрочем, уже затрагивает. Расплачиваться придется за пренебрежение

ленную, — на дрова. Но бамовские организации этим правилом часто пренебрегают. Поэтому нередко ценный деловой лес вместе с семенными деревьями до сих пор идет в топки. Мало проводится противопожарных мероприятий — не скижаются сучья и верхушки после разделки стволов, не вывозится срубленный лес. И летом высохшие кучи древесины образуют многочисленные и мощные очаги пожаров. Проконтролировать работу всех лесорубных бригад в Чарской долине невозможно: по нескольку делянок имеют здесь 12 только бамовских организаций. «Там, где успеваем, — говорит Гринь, — заставляем выполнять технологию лесоповалы. В остальных случаях штрафуем. Десятки тысяч рублей штрафов. И что же? Платят с презрительной легкостью. Ведь не из собственного кармана платят... Нельзя не сказать и о незаконных порубках, которые постоянно ведут подразделения «Бамстройпути» и треста «Бамстроймеханизация». Особенно механизаторы отличаются. В Чарском ключе, около поселка мехколонии № 148, с северной стороны уже пустыня: в прилегающем к поселку лесу вырублены все лучшие деревья. Похожий на перешейк между озерами Леприно мехколонии 158: около трех тысяч кубометров строевого, в два обхвата, леса истреблено. Это при том, что мы в долине такие деревья поштучно считаем! 2830 деревьев спилили на дрова в мехколонии 155, что стоит в Икабье. И все вдоль реки! Но из суммы штрафа в 6,5 тысячи рублей виновные заплатили всего 600.

А взыщи карьеры!.. Лес и почвенный слой в большинстве случаев про-

сто сгребались бульдозерами в сторону. Причем многие карьеры были «подпольными». В Чарской долине почти две сотни карьеров, и на них потеряно более десяти тысяч кубометров хорошего леса. Сегодня 90 процентов карьеров уже покинуты...

А качество проектировки искусственных водопропускных сооружений?.. Видели, около Новой Чары озеро образуется, захватившее сотни гектаров? Оно не единственное в долине, возникшее из-за плохого проектирования водосбросов, водопропускников. Скоро вдоль трассы под воду могут уйти тысячи гектаров тайги. И лес там сгниет на корню. А чем заводнение обернется для железной дороги?..

Не существует ли краски главный лесничий? А что скажет директор Чарского лесхоза? Увы, Е. Г. Борисенко не добавил светлых красок:

— Главный лесничий рассказал вам о самых вопиющих нарушениях. А «мелкие» сплошь и рядом. Он не рассказал, что здесь в отходы идет 70 процентов древесины, в то время как общесоюзная норма — 40 процентов. Почему? Все, что остается от раскрыжевки бревен, сжигается. Хотя у нас в стране давно есть и ус-

четыре подразделения «Бамстройпути». В четырех бригадах имеется необходимая для валки и вывоза леса техника. Распиловка идет на четырех разных пилорамах. Отходы распиловки иногда идут в топки котельных, чаще гниют в надвигаемых бульдозерами буртах. Горы гниющих отходов пилорам можно наблюдать и на промбазе другой организации — «Казахбамстрой». Ведет заготовку леса еще одна новочарская организация — межколония 151. Итак, шесть лесозаготовителей в одной только Новой Чаре.

Какова же судьба дерева, «похудевшего» при выходе из пилорамы на 70 процентов? Побывайте здесь на строящихся объектах, и вам станет ясно, как много пиломатериалов разбрасывается, разворовывается, втаптывается в землю, размалывается колесами машин и сжигается в кострах. Не слишком ли это накладно?..

— Вопрос сохранения леса? — изумляется заместитель начальника управления «Бамстройпути» по производству С. Н. Петров. — Это надуманный вопрос. Его не существует. Потому что в Чарской долине леса не было, нет и не будет!

— Но, Сергей Николаевич, может

района. Между тем на всех без исключения собраниях, конференциях, слетах, во всех постановлениях, призывах, рапортах комсомольцев Читинского участка Байкало-Амурской магистрали говорится о благополучном развитии движения «Я — хозяин стройки».

Впрочем, может быть, и не стоит принимать всерьез судьбу небольшого клочка земли, зажатого среди двух хребтов? Что он в масштабах Забайкалья, БАМа, всей страны?

— Чарская долина — это уникальнейшее природное явление, — говорит директор Удоканской восемьмилетней школы, активный член общества охраны природы А. Н. Мальцев. — Многие представители ее флоры и фауны эндемичны, то есть встречаются только здесь. Например, в озере Леприно, обладающем такой же редкой флорой и фауной, как и Байкал, водится достигающий 15 килограммов веса голец — даватчан из семейства форелевых. Он больше нигде не встречается, занесен в Красную книгу. Тридцатиметровая чозенния — реликтовое растение, тоже нигде больше не встречается. В редких чозенниевых рощах — целый набор эндемичных растений. До сих пор учёные не могут найти разгадки еще одного феномена Чарской долины: здесь встречаются лиственницы с переориентированными годичными кольцами, которые с северной стороны толще, чем с южной.

Прекрасны водопады Сулумата, лечебные термальные источники недалеко от Чапо-Олого, непередаваема краса Мраморного ущелья, удивительно красива река Чара.

И, наконец, еще одно уникальное явление природы — Чарские пески. Это самая настоящая пустыня с ярко

выраженным пустынным ландшафтом из тридцатиметровых барханов и дюн. Нет больше в стране такой пустыни на вечной мерзлоте.

Это далеко не все, что можно рассказать о Чарской котловине. Ее, эту жемчужину Северного Забайкалья, надо беречь как зеницу ока.

Круг интересов Мальцева можно очертить так: школа, краеведение, охрана природы. Причем он считает: все три компонента находятся в самой непосредственной и живой взаимосвязи.

— Как же иначе? — горячится он. — Задачу воспитания подрастающего поколения считаю сегодня главной. Надо воспитывать ребят настоящими хозяевами своей земли.

Мальцев создал школьный краеведческий отряд «Глобус». И не случайно, наверное, половина его учеников — активные члены отряда.

— Что меня больше всего радует в деятельности «Глобуса»? — продолжает Мальцев. — Осознанность и твердость гражданской позиции ребят, их непримиримость к бездумному отношению к природе. Но сейчас становится все труднее поддерживать в них это гражданское горение. Слишком много стало появляться «антитиков»...

Поверьте, иногда очень непросто отвечать на жесткие вопросы ребят, обращенные ко мне, педагогу. И хотя за своих я спокоен, но ведь на Читинском участке несколько тысяч школьников. И они, не подготовленные критически осмысливать повседневные примеры «общения с природой» взрослых, просто будут им подражать. Уже подражают...

Игорь МАТВЕЕВ

НЕРЕНЬ!

пешно работают передвижные агрегаты, прямо на делянках превращающие сучья и верхушки в топливные брикеты, хвою — в витаминную муку. У нас же об этом пока и мечтать не приходится.

А что может лесхоз, если областное управление лесного хозяйства держит его «в черном телье»? У нас не хватает почти половины положенных по штату сотрудников, потому что выбрать здесь жилье для них — задача почти неразрешимая. На такой огромный район (Чарская котловина — только часть нашей территории) нам выделены один гусеничный вездеход и ГАЗ-69 послевоенного производства. На год выделялось крайне мало горючего.

Работа наша осложняется еще тем, что она не находит принципиальной поддержки у местных властей. Более того, нас иногда просто одергивают, как это произошло в случае с начальником межколонии 148, на которого мы передали еще в начале прошлого года в транспортную прокуратуру иск на сумму в 30 тысяч рублей. На протяжении нескольких лет виновные в истреблении леса не выплачивают штрафа.

Мы не раз предлагали централизовать заготовки леса хотя бы в бамовских организациях. Это дало бы возможность иметь дело с ограниченным количеством бригад лесорубов, находящихся под единным началом, и помогло бы не только контролировать вырубку леса, но и вести обучение бригад правильной технологии лесозаготовок. Но и на эти предложения руководство района не откликнулось.

Заготавливают лес в Новой Чаре

быть, именно потому, что леса здесь очень немного и надо бы его поберечь? Хотя бы памятку о людях, которым здесь потом жить?

— Да что тут беречь? Мари, чайники да сухостой?!

Вот так, ни больше ни меньше! Словно в течение пяти предыдущих лет деловой лес, которым отапливались поселки, из которого строились дома, мосты, ЛЭП (более полумиллиона кубометров древесины), упал с неба, а не был взят в Чарской долине. И словно не осталось в ней еще пригодного к эксплуатации лесофона, который будет неминуемо использоваться. Однако если и дальше к лесу относиться с позиции руководителей «Бамстройпути», то действительно через несколько лет вопрос о лесе в Чарской долине снимется сам по себе.

Может быть, у комсомольцев другая позиция?

— Что-то у нас было в планах по охране природы, — говорит Светлана Тищенко, секретарь комитета комсомола «Бамстройпути», — что конкретно, затрудняюсь сказать. Да нет, не могу найти эти документы. Хотя вот: мы участвуем в движении «Я — хозяин стройки». И еще вспомнила: однажды наш КП из Икабы обнаружил незаконную порубку леса вдоль речки и сообщил об этом в лесничество...

(После того, как там было спилено почти три тысячи деревьев!)

Остается добавить, что комитет комсомола находится в трех десятках метров от штаба ЦК ВЛКСМ на Читинском участке БАМа и в трехстах метрах от РК ВЛКСМ Каларского

Комментарий редакции

Письмо молодого рабочего Евгения Средних, материала журналиста И. Матвеева — свидетельства бесхозяйственного отношения к лесу, группе природных богатствам.

Лес — единственный возобновляемый источник сырья. Может, поэтому подспудно и складывалось такое отношение к нему: мол, раз он сам по себе растет, нечего особенно и беспокоиться. Все равно взамен уничтоженного дерева поднимается другое. При этом как-то забывалось, что лес растет десятки и сотни лет, что нарушение экологического равновесия не проходит бесследно... Сейчас отношение к лесу меняется, но еще сказывается инерция старых привычек и представлений — иначе чем объяснить бессмысличное истребление древесины?

Здесь уместно будет сказать об опыте лесозаготовителей Карелии. Практически на всех предприятиях республики в дело идет буквально все — от корня дерева до его вершины. Много ценной и прибыльной продукции дает каждое дерево. В Карелии доказали, что при желании, настойчивости можно организовать рациональную переработку природных даров. К сожалению, карельский опыт пока не получил широкого распространения.

В официальном ответе министерства сообщается о мерах по рациональному использованию леса, древесных отходов. Меры нужные, важные. Однако мы не уверены, что ответ полностью удовлетворяет Е. Средних. Прежде всего в нем обойдена проблема заготовок и переработки леса в зоне БАМа, а ведь именно об этом письмо молодого рабочего. Приведенные цифры по строительству новых перерабатывающих цехов не дают также ясности о перспективах: можно ли рассчитывать, что хотя бы к 1990 году повсеместно будет внедрена безотходная технология, исчезнут свалки и костры на лесокомбинатах? Достаточно ли запланированных мер? Жаль, что это осталось неизвестным нам и читателям.

Разумеется, не все вопросы и упреки следуют адресовать Минлесбумпрому. Свою «ленту» в уничтожение Чарской долины вносят предприятия Главбамстроя. На наш взгляд, главная причина неоправданных потерь в том, что в свое время не были запланированы действенные природоохранительные меры, а также не проведена серьезная разъяснительная и воспитательная работа среди строителей, лесозаготовителей — всех тех, кто причастен к освоению зоны БАМа.

Выступая в Днепропетровске, товарищ М. С. Горбачев подчеркивал: «Пожалуй, сейчас нет более актуальной задачи, чем экономия топлива, сырья и материалов. Они нам обходятся все дороже. С ростом масштабов производства значение экономии возрастает. Используем же мы топливо, древесину, сырье далеко не лучшим образом». И далее: «Любое расточительство — это обкрадывание самих себя, всего общества, это преграда на пути роста благосостояния людей».

Мы не можем считать поднятую в этой публикации тему «закрытой». Поэтому планируем в будущем вернуться к фактам, о которых рассказывается в письмах с БАМа.

притяжение добра

Берегите детство

Так держать, Асхат! Доброму никого унизить нельзя, добром можно оскорбить лишь злых и равнодушных людей. Мы часто говорим о необходимости беречь таланты, лелеять их и пропечь. А разве не заслуживает такого же отношения талант доброты и бескорыстия, которым в полной мере наделен Асхат Галимзянов?

Предлагаю создать Общество охраны детства. Пусть оно объединит общественные советы детских домов и других детских учреждений, врачей, учителей, воспитателей, всех, кто работает с детьми. Сбор членских взносов посредством распространения марок (подобных маркам ДОСААФ и т. п.) позволит получить огромные средства — уверен, что в целесообразности таких сборов никого убеждать не придется. Главная цель общества — помочь детям-сиротам (не только материальная, конечно). Возглавлять такое общество должны люди, подобные Асхату Галимзянову, уж они-то не допустят формализма в работе. А шефство над деятельностью ОДОД должен взять комсомол.

А. ЛУБЕНСКИЙ,
комсомолец,
преподаватель СПТУ № 1,
Черкассы

Какой след оставил?

Как хочется верить в существование таких людей, как Асхат Галимзянов, — бескорыстных, скромных, самоотверженных в своей заботе о людях. И в то же время постоянно ощущаешь присутствие тех самых знакомых, о которых упоминал автор (*«Пусть он меня убедит, что это нормальный поступок, лишенный всякой задней мысли», или: «Все равно — дурак этот твой Галимзянов или спекулянт»*).

Не слушайте этих самовлюбленных и безнадежно благополучных скептиков. Верьте, что Галимзяновы существуют на белом свете. Встретить их в своей жизни — большая удача. Без общения с ними у вас не будет веры в людей, в добро, в справедливость, а без этой веры душа загнивает, и не спасут ее ни россыпи разных дорогих побрякушек, ни другие атрибуты внешнего, показного благополучия. Без этой веры вы будете выражаясь словами поэта, «ходить среди людей и притворяться непогибшим».

И вот еще что хочется сказать. В молодые годы самоуверенно считаешь (а иные и до старости полагают так), что своему становлению, тому, что в какой-то мере состоялся как человек, ты обязан главным образом самому себе. Конечно, и родители, и школа, и умные книги — им тоже спасибо, но в главном все же ты сам себя сплели. И лишь с годами постигаешь, что ты, оказывается, в значительной мере сформирован людьми, которые так или иначе оставили добрый след в твоей душе: кто поддержал когда-то словом или делом, кто поделился куском хлеба, а кто и просто ободрил приветливой улыбкой. Люди, подобные Галимзянову, необходимы нам, как воздух, как глоток свежей воды.

В. ЛЕБЕДЕВ,
заслуженный учитель РСФСР,
Гусь-Хрустальный

Среди последних наших публикаций наибольшее количество читательских откликов вызвал очерк писателя Диаса Валеева «Доброму живет человек» (*«Смена» № 8*). Сотни писем, и все фактически об одном — о бескорыстии и бережливости, скромной и в то же время весьма деятельной доброте. О чем говорит такое единодушие, с каким читатели оценивают гуманное начинание героя очерка? Не о том ли, что все мы испытываем острый недостаток в возможности на деле проявить лучшие порывы своей души, помочь тем, кто нуждается в помощи? Все ждем подсказки, какого-то «особого случая»... А может, надо не ждать, а просто, как Асхат Галимзянов, действовать, творить своими руками добро и благо для людей? Об этом пишут и наши читатели.

Дорогу инициативе!

Трудное это, оказывается, дело быть добрым, бескорыстным, душевно щедрым человеком. Стoit только проявить активность, выйти за рамки сложившейся «философии», как сразу: «Зачем? Почему? По какому праву?»

Ведь что получается? Вместо помощи А. Галимзянову от него отмахиваются. Значит, речь идет об элементарном неуважении к человеку, о формальном выполнении своих обязанностей отдельными должностными лицами Бауманского района Казани. Ведь они оказались явно не на высоте: не сумели отличить белое от черного, добро от зла.

А. ПЕСТОВ,
бригадир формовщиков,
Первоуральск Свердловской обл.

Это нравственный подвиг

Здравствуй, «Смена»! «Очерк «Доброму живет человек» меня взволновал. Мне самому пришлось пережить трудное детство: воспитывался в детском доме, в школе-интернате. Очень жаль, что Асхат Галимзянов не мой отец, но я рад, что он живет в нашей стране. Такими людьми мы должны гордиться так же, как героями труда. Ведь, согласитесь, дело, которым занят Галимзянов, — это не просто помочь детям-сиротам, это нравственный подвиг Человека-патриота. Таким людям нужно всячески помогать в их бескорыстных начинаниях, а не «ставить палки в колеса».

К сожалению, часто приходится слышать и читать, что бескорыстные люди встречают непонимание, остаются без поддержки. Есть, конечно, и такие, кто стремится только к незаконной наживе. Но нельзя же в самом деле допустить, чтобы честных людей ставили в один ряд с лжечестными. Нужно тщательно разбираться в каждом отдельном случае, и я очень надеюсь, что «дело № 2891» закончится в пользу справедливости.

Виктор ГЕРАСИМЕНКО,
23 года,
Ворошиловград

Души прекрасные порывы

Мне 27 лет, я преподаватель училища искусств. Учу детей музыке. Учу понимать прекрасное и быть прекрасными. Но как же больно и обидно, когда видишь, как это проявление прекрасного не желают замечать, отвечают на самые лучшие побуждения человеческой души черствостью, равнодушием, бюрократизмом.

Моя маленькая дочь растет без отца. Он нас оставил. Может быть, поэтому мне легче понять, как велико благородство человека, стремящегося хоть как-то смягчить ту обиду, которую нанесли детям взрослые люди.

Конечно, ничем не заменишь тепло родительских рук, но разве плохо, что у детей, от которых отказались родители, будет одной игрушкой и одной рубашонкой больше, станет одним добрым другом больше?

Я не сомневаюсь, что Асхат Галимзянов всегда будет другом этих детей. Но выстоит ли он, сохранит ли эти лучшие побуждения своей души, если «бдительная» общественность и вперед будет усердствовать в сборе документов и прочих материалов против него.

Я преклоняюсь перед такими людьми, как Асхат Галимзянов.

С. БУЛАТОВА,
Нукус

Чем мы можем помочь?

Надо, надо помочь Асхату Галимзянову!

Удивляет отношение общественных организаций Казани к этому человеку. Ему бы в ноги поклониться за его святую заботу о детях-сиротах, а не «дело» под номером заводить! Почему в эту историю не вмешался Казанский горком ВЛКСМ? Ведь А. Галимзянов заботится о детях, лишанных тепла и ласки матерей.

Елена БЕЛОВА,
25 лет,
Москва

Прозрение

Несмотря на то, что Асхат Галимзянов занимается весьма прозаическим делом — выращиванием свиней, говорить о нем хочется возвышенными словами.

После знакомства с очерком об этом человеке у меня в душе словно что-то перевернулось. Многое, чем жила, о чем думала, показалось мелочным, незначительным. Ведь как бывает: живешь, к чему-то стремишься, делаешь «карьеру», а в итоге оказывается, что все это только ради собственного благополучия. Хочется хорошо одеваться, вкусно есть, жить с комфортом, и вдруг приходит момент пресыщения, когда тебя уже ничто больше не трогает и не волнует — только бы тебе было хорошо в твоей маленькой скорлупке. Вот это-то и страшно!

Как хорошо, что среди нас живут такие люди, как Асхат Галимзянов. Они не дают нам зачеркнуть, погрязнуть в своих личных переживаниях, отгородиться от чужих бед глухой, непроницаемой стеной.

Валентина КИМ,
библиотекарь,
Чимкент

Не обрезать крылья

Дорогая редакция! Спасибо тебе за поддержку Асхата Галимзянова и помочь его благородному делу. Спасибо, что не дали обрезать человеку крылья. Обыватели, эгоисты, неспособные на добрые дела, не в силах понять Асхата. Разве могут быть лишними забота, тепло, отдаваемые детям?

С удовольствием прочитала очерк «Доброму живет человек» и порадовалась самому большому счастью Галимзянова, тому, что дети Асхата — его первые помощники.

Подскажите, чем я могу помочь Асхату?

Валентина ДОБРОВОЛЬСКАЯ,
Севастополь

Александр НЕВСКИЙ

...Е ще, кажется, совсем недавно красноярские педагоги, преклоняясь перед талантом Ирины Васильевны Русаковой, называли ее «кудесницей», «нашей волшебной наставницей», «бабушкой всех Самоделкиных».

А школьники, шутебные мальчишки и девчонки, «трудные» подростки, «рыцари» из подъездов,— они просто души не чаяли в Ирине Васильевне, всеми правдами и неправдами стремясь попасть к ней на занятия. Впрочем, должность у «волшебницы» звучала весьма прозаично — заведующая методическим кабинетом по внеклассной работе одного из районных домов пионеров. В кабинете учителя и дети могли научиться из простейших материалов — газетной бумаги, фанеры, тряпок — делать фантастический театр, скульптурную галерею сказок, игротеки и головоломки...

В свое время все, кто знакомился с ее работой, подчеркивали: «Этот опыт должен стать достоянием педагогов и организаторов воспитательной работы среди детей и подростков». «Волшебнице нужны последователи!»

Прошло несколько лет. И вот недавно в редакцию «Смены» обратился известный писатель, огромнейший и добрейший душа человек Виктор Петрович Астафьев. Заинтересовавшись судьбой Русаковой, он попытался разыскать ее в Красноярске, городе, где и сам сейчас живет, но ему сообщили, что Ирина Васильевна переехала в Москву к больному сыну. Тогда Виктор Петрович попросил редакцию помочь педагогу-энтузиасту:

твое дело, которому была отдана вся жизнь, твой опыт никому не нужен! Я, наверное, стала плохо в этой жизни разбираться...

Признаюсь, я тогда подумал, что в Русаковой говорит усталость, смешанное чувство обиды и непонимания. Но как же, оказалось, мало знал я эту женщину, если смог довериться первому впечатлению, если сразу не разглядел в ней жгучего, неистребимого огонька энергии, веры и неумной надежды? Для этого действительно нужно было узнать ее жизнь — Дело ее жизни, Веру ее в жизнь.

— Знаете, я всегда удивлялась своей матери! Когда умер наш папа, у нее на руках осталось шестеро детей. Мы могли голодать, холода, но по копеечке обязательно откладывали... На что? Ну, разумеется, на театр! В нашей семье была одна страсть, один бог — театр! Пожалуй, эта любовь и повлияла на всю мою жизнь. Но началась война, на время о своих мечтах пришлось забыть...

Кем только не работала потом Ирина: и рабочей в геофизической экспедиции, и подсобницей на стройке, и лаборанткой на заводе...

— И пороги военкоматов обивала, чтобы на фронт отправили, — вспоминает Ирина Васильевна. — Куда там! В 1945-м после смерти мамы поступила на вечерний факультет педагогического института. Разумеется, на литературу! А вскоре вышла замуж за геофизика из той самой экспедиции, где когда-то сама работала, родила ему Наташеньку и Ванечку. Так и жили — муж в тайге, а я детей растила. Да еще в школе театральный кружок вела. А как мои пациенты сами сели за парту, я в ту же школу пошла пионервожатой.

грамотными специалистами, но они не знают, чем занять детей в свободное время, потому что и сами-то ничего не умеют. Их не учат, как создать театр теней из пустых материалов, как подготовить сценарий вечера и поставить сказочный спектакль.

Все эти невеселые раздумья и побудили Ирину Васильевну создать при одном из районных домов пионеров Красноярска методический кабинет по внеклассной работе. Каких трудов, сколько нервов ей это стоило! Русакова собрала тысячи поделок-экспонатов, наглядных пособий, методических разработок, сотни специальных книг и брошюр с одной-единственной целью — сделать учителей, воспитателей детдомов и интернатов «рукастыми», передать им свой многолетний опыт работы в школах, пионерских лагерях и на детских площадках.

В крайнюю Ирину Васильевну отнеслись, мягко говоря, без энтузиазма: дескать, учить педагогов — это не наш профиль. Поэтому вскоре из методистов ее перевели в руководители кружка «умелые руки».

В пединституте, институте усовершенствования учителей, куда она обращалась за содействием, ей отвечали одно: позвольте, но у вас же нет диплома! Как будто Русакова просила не кабинет по внеклассной работе, а вузовскую кафедру! И все же Ирина Васильевна время от времени удавалось проводить занятия с воспитателями групп продленного дня, учительями некоторых красноярских школ. На них буквально обрушивалась тысячи великий вещий мир детских игр, забав, конкурсов, карнавалов, кукольных театров и аттракционов. Глаза разбегались, руки не успевали записывать и зарисовывать сказанное и увиденное. После семинара слушате-

Однако кабинет закрыли на замок, и, более того, руководство Дома пионеров предложило Ирине Васильевне поскорее освободить его. Не приняли «наследство» и в институте усовершенствования учителей.

Что ж, выходит, не нужен больше в Красноярске «волшебник»?

— Выходит, что так, — грустно улыбнулась Русакова. — Пришлось самой все упаковывать и перевозить в Москву. Вот недавно получила два контейнера...

— Ну, теперь-то, надеюсь, все в порядке? — поинтересовался я. — У вас есть место, где проводить занятия...

— С кем, дорогой мой, разве что с вами? Я уже обращалась в Министерство просвещения РСФСР, предлагаю свои услуги, но и там сказали, что ничем не могут помочь. Правда, посоветовали самой подыскать место для кабинета, вот я и подыскала. — Она развелла руками. — Пришла к директору этого интерната, объяснила ему свое положение. Он ответил, что ставок нет, но если я хочу работать бесплатно, то, пожалуйста, комната для занятий мне выделят. За два месяца он в кабинет ни разу не зашел, поэтому я постеснялась к нему обратиться, когда нужно было получать контейнеры с «наследством»...

— Кто же вам помог, Ирина Васильевна?

— Да все сама: наняла грузчиков, подвезли, в школу затащили. Правда, мне эта дорога в две пенсии обошлась. Но ничего, главное — есть помещение. Будем помаленьку начинать работу с ребятишками. — Она улыбнулась. — Я уже и сценарий новогоднего карнавала придумала. Представьте себе: вокруг елки собрались герои любимых детских сказок, а Деда Мороза со Снегурочкой нет. И вдруг они спускаются на парашютах...

Глаза Ирины Васильевны снова засияли, как будто и не было усталости, обид и переживаний. За своими фантазиями она о них просто забыла. Щедро одаривая других, она всегда забывала о себе — о своей неустроенности, своих болях и трудностях.

Счастье — иметь рядом энтузиастов. Это нам от них многое надо, потому что многое могут дать. А им от нас? Заботу, участие, помощь — только и всего. Ведь не ради себя стараются Русаковы, они прежде всего о нас думают, о наших детях. Каково же бывает им без нашей поддержки, без внимания, без ответной любви?

— Все-таки я сумела кое-что дать людям, — заканчивает свой рассказ Ирина Васильевна. — Маловато, конечно, но ведь силы у меня еще есть. Значит, я смогу еще быть нужной.

Перед такими людьми мы все в неоплатном долгу. Пора отдавать, пора платить им той же мерой.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Нам кажется, что дело, которым по своей личной инициативе занята Ирина Васильевна Русакова, несет огромную пользу не только взрослым, но и детям. Ибо то, чему может научить Русакова, часто составляет целый мир ребенка — мир игрушки, игры, домашнего театра. Именно с общениями с этими незамысловатыми вещами и начинается активное взаимодействие ребенка с жизнью. Так почему же тогда человек, который прекрасно владеет всей этой наукой, остается в тени? Может быть, после этой публикации Минпрос РСФСР и Мосгорено найдут, наконец, возможность оказать поддержку и помочь энтузиасту!

СПЕЧУ НА ВСТРЕЧУ

«Нельзя, чтобы такие люди — подвижники в полном смысле этого слова — оставались без поддержки и внимания. Слишком велика будет потеря не только для нашей школы, но и вообще для всего общества».

...И вот мы встретились с Ириной Васильевной на пороге московской школы-интерната № 64. Первое впечатление — удивление: да какая же это «бабушка», да какая же пенсионерка! Перед мной стояла худенькая женщина в большом, не по плечу свитере и простеньких брючках.

— Вы уж не вините меня за беспорядок! — засуетилась она перед комнатой, заваленной громоздкими ящиками, книжными стопками, чучелами и игрушками. — Я ведь еще ничего не успела разобрать. Только приехала в Москву к больному сыну — сама заболела. Нельзя мне болеть, особенно сейчас. А что поделешь? Годы... — Ирина Васильевна взмахнула руками и принялась усаживать меня на ящик со значком-зонтиком «Не кантовать!».

— Значит, вы совсем перебрались в Москву? — поинтересовался я, обводя взглядом комнату. — Это и есть ваше наследство?

Она подняла на меня удивленные глаза:

— Да, к сожалению, пришлось практически весь методкабинет увезти из Красноярска.

— Неужели в огромном городе не нашлось человека, кто бы продолжил ваше дело? Выходит, Красноярск остался без «волшебника»?

Русакова сняла очки, потерла глаза, дрожащими кончиками пальцев.

— Да том-то и беда, что за двадцать лет я не смогла найти такого человека. Думаете, мне не больно? И что может быть горше сознания, что

Мне с детьми всегда легче и интереснее, чем со взрослыми. Коллеги после уроков спешили домой, а я брала своих пациентов, и мы отправлялись строить сказочный городок... Помните у Макаренко — «Воспитатель должен уметь все».

И она умела буквально все делать своими руками, даже, казалось бы, чисто мужскую работу — паять, конструктировать, строить... И потому у нее всегда находилось занятие для всех — и для взрослых ребят, грозы подворотен, и для маменькиных дочек...

Она понимала, что ее призвание — это внеклассная работа. Но где его, это призвание, применить? Из пионервожатых она вышла по возрасту. В педагоги ее не брали — не было диплома (из-за болезни детей она так и не смогла окончить институт). Поэтому работала где придется: в школах, интернатах, пионерских лагерях. В большинстве случаев бесплатно. Она о деньгах вообще никогда не думала — зарплата уходила на книги, пособия, театр...

— Не понимаю, как можно гоняться за тряпками, убивать на это массу времени и средств? Есть искусство, творчество, любимая работа, высокие чувства... За святое в душе нужно держаться! Откуда идет потребительство, о котором сейчас так много говорят и пишут? Мне кажется, с самого детства, с азов. Родителям легче откупиться от ребенка дорогой игрушкой, чем потратить время и научить его что-то сделать своими руками. Молодые папаши и мамаши не понимают, что с нездешливого труда, с простенькой игрушкой, которую мастерит сам малыш, начинается воспитание его души. Да что говорить о родителях, если некоторые педагоги просто ужасающе безруки! Выпускники педагогических вузов приходят в школу вроде бы

ли долго не хотели расходиться: «Ирина Васильевна, расскажите еще...», «Ирина Васильевна, да вам цепы нет!»

Назавтра они уже в своих школах и интернатах восторженно рассказывали об уроках Русаковой, старались применить то, чему научились у «волшебницы» за два часа, отведенных на семинар.

Вот так и получается иногда в жизни: одни людиплачут, что их перегружают работой, а другие, подобно Ирине Васильевне, сетуют, что их способности не используются в полной мере. Какая уж тут «полная мера», если за полгода Русакова провела всего 8 занятий! В своих письмах в городские организации она требовала одного: «Хочу работать в полную силу, пока позволяет здоровье! Хочу быть нужной!»

Но ни в гороно, ни в крайкоме комсомола, ни в институте усовершенствования учителей помочь энтузиасту не смогли. Отговорка была одна: «У вас нет диплома!»

— Знаете, некоторые даже стали считать меня «жалобщицей»: дескать, все она куда-то пишет, что-то требует... «Очень трудный человек!»

Да, для кого-то Русакова действительно была трудным и очень неудобным человеком. «Чиновников от педагогики» раздражают такие люди, которым «больше всех надо». Они им мешают спокойно жить и функционировать, задают лишнюю мороку. Впрочем, такие люди, как Русакова, никогда за себя не попросят. Не потому, что они выше этого, а потому, что дело для них выше всего. За дело они будут драться, а за себя, увы, смелости не хватает, характера. Вот кое-кто и научился у нас этим пользоваться, им по душе чужой «бесплатный» энтузиазм.

Ровно 40 лет назад, 2 сентября 1945 года, в 10 часов 30 минут утра по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури», находившегося в водах Токийского залива, состоялось подписание акта о капитуляции Японии.

Вторая мировая война, вовлекшая в свою орбиту 61 государство и более 80 процентов населения земного шара, была завершена. Она длилась шесть лет. Военные действия велись на территории 40 государств трех континентов — Европы, Азии, Африки, на обширных акваториях четырех океанов — Атлантического, Северного Ледовитого, Тихого, Индийского. Счет потерь был чудовищным: 50 миллионов человек.

Последние залпы большой войны прозвучали на Дальнем Востоке. И, возвращаясь памятью к драматическим событиям августа 1945 года, склоняя голову перед подвигом солдат, поставивших точку в страшнейшей из войн за всю человеческую историю, задумаемся... Японский милитаризм, разгромом которого завершилась вторая мировая, был одним из самых зловещих порождений XX века. Во все времена его отличительные черты — вероломство и крайняя жестокость. В полной мере это проявилось в отношении нашей страны.

Без объявления войны 8 февраля 1904 года японский морской флот неожиданно напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Война, которая принесла русскому народу неисчислимые беды и лишения, завершилась грабительским договором, навязанным царскому правительству. Япония захватила Ляодунский полуостров. К ней отошли южная часть острова Сахалин и Курильские острова.

А вот хроника, далеке не полная, преступлений японской военщины, совершенных уже в годы, когда в нашей стране была установлена Советская власть.

Высадка экспедиционного корпуса Японии на Дальнем Востоке — удар против революции... Агрессия в районе озера Хасан — проба сил к будущей войне против Советского Союза...

Халхин-Гол... Новая попытка проверить, готовы ли Вооруженные Силы СССР к защите Сибири и Дальнего Востока...

Всю Великую Отечественную войну стояли на Дальнем Востоке советские дивизии, скованные там возможностью неожиданного японского нападения. Им было приказано ждать. Ждать в полной боевой готовности, ибо в любой момент могла попытаться японская военщина вонзить самурайский меч в спину сражающемуся не за жизнь, а за смерть нашему народу. «Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири» — эти слова военного министра Араки, в которых сформулирована стратегическая доктрина японского милитаризма, процитированы в приговоре Международного военного трибунала, судившего главных японских военных преступников.

На советской границе была сконцентрирована Квантунская армия, элитная группа сухопутных войск. Ее численность составляла около миллиона человек. Оснащенность и боевая выучка личного состава — образцовые. Главное в воспитании солдат — дух фанатичной преданности империи и ненависти к противнику. Для Квантунской армии этим противником были советский народ, народы Монголии, Китая...

В феврале 1945 года на Крымской конференции руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — было достигнуто соглашение: через два-три месяца после окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну с Японией. К началу конференции комитет начальников штабов США подготовил президенту Рузвельту секретный меморандум. В нем говорилось, что после окончания войны в Европе для разгрома Японии может потребоваться еще полтора года, но если СССР вступит в войну на Дальнем Востоке до вторжения войск США на Японские острова, то это позволит сберечь жизни сотен тысяч американских солдат, и, возможно, такое вторжение может вообще оказаться ненужным. Особенно важным американские военные руководители считали: если советские войска парализуют японские части на южном континенте, лишив их возможности переправиться в Японию, это станет гарантией успеха.

Советская страна выполнила свои союзнические обязательства. Квантунская армия, потеряв убитыми, ранеными и пленными более 700 тысяч человек, сложила оружие.

Отремели последние залпы второй мировой войны. Честь и слава тем, кто принес мир человечеству. Их подвиг будет вечно жить в памяти народов.

после заплы войны

**Виктор ЛЕОНОВ,
дважды Герой
Советского Союза,
капитан 2-го ранга в отставке**

Какими бы долгими и трудными ни казались тогда нам, солдатам, без малого четырех военных года, прожитых рядом со смертью, домой мы не спешили. Хоть и не знали мы планов командования, но догадывались: последние залпы войны еще не отзвучали. На Дальнем Востоке над нашими границами нависла другая вражеская рать — армия милитаристской Японии. И не бывать миру и покоя, пока не одолеем мы ее.

В ту пору я командовал на Северном флоте отдельным разведывательным отрядом, состоящим из моряков-десантников. Бывалые бойцы, обстрелянные, закаленные, прошедшие, как говорится, огонь, воду и медные трубы, они не раз ходили во вражеский тыл, добывали ценные сведения, «языков», громили штабы, совершили диверсии на дорогах. На моем личном счету было к маю 45-го года более пятидесяти рейдов по тылам противника. Высаживался с катеров в Норвегии, Финляндии, знал северное побережье, как улицу, на которой вырос.

Словом, едва кончились бои на Западе, написал я рапорт на имя командования с просьбой направить меня на Дальний Восток, где мог пригодиться мой фронтовой опыт. Рвались туда и мои боевые товарищи. Горела в наших сердцах ненависть к врагу, желание раз и навсегда покончить с военной опасностью, грозящей нашей Родине. А многим бойцам разведотряда попросту некуда было возвращаться: дома их были сожжены, близкие погибли под бомбкой или в оккупации.

Рапорт мой не остался без ответа: просьбу удовлетворили, разрешили отобрать из бойцов разведотряда и взять с собой 50 человек. Дело не простое. Одного возьмешь — другой обидится. В конце концов и этот вопрос урегулировали. К новому месту базирования во Владивосток поехали со мной верные мои друзья, кости отряда — Герои Советского Союза старшина 1-й статьи Семен Агафонов, старший матрос Андрей Пшеничных, командир взвода Макар Бабиков, старшина Дмитрий Соколов, Александр Никандров, замполит отряда Иван Гузенков и другие североморцы. По сей день вспоминаю об этих людях с душевной теплотой — несгибаемые воины, преданные долгу своему патриоты.

Во Владивостоке отряд пополнился молодежью, рвущейся в бой, горевшей желанием походить на испытанных ветеранов. Начали изучать будущий театр военных действий, учить разведке молодых бойцов. Как-то отряд проводил учения. И вдруг вызывают в штаб — СССР объявил войну Японии, начались боевые действия. Отряду предстоит готовиться к высадке, но теперь уже не учебной. Беру торпедные катера и мчусь забирать отряд.

Первая боевая задача — высадиться в оккупированном японцами порту Юки, захватить плацдарм и удерживать его до подхода главных сил.

Но порт был уже пуст, за несколько часов до нашего появления противник отвел свои части. Почти без передышки погрузились на катера и рванулись к следующему стратегически важному пункту — порту Расин. Захватили причальные линии, подготовили плацдарм. Сопротивление отдельных групп врага было быстро сломлено. Не остановил десантной операции и огонь крупнокалиберных пулеметов по нашим катерам. Все решили стремительность атаки, полная согласованность действий всех

НИС

групп десанта, боевое мастерство разведчиков, доведенное до высочайших пределов.

Важнейшим опорным пунктом на побережье Северной Кореи, захваченной японскими интервентами, была военно-морская база Сейсин. Брать ее, как и Юку, и Расин, предстояло с ходу. Однако мы немного знали о системе обороны базы, расположении огневых точек противника, численности его войск в этом районе. Туманы не давали возможности эффективно провести авиаразведку. И все-таки дело надо было делать.

Бои за Сейсин оказались самыми кровопролитными. Мы высадились и вскоре вступили в бой с противником. К исходу первого дня захватили мосты через реку Сусенцион, чтобы не дать японскому командованию вывести войска из базы. Но дальше продвинуться не удалось. Принялись очищать от врага центр города. В трудном положении оказались наши части десанта — батальон морской пехоты, пулеметная рота. Разведотряд тоже приходилось нелегко, приходилось помогать соседним подразделениям, отбивать непрекращающиеся атаки врага. А тут еще, помню, страшная жара, воды нет, даже раненым ее не хватает, соленый пот заливает глаза, жжет изодраные в кровь лицо, руки.

В архивах Военно-Морского Флота сохранился уникальный документ. История его такова. Группа моряков, отрезанная от основных сил отряда, отбивалась от превосходящих сил противника. Но не сдавала позиций. Когда у бойцов осталось боеприпасов только на одну схватку, они написали письмо тем, кто найдет их тела. «Дорогие товарищи! Мы, моряки отряда Леонова — старший санинструктор Тарасов, краснофлотец Ермаков, краснофлотец Кедяров, краснофлотец Кальниченко, краснофлотец Баев, краснофлотец Грищенко, — выполнили свою задачу... Мы умираем, но знаем, что за нас отомстят. ПРОЩАЙТЕ, товарищи, помните о нас».

Но они не погибли. Вложив всю ярость и все силы в последний удар, моряки вырвались из вражеского кольца и соединились с отрядом. Им суждена была еще долгая жизнь, но самое главное испытание они выдержали в ней двадцатилетними.

Сейсин был взят, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, потерявшего в боях базу свыше 3 тысяч солдат и офицеров. Оставив раненых в госпиталях, отдав последние воинские почести павшим, после короткого отдыха разведотряд двинул дальше, теперь уже на Гензан.

В этот день, 19 августа, японские войска, выполняя приказ своего командования о капитуляции, начали сдаваться в плен. Но не везде. Иные гарнизоны продолжали оказывать сопротивление, несмотря на неудержимое наступление наших сухопутных армий и флота. На что рассчитывали самураи, трудно сказать, не исключено, что они ждали перелома в ходе войны.

В Гензане сложилась ситуация крайне напряженная. Кроме военно-морской базы, там располагался большой аэродром, где стояли несколько десятков готовых к вылету самолетов. Получилось, что разведотряд почти беспрепятственно вошел в город, но остальные силы десанта вынуждены были остаться на берегу, японцы преградили им путь. Все происходило без выстрелов. Первая же автоматная очередь могла послужить сигналом к яростной, кровопролитной схватке.

В городе я разыскал начальника гарнизона Гензана полковника Сата и начальника военно-морской базы адмирала Хори. Напомнил им о приказе капитулировать. Разговаривал с японскими офицерами и почти физически ощущаю нацеленный мне в висок пулемет. Один неверный жест — и все: сила в тот момент была на стороне врага. В конце концов уговарил японских адмирала и полковника прибыть на борт нашего корабля, где и обсудить условия капитуляции. Оставался аэродром, поблизости от которого располагалось около трех с половиной тысяч солдат и офицеров противника.

Высадившись на прибрежной косе, мы установили контроль за складами с горючим и взлетно-посадочными полосами. Взяв десять человек, отправился в японский штаб. Там в большой комнате ждали около двадцати офицеров. Настроение у них было враждебным. Я сообщил, что аэродром в наших руках и находится под прицелом корабельной артиллерии. Японский полковник начал с того, что обяжал нас заложниками и запретил выходить из комнаты. Малейшее неповиновение — и нас уничтожат. Едва переводчик сообщил условия полковника, мы приняли ответные меры: Дмитрий Соколов зашел за спину полковнику и приготовил оружие. Андрей Пшеничных блокировал дверь. Иван Гузенников подошел к окну и, распахнув створки, проговорил:

— Сейчас мы с вами здесь разберемся — и в окно. Пока охрана среагирует, нас здесь не будет.

Вид изготавлившихся к бою разведчиков подействовал на японцев отрезвляюще. Я положил перед полковником бумагу и потребовал немедленно подписать приказ о капитуляции. Оглянувшись на стоявшего за его спиной Соколова, полковник написал несколько фраз и поставил подпись. Спустя час несколько тысяч японских вояк выстроились на летнем поле без оружия. А затем колонной двинулись через город в порт. По пути к ним присоединялись части гарнизона Гензана.

Много лет спустя в одной из наших газет появился рассказ об этом эпизоде. Автор статьи писал, что Леонов, то есть я, с десятью бойцами взял в плен более пяти тысяч японских солдат и офицеров. Как будто бы все так и есть. Но надо помнить при этом, что японская армия была в те дни уже парализована, морально побеждена. Стремительные удары советских войск действовали на японцев ошеломляюще.

Да, там, на аэродроме в Гензане, нас было десять человек. Но за нами были наши товарищи, наша армия, страна, народ, разгромивший фашистскую Германию, с нами была правда и вера в победу. Мы несли освобождение народам Востока и Юго-Восточной Азии, избавляя их от гнёта интервентов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 16 (1398) АВГУСТ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
лета
солнечный дар.

Фото
Николая ШИЛОВА.

1 НАВСТРЕЧУ ХХVII СЪЕЗДУ КПСС.
Олег АКИНШИН. «ЧЕСТНАЯ РАБОТА».

2 НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — БЕРЕЖЛИВОСТЬ.
«НАМ БЕРЕЧЬ!»

6 С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРИБУНЫ XII ВСЕМИРНОГО.
Виктор ЛЕОНОВ, дважды Герой Советского Союза.
«ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ ВОЙНЫ».

8 Виктор ПРОНИН.
«РАССЛЕДОВАТЬ НА МЕСТЕ».

12 РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.
«НА ГРАНИЦЕ, У РЕКИ».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

15 Стихи Натана ЗЛОТНИКОВА.

16 ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.
«ПРОЗРАЧНОСТЬ».

20 НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
«ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ — УВИДЕТЬ».
Фotoочек Ильи ВАЙСА и Александра ЕФРЕМОВА.

21 СКОРОСТЬ.
Владимир АРКУША. «ВЕТЕР В КОЛЕСАХ».

22 МОЛОДАЯ СЕМЬЯ.
Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук.
«РАЗМЫШЛЕНИЯ У ВЕРШИНЫ».

24 ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПРОГРАММЫ XII ВСЕМИРНОГО.
«ПРОСТОРЫ ПЕСНИ НАШЕЙ».

26 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
Сергей ВЫСОЦКИЙ. «ДЕЛО ЕВГЕНИЯ К.».

28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Уильям КОТЦВИНКЛ. «ИП».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда», «Смена». 1985 г.

РАССКАЗ

Kаждый раз, приезжая в этот большой южный город, я наверняка знаю: самое интересное, что меня здесь ожидает, — это встреча с давними друзьями Юрий Зайцевым и Виктором Ксенофонтовым. Когда-то мы учились в одной школе, правда, в разных классах, потом еще некоторое время судьба позволила нам быть рядом. С тех пор я всегда радуюсь, когда выпадает возможность на несколько дней заехать к друзьям.

Меня иногда охватывала даже ревность — они постоянно вместе. Если не удается встретиться, то перезваниваются, если нет возможности вместе провести вечер, сговариваются побывать. И при этом подтрунивают друг над другом, посмеиваются, не упуская случая подковырнуть, часто довольно жестко. Наверно, они нужны друг другу, наверно, каждый из них что-то дает другому. Хотя и по характеру, и внешне они почти противоположны.

Ксенофонтов — длинный, едва ли не под два метра, весь какой-то замедленный, погруженный в бесконечные свои раздумья и сомнения, вывести его из себя, заставить волноваться, нервничать — дело совершенно безнадежное. Он работает в местной газете, пишет о бытовом обслуживании, передовиках производства, их трудовых достижениях. Темы, конечно, нужные, но когда редактор вдвоем, а то и втройне сокращает его материалы, Ксенофонтов остается спокойным.

Другое дело — Зайцев. Он непоседлив, нетерпелив, а маленький рост и небольшой вес делают его не просто шустрым, а даже каким-то стремительным. Вечно он куда-то несется, всегда опаздывает и, похоже, настолько к этому привык, что опоздания его не огорчают. Зайцев закончил юридический институт и работает следователем. Это возвышает его в собственных глазах настолько, что иногда на него накатывает этакая немногословная значительность, разговаривать с Зайцевым в такие моменты становится попросту невозможным.

— Когда-нибудь я смогу тебе кое-что рассказать об этом деле, — говорит он с сочувствием в голосе. — А пока прости, служебная тайна.

— Подожду, старик, подожду, — невозмутимо отвечает Ксенофонтов и спокойно переводит разговор на тему безобидную и безмятежную: проходящие по улице девушки, распускающиеся листья, новинки в книжном киоске.

Такое равнодушие к его делам, естественно, задевает Зайцева, он не может оставаться спокойным и тогда... Что делать, иногда не в силах

Ксенофонтов долго молчит, потом спрашивает:

— Враги есть?

— Как и у каждого порядочного человека, — отвечая ему в тон. — А у вас что нового?

Ксенофонтов стал, оказывается, заведующим отделом писем и сидит в редакции с утра до вечера. Зайцев тоже получил повышение, работы прибавилось и у него. Встречаются они теперь реже, хотя отношения остались прежними. Зайцев женился, у него уже сын, Ксенофонтов все еще собирается, все еще только осматривается по сторонам и никак не решится на отчаянный шаг.

— Да! — вдруг оборвал себя Ксенофонтов на полуслове. — А ведь я недавно с Зайцевым по одному делу работал, на место происшествия выезжал, с потерпевшим беседовал. Интересно — жуть!

— И все в согласии с уголовно-процессуальным кодексом?

— Все, старик, в согласии и согласованности. Наш редактор связался с их начальником, сказал, что надо бы материал подготовить о хорошем следователе, а тот взямы да и предложил Зайцева. Представляешь? Никогда не думал, что наш Зайцев у них на хорошем счету.

— И что же, интересное дело нашли?

— Тут получилось, как в том старом детективе, когда в доме совершило убийство, а десятки людей клянутся, что в дом никто не входил. В конце концов выясняется, что в дом входил почтальон. Понимаешь? Случай, когда профессиональная принадлежность человека служит ему чем-то вроде шапки-невидимки.

— И в этом деле тоже... почтальон?

— Нет! Тут все иначе. Звонок в милицию: кража в квартире уважаемого человека...

Зайцев озадаченно ходил по разгромленной квартире — он не понимал той злости, с которой тут поработали грабители. Чтобы унести вещи, вовсе не обязательно ломать модель парусника или бросать об пол хрустальную вазу. Тем не менее ее осколками был усыпан весь пол. а парусник не просто изломали, его, видимо, топтали ногами, пытались отодрать от снастей черные паруса. Зайцев повертел его в руках, подивился тщательности изготовления каждой детали и осторожно положил на стол.

— Хулиганье! — сплюснуто возмущался толстый рыжий хозяин, который неотступно ходил за Зайцевым, опасаясь, что тот без него не сможет по достоинству оценить злодейство преступников. — Сажать! Без суда и следствия! На хлеб и воду! Пожизненно!

— Посадим, — отвечал Зайцев и шел дальше. Звуки его шагов были гулки и печальны, эхо от них было о стены обесчещенной квартиры, усиливая ощущение беды. Эксперт снимал отпечатки пальцев с полированных стенок шкафа, высматривал что-то на подоконнике, ощупывал входную дверь, иногда даже усмехался чему-то, и тогда хозяин оскорблённо отворачивался, будто это над ним смеялись, над его несчастьем.

РАССЛЕДОВАТЬ

совладать с собой, делится кое-какими... сведениями. Если они, разумеется, не составляют служебной тайны.

Возможно, им стоило бы поменяться своими профессиями — пусть бы разумчивый Ксенофонтов со своей проницательностью распутывал запутанные преступления, а нетерпеливый и вездесущий Зайцев искал бы злободневные газетные темы. Но, поразмыслив, и неизменно приходил к выводу, что все получилось правильно, что так все и должно быть: Зайцеву нужно оставаться следователем, а Ксенофонтову — журналистом. Да, их нынешние занятия обладают главным достоинством — позволяют каждому оставаться самим собой. О, сколько печальных судеб мы видим вокруг себя, когда, соблазнившись некой работой, должностью, люди добиваются ее, не считаясь ни с чем, а потом спохватываются, поскольку впопыхах самого себя в жертву принесли...

И вот поезд проносится по мосту, позади остается широкая, просторная река и сразу же начинается вокзал. Проплывают какие-то строения, склады и, наконец, перрон. Я издали замечал своих друзей. Ксенофонтов в светлом плаще с коротковатыми рукавами и в клетчатой шляпе с маленькими полями, а рядом, в черной кожаной куртке и в беретке, суетился Зайцев. Он высматривает номера вагонов, пытается тащить Ксенофонтова к тому месту, куда, по его мнению, должен подойти мой вагон... И в душе поднимается теплая и нетерпеливая волна — мы снова будем вместе, и снова меня ждут потрясающие истории. Конечно, они не во всем достоверны, наверняка приукрашены, в них не все соответствует документам уголовного дела. Но это можно понять — Зайцев не имеет права говорить о деталях расследования.

Мы идем знакомыми улицами от вокзала. Город пуст и свеж, солнце сверкает в только что умытом асфальте, в стеклах газетных кiosков, пустые еще троллейбусы мчатся легко и даже беззаботно. Как бы невольно, мимоходом мы сворачиваем в один из переулков и как бы случайно оказываемся у вареничной.

— Ты как с дороги? — спрашивает Ксенофонтов. — А то здесь можно перекусить...

— Сейчас там свободно, — добавляет Зайцев тоже с невинным выражением лица.

— Ну что ж, заглянем, — соглашаюсь я не столько на вареники, сколько на очередную историю, которую они наверняка приготовили для меня.

В это воскресное утро вареничная почти пуста, и мы рассаживаемся за столиком в углу.

— Как доехал? — спрашивает Зайцев. — Не было ли приключений, горчений, нападений?

— Да нет, — говорю. — Вроде обошлось на этот раз.

— Самое настоящее безобразие! — сокрушался хозяин. — Понравилась вещь — возьми ее, черт с тобой! Но зачем уничтожать??

— Скажите, Фиалкин, — обратился к нему Зайцев, — вы кого-нибудь подозреваете?

— Я?! — Хозяин обиженно заморгал белесыми ресницами. — Я не вожусь с людьми, которых можно в чем-то заподозрить.

— Это хорошо, — одобрил Зайцев. — Так и надо. Ну что, ребята, — обратился он к коллегам, — есть следы?

— Сколько угодно. Даже странно...

— Полная уверенность в безнаказанности, — осуждающе заметил Фиалкин. — Видно, опытные грабители, не первую квартиру берут.

— Да, сработали грамотно, — согласился Зайцев. — Никаких следов взлома. И дверь, и замок в полном порядке... Или отмычка хорошая, или ключ у них был, а? — Зайцев вопросительно посмотрел на Фиалкина. — У кого-нибудь еще есть ключ от вашей квартиры?

— Что значит у кого-нибудь? У жены, у меня... И все.

— Это хорошо, — повторил Зайцев. И снова, в который раз, обошел квартиру, остановился у телефона в прихожей, постоял над ним в раздумье, набрал знакомый номер. — Ксенофонтов? Привет. Звоню с места происшествия. Квартирная кража. Ничего особенного, — добавил Зайцев, не замечая укоризненного взгляда хозяина, которому такое отношение к его несчастью явно не понравилось. — Начальник просил при случае тебя вызвать. Правда, случай заурядный. Но если хочешь, подъезжай, посмотрю, как работают наши ребята. Тут тебе и отпечатки пальцев, и собака следила, и проникновение в квартиру, и исчезновение из нее... В общем, полный комплект. Едешь? Записывай адрес...

Положив трубку, Зайцев вышел на площадку — оттуда доносились оживленные голоса. Оказалось, вернулся проводник с собакой. Высунув язык, она улеглась здесь же, в прихожей, поглядывая на всех снисходительно.

— Ну что? — спросил Зайцев.

— От окна собака провела нас через двор в соседний сквер и потеряла след у трамвайной остановки.

— Трамвай? — переспросил Зайцев удивленно. — Несолидно. Так серьезные люди не поступают. Такси уж заказал бы, что ли...

Зайцев осмотрел подоконник, карниз с четким отпечатком подошвы, еще раз окунул взглядом двор, заросший кустами, детскую площадку, пустырь у гаражей, тылы продуктового магазина. Очень возможно, что преступника видели из какого-либо окна: они с четырех сторон выходили во двор. Тем более что время предвечернее, пенсионеры, приготовив ужин, уже высыпали своих домочадцев.

А МЕСТЕ

— Ну что ж, предстоит большая оперативная работа.

— Простите, не рассыпал? — тут же отозвался Фиалкин.

— Работы, говорю, вы нам задали много. — Зайцев пристально посмотрел на Фиалкина и понял, что тот уже успел в суматохе опрокинуть рюмку-другую. «Когда же он? — подумал Зайцев. — Броде и не отлучался...» Хотя правильно, дверца холодильника на кухне один раз хлопнула, вырвавшись из неверных рук хозяина. — За наш успех выпили?

— Ох! — непривычно вздохнул хозяин. — Тут поводов!. На работе суета, начальство косится, дома разлад, жена одна, жена вторая... Сын... С сыном тоже нелады... А! — Фиалкин досадливо махнул рукой и решительно направился на кухню.

— Как, по-вашему, он попал в квартиру? — остановил его Зайцев.

— Так преступник же! Вот совсем недавно на кухне тараканы объявились... Как они проникли?

— Тараканы уголовно ненаказуемы, — без улыбки сказал Зайцев. — Не буду я заниматься вашими тараканами. Боритесь с ними сами. А вот грабитель наверняка проник через дверь. Два часа на улице идет дождь, два часа, слышите? И если бы он забрался сюда через окно, на карнизе наверняка остались бы мокрые следы.

— А вот след! — Фиалкин ткнул толстым пальцем в отпечаток на ржавой жести карниза.

— Над вашим окном балкон второго этажа, поэтому карниз сухой. И отпечаток следа тоже сухой. Грабитель оставил этот след, когда бежал из квартиры. Но и замок на двери тоже в порядке... Ни царапин, ни взлома, ни отжима — ничего. Как вы это объясняете?

— Опытный ворюга работал — вот мое слово! — убежденно сказал хозяин и ударил себя в пухлую грудь кулаком. — Сажать их надо, сажать! Пожизненно!

— Думаете, надо? — без выражения проговорил Зайцев, осматривая входную дверь. — Знаете, здесь отмычкой и не подберешься.

— А ведь не хотел вселяться на первый этаж! — воскликнул Фиалкин. — Предупреждали люди добрые! Нет, вселился, дурак!

В это время раскрылась входная дверь, раздались быстрые шаги — приехал Ксенофонтов. В распахнутом коротковатом плаще, с мокрыми волосами, с обвисшими под дождем усами, он был радостно возбужден: наконец, ему удастся побывать на самом настоящем месте происшествия.

— Старик! — воскликнул Ксенофонтов. — Тебе обязательно нужно выписать на складе лупу! Да, большую лупу, в черном футляре. Через нее любые следы становятся более заметными. И не поверишь — неопровергнимыми.

— Ты думаешь? — рассеянно спросил Зайцев, прислушиваясь к чему-то.

Да, он опять услышал, как на кухне хлопнула дверца холодильника и тут же раздалось еле слышное бульканье — хозяин переживал свое горе. — Значит, так, Ксенофонтов, давай договоримся. Я не возражаю против твоего присутствия. Можешь смотреть, слушать, можешь даже принюхиваться. Но ты не должен ни во что вмешиваться. Понял? Лицо ты постороннее, и только хорошее отношение начальника к газете дало тебе возможность быть здесь.

— Я тебя не подведу, Зайцев! — Ксенофонтов покорно склонил голову набок. — И твой начальник тоже останется довольным мною.

— Докладываю обстановку. Примерно час назад в эту квартиру проник вор...

— Простите, но уже прошло полтора часа, — раздался за спиной сипловатый голос хозяина. Глаза Фиалкина маслено блестели.

— Скажите, — обратился к нему Ксенофонтов, — вы пьете от радости или от горя?

— Какая же здесь радость? Вор в доме — это счастье?

— При чем здесь вор! — воскликнул Ксенофонтов. — В доме полно прекрасных людей, отличных знатоков своего дела, честных и порядочных, готовых поддержать с вами любой разговор... Гости — это действительно радость. Но, похоже, гости в этом доме — нечастое явление.

— Это почему же? — помрачнел хозяин. — С чего вы взяли, что у меня не бывают гости?

— О! — Ксенофонтов махнул рукой. — Об этом можно говорить много. Вешалка всего на два крючка. Да и те не очень загружены. Нет запасных тапочек для гостей, а судя по ковру, вряд ли вы позволили бы гостям топтаться в сапожницах, а?.. На кухне две табуретки, а в комнате два кресла... За этим столом едва поместимся мы с вами, даже следователя пригласить не можем, в комнате лишь журнальный столик... Какие гости?

— Вы правы, — печально согласился Фиалкин.

Зайцев четко, суховато рассказал о том, что примерно полтора часа назад в квартиру проник вор. Хозяин, вернувшись с работы, застал его на месте преступления. Но вор успел открыть окно в комнате и выпрыгнул наружу. Похоже, взял он совсем немного, во всяком случае, хозяин затрудняется без жены сказать, что именно пропало. Вот только парусник, которым он, видимо, дорожил, истоптан, осколки хрустала на полу и прочая мелочь, добавил Зайцев, заканчивая рассказ.

— Хороша мелочь! — возмущенно воскликнул Фиалкин, у которого щеки заметно покрасели, а голос приобрел напористость и злобность. — Для вас мелочь, — скорбно продолжал хозяин, — а для меня память души... Что остается нам от прошедших лет, что? Воспоминания...

— Воспоминания не разыскиваем, — сдержанно проговорил Зайцев, стараясь уйти от взгляда хозяина. — А вот вещи... Вы внимательно все осмотрели?

— Кроме того, что я сказал... — Фиалкин обвел комнату безутешным взглядом... — Модель парусника сломали, сынушка смастерил... Над моей фотографией глумление устроили. — Он кивнул на портрет. — Если бы я их не спугнул, они такого бы здесь натворили... — В голосе Фиалкина зазвучало что-то трагическое. — Кто знает, не застали бы вы здесь мое бездыханное тело, случись все немного иначе. — Он вынул большой платок, встряхнул его и промокнул глаза.

— А вы что же, вернулись раньше обычного? — спросил Зайцев.

— Да не так, чтобы раньше... Почти в то же время... — Фиалкин не

смог продолжать, отошел к окну.— Вынести мое тело с первого этажа было бы нетрудно...

Ксенофонтов поднял парусник, раздавленный безжалостным каблуком, внимательно осмотрел его, потом подержал в руках портрет хозяина с прорызанными глазами. Рядом на снимке была изображена молодая женщина со светлыми волосами и несколько насмешливым взглядом, словно она про себя тихонько посмеивалась не то над фотографом, не то над затеей сняться с этим солидным мужчиной в тесноватом клетчатом пиджаке и с рыжей бородой.

— Дочь? — невинно спросил Ксенофонтов.

— Жена, — ответил Фиалкин, давая понять, что он не одобряет вопросы о личной жизни. Но Ксенофонтов заметил и мелькнувшую искорку в глазах хозяина: вот так, мол, жена! Дескать, дай вам бог в мои-то годы...

— Давно? — Ксенофонтов постарался наполнить свой голос восхищенностью.

— Год.

— Красивая женщина... Она моложе вас?

— Да!

— Лет на пять?

— На пятнадцать! — Фиалкин даже голову вскинул, словно ему пришлось ответить на оскорбление.

— Красивая женщина, — повторил Ксенофонтов раздумчиво. А Фиалкин посмотрел на него долгим пронизывающим взглядом, в котором человек наблюдательный мог бы заметить и горделивость, и настороженность.

— Сам знаю! — сказал Фиалкин вызывающе, но Ксенофонтов уже потерял интерес к жене хозяина, полагая, возможно, что и так достаточно вдохнул ее молодости и красоте. Его отвлекли эксперты, осторожно и настойчиво выискивавшие отпечатки пальцев на оконных стеклах. Потом его внимание привлекла собака, которая недавно так уверенно провела оперативников до самой трамвайной остановки. Она разлеглась во всю длину прихожей, заставляя всех опасливо перешагивать через себя. Не поднимая головы, только слегка покосившись на Ксенофонтова, овчарка легонько постучала хвостом по полу. Почекав собаке на прощание за ухом, Ксенофонтов направился к книжным полкам, наполненным «макулатурными» изданиями. Названия их были соблазнительны и волнующи, они звали к жизни необычной, богатой знакомствами с красавицами, преступниками, королями, влекли в опасные похождения и рисковые авантюры, манили несметными сокровищами, таинственными подземельями, победными схватками и нечеловеческими наслаждениями. Но Ксенофонтова почему-то гораздо больше заинтересовал толстый семейный фотоальбом, обтянутый малиновым плюшем.

— Разрешите? — обернулся он к Фиалкину.

— Пожалуйста! — Тот так передернул грузными плечами, что любому более воспитанному человеку сразу стало бы ясно, что лучше не пользоваться разрешением хозяина... Однако Ксенофонтов бесцеремонно взял пухлый альбом и уселся с ним в кресло, начисто забыв обо всех следственно-оперативных мероприятиях, рассказать о которых ему предстояло на страницах газеты. В альбоме больше всего оказалось снимков самого хозяина. На многих он выглядел гораздо моложе, без бороды — Фиалкин уверенно смотрел прямо в объектив. Ксенофонтова заинтересовал снимок, на котором Фиалкин был изображен с несмело улыбающейся женщиной и вихрастым парнишкой лет десяти.

— Прежняя семья? — Ксенофонтов показал хозяину снимок.

— Да! — Тот решительно вял альбом и захлопнул.

— Сколько лет вашей новой жене?

— Моей? — резко обернулся Фиалкин. — Тридцать пять.

— А вам, выходит...

— А мне пятьдесят!

— Прекрасный возраст!

— Не жалуюсь, — проворчал Фиалкин. — Какая наглость, какое хамство! Забраться в чужую квартиру, нагадить, изломать вещи... Что он мог здесь взять?

— Да кое-что есть... Магнитофон, транзистор, кассеты — товары повышенного спроса. Но все это, я вижу, осталось на месте.

— Осталось! А задержись я в очереди за кефиром еще на полчаса, вы можете сказать, что здесь осталось бы? Можете?

— Давно живете в этой квартире?

— Лет десять.

— Значит, у них было время присмотреться...

— У кого? — насторожился Фиалкин.

— У преступников. По их понятиям, вы довольно состоятельный человек, у вас много вещей, которые всегда можно продать... Есть что-нибудь кожаное, дубленое? — Ксенофонтов кивнул на шкаф.

— Есть. И кожаное, и дубленое.

— Да... Надо вам выбираться с первого этажа.

— Давно бы выбрался, да... сердце. — Фиалкин, кажется, проникался доверием к Ксенофонтову. — Одышка...

— Как же это вы с вашим сердцем на новую жену решились?

— Сердцу не прикажешь... — вздохнул Фиалкин.

— Выходит, и с прежней женой вы здесь жили, в этой квартире?

— Да. После развода она с сыном переехала в квартиру моей нынешней жены. Однокомнатная, но вполне приличная. При размене им все равно не досталась бы лучшая.

— Наверное, это разумно... — кивнул Ксенофонтов. — Хорошая была ваза? — Он поднял с пола хрустальный осколок.

— Не знаю, хорошая ли она была, но... Жена подарила на день рождения.

— Та жена или эта? — Ксенофонтов внимательно рассматривал мерцающий осколок.

— Эта не успела еще ничего подарить.

— Подарит.

Из второй комнаты вышел Зайцев, полистал блокнот, взглянул на Фиалкина.

— У вас есть завистники, враги, недоброжелатели?

— А у кого их нет? У вас? Есть и у вас. Враги должны быть у каждого, так же, как и друзья, работа, одежда. Что нам дает силы жить? Друзья? Нет. Враги. Ради них мы совершаляем подвиги, делаем покупки, ради них стремимся и достигаем. И каждым своим успехом, обновкой, улыбкой мы их по морде, по морде! — Фиалкин все более увлекался посетившей его мыслью.

— Они не могли забраться в квартиру?

— Наверно, мои враги могут желать мне самого страшного, этого я не исключаю, но в квартиру... заниматься глумлением... Нет. В порошок стереть меня они не откажутся, в кotle сварят, шкуру снимут, на вечное поселение сошлют, к черту на кулички — только дай! Разжаловать из начальника отдела в вахтеры... Для этого они даже не пожалеют по десятке сброситься... Но в дом не полезут. Побоятся. Уж лучше бы они унесли эту вазу! — сожалением проговорил Фиалкин. — Глядишь, где-нибудь в комиссии бы и нашлась.

— Видно, в спешке уронили, — заметил Ксенофонтов. — Когда услышали, как в двери ключ заворачался.

— Продолжим, — суховато сказал Зайцев. — Кто-нибудь знал, что у вас есть магнитофон, транзистор?

— На работе знали, соседи... Тайны из этого я не делал.

— Дорогие игрушки, — заметил Ксенофонтов. — По тысяче каждая.

— А то и по две, — поправил Фиалкин.

— Тогда все становится понятнее, — проговорил Зайцев. — Первый этаж, окно выходит в заросли... Не исключено, что в кустах его уже поджидали соучастники... Картина преступления в общих чертах ясна. Вопросы есть? — повернулся он к Ксенофонтову.

— Все, что были, я задал, новые еще не созрели.

Вернулись оперативники. Зайцев поручил им опросить жильцов, не видели ли они у подъезда кого-нибудь подозрительного за последние два часа. Оказалось, видели. Несколько старушек, для которых сидение у окна заменило все радости жизни, рассказали, что парень в нейлоновой куртке, вязаной шапочке и тренировочных брюках торчал у подъезда, не то ожидая кого-то, не то не решаясь войти. Вел он себя довольно странно: каждый раз, когда на дорожке к дому появлялся кто-либо, парень тут же поворачивал в обратную сторону. В подъезд он вошел, когда вокруг никого не было.

— Так, — удовлетворенно проговорил Зайцев. — Вязаная шапочка, нейлоновая куртка, тренировочные брюки... Не узнать его просто невозможно. Пойдемте, ребята, кое-что уточним. — Зайцев с оперативниками вышел на кухню.

— Вот видите, все складывается как нельзя лучше, — сказал Ксенофонтов хозяину. — Вам повезло со следователем.

— Мне и с вором повезло, — заметил хозяин. — Так что у меня сегодня вообще сплошные удачи.

— Прекрасный был пират. — Ксенофонтов показал на изломанный парусник.

— Да, — горестно кивнул Фиалкин. — Сынишка подарил как-то...

— У вас хорошие отношения с сыном?

— Были. С тех пор, как они с матерью выехали, он здесь больше не появлялся. Я попытался как-то выйти на него, звонил, во дворе подстерегал — ни в какую. Все происшедшее он воспринял как предательство. Мое предательство. — Фиалкин тяжело сел в кресло и, поставив локти на колени, подпер щеки ладонями, отчего весь вид его стал каким-то беспомощным и удрученным.

— В чем-то он, наверно, прав... Вы предложили ему убираться с матерью, и не куда-нибудь, а в квартиру своей нынешней жены. Это можно воспринять как страшное оскорбление. Не надо возмущаться. — Ксенофонтов успокаивающее махнул рукой. — Не надо. Я знаю, что вы хотите сказать... Ну хорошо, вы им предложили не убираться, а выехать, переехать, можно и так выразиться... но суть то, суть остается прежней. Они свои узлы вывезли, вы внесли узлы чужой матери, пусть молодой и красивой матери, но и это ничего не меняет. Даже усугубляет! — Ксенофонтов поднял указательный палец. — Поскольку вы тем самым дали им понять, что она достойнее их, более заслуживает вашей любви, ухаживания... Мне кажется, сын должен был перенести это довольно тяжело.

— Так оно и было... Он будто в оцепенение впал... Иногда я жалею, что затеял всю эту авантюру. А иногда нет...

— Когда у вас день рождения? — неожиданно спросил Ксенофонтов.

— У меня? — встрепенулся Фиалкин. — Сейчас скажу... Это... Сегодня. Да, сегодня. А что?

— Больше вопросов нет, — Ксенофонтов поднялся.

— Это в каком смысле?

— В том смысле, что преступление перестало быть загадочным. Вас не удивляет, что именно в день рождения вы лишились двух подарков — от жены и от сына?

— Вы хотите сказать... — Фиалкин поднялся и, побледнев, некоторое время смотрел на Ксенофонтова, не вида его. — Вы хотите сказать...

В это время в комнату быстро вошел Зайцев. На лице его играла еле заметная улыбка, движения были уверенными.

— Все в порядке! — сказал он. — Нашлась свидетельница, которая видела, как к парню в вязаной шапочке подошел жилем из седьмой квартиры, они пожали друг другу руки, перебросились несколькими словами и разошлись. Сейчас жилем из седьмой квартиры на работе, будет часа через два. Через два часа я и спрошу у него, с кем это он так мило беседовал у своего подъезда, кто это был в вязаной шапочке, нейлоновой куртке и тренировочных брюках. Вот так надо работать, Ксенофонтов! А что это вы такие загадочные да молчаливые?

— Видишь ли, Зайцев... — медленно проговорил Ксенофонтов. — Не знаю, право, как и сказать, чтобы не огорчить тебя, не обесценить твою работу, проведенную с таким блеском...

— Ну? Ну?

— Дело в том, что, как мне кажется... Хозяин этой квартиры, гражданин пострадавший... Мне кажется, он решил отказаться от своего заявления. Я вас правильно понял? — повернулся Ксенофонтов к Фиалкину.

— Да. — Тот виновато посмотрел на Зайцева, отвернулся к растоптанному паруснику. — Пожалуй, не стоит поднимать шум из-за такого пустяка. Нет-нет, я отказываюсь признать себя потерпевшим. И не просите, и не уговаривайте! — Голос Фиалкина окреп.

— Ничего не понимаю! — воскликнул Зайцев. — За два часа до задержания преступника вы говорите, что он вас не интересует! Так он меня интересует, черт возьми!

— Я прошу вас, и вас очень прошу, — Фиалкин сложил на груди ладони, — не задерживайте его, иначе... иначе я пострадаю по-настоящему.

— Но возмещение убытков...

— Если вы его задержите, мне уже никто ничего не возместит! Ни-когда! Пожизненно!..

Уехала оперативная группа, уехала талантливая собака, а Зайцев и

Ксенофонтов, оставив в квартире жалкого Фиалкина, медленно шли под мелким дождем, не пытаясь скрыться от него или ускорить шаг. Уже стемнело, светофоры отражались в мокром асфальте, в витринах, отражались в сознании приятелей, но не затрагивали его. Другие образы волновали их сейчас и тревожили.

— Я благодарен своей непутевой судьбе за то, что она подбросила мне прекрасный подарок — посмотреть на работу настоящих сыщиков, — сказал Ксенофонтов уважительно.

— Перестань! — с досадой оборвал его Зайцев. — Дело было несложное, и мы его распределили, не покидая места происшествия.

— Это было великолепно! За два часа...

— Перестань! Что у тебя произошло с этим тронутым Пионовым или как его... Ромашкиным? Почему он отказался признать себя потерпевшим?

— Совесть заела. Кстати, его фамилия Фиалкин.

— Какая совесть? При чем здесь совесть?

— Видишь ли, Фиалкин вдруг понял, до него дошло, что он... не очень хороший человек. Фиалкин мог даже решить, что он плохой человек, очень плохой.

— Какая разница — плохой он или хороший? К нему в дом забрался грабитель, вор, если уж точнее...

— Это был его сын.

Зайцев остановился, некоторое время смотрел на Ксенофонтова, и постепенно выражение его лица менялось от насмешливого к растерянному.

— Ты думаешь...

— Слушай, что произошло... Фиалкин за последний год пережил большие семейные потрясения. Он развелся с прежней женой, сошелся с другой женщиной, молодой и красивой, и привел ее в ту самую квартиру, в которой жила его семья. А жена с сыном ушли в квартиру новой избранницы. Понимаешь? С точки зрения целесообразности это было хорошо, потому что, разменяв он свою двухкомнатную квартиру, ему вообще пришлось бы довольствоваться комнатой в коммуналке. А так он остался жить в двухкомнатной, а мать с сыном получили отдельную квартиру. Казалось бы, все прекрасно. Но есть другая точка зрения — нравственная, что ли... Вот с этой стороны Фиалкин допустил вопиющую бесактность... Понимаешь?

— Ты очень хорошо рассказал о его личных делах... Меня же больше интересует ограбление.

— Чего тебе волноваться, ты его раскрыл, начальник отметит тебя в приказе, подарит что-нибудь... Или повысит в должности. Я очень рад за тебя.

— Итак, ограбление, вернее, попытка, — напомнил Зайцев.

— Хорошо, вернемся к нашим баранам. Сопоставь несколько фактов... Дверь была открыта без следов взлома. Ключом. У кого может быть ключ? Только у близкого человека. Ты слышал, как он говорил о сослуживцах? Они отпадают. Остается прежняя семья, которая жила в этой квартире. Естественно,ключи были и у матери, и у сына. Дальше. Время ограбления — самое неудобное, когда хозяева возвращаются домой после работы. Вор на такое дело в шестом часу вечера не пойдет. Продолжим. Кто может бегать вдоль дома, прячась от жильцов и выжидая, пока никого вокруг не будет? Человек, которого в этом доме знают. Как потом выяснилось, один жилец все-таки его увидел, подошел, поздоровался. Для настоящего вора после подобной встречи самое разумное — смыться. А он?

— И тут ты прав.

— Ты тоже, старик, прав. Здесь столько правоты, что нам обоим хватит. Что же оказалось уничтоженным в доме? Парусник с черными пиратскими парусами и хрустальная ваза. Парусник подарил Фиалкину сына, а вазу подарила жена. В прежние времена, когда все было прекрасно в семейном уголке. Подарили на день рождения. Задаю Фиалкину вроде бы дурацкий вопрос: когда у него день рождения? Оказывается, сегодня. То есть парнишка помнит об этом, помнит старые времена, наверно, еще любит этого толстобрюхого Фиалкина... И возникает в его юном горячем мозгу жажды мести. Да, он хочет отомстить отцу. Тот сам мне сказал, что парень все события воспринял как предательство. Он приходит в свой прежний дом, ломает свой подарок, разбивает вазу, которую подарила мать, но скрыться не успевает. Подозреваю, что он задержался в квартире больше, чем ему бы хотелось, не смог сразу уйти... Не смог. Я его понимаю. А ты?

— Его понимаю. Я тебя понять не могу... Ты что, с самого начала догадался, кто вор?

— Конечно, нет! И мысли об этом не было. Но когда ты начал подбрасывать мне всякие сведения... Я выплыл из них картины.

— Ваятель! — хмыкнул Зайцев. — Хорош на всем готовеньким!

— Признаю, старик! Только благодаря тебе я все понял. Ты проявил настоящее мастерство. Через два часа после начала следствия, — Ксенофонтов посмотрел на часы, повернув их к уличному фонарю, — ты можешь задержать преступника. Но ты этого не сделаешь, верно?

— Задержать-то я его задержу... Но из-за этого полоумного Фиалкина получается, что... Нет состава преступления.

— Это прекрасно! — воскликнул Ксенофонтов. — Хотя, может быть, ты со мной и не согласишься...

— Почему же, охотно соглашусь, — проговорил Зайцев. — Знаешь, мы обычно называем пострадавшими людей, у которых что-то там сперли, что-то повредили — дом, карьеру, здоровье... А разве все родственники, друзья, близкие преступника, разве они не пострадавшие? А общество?

— Стоп! — воскликнул Ксенофонтов. — Дальше не надо. А то тебя захлестнет общечеловеческая скорбь, ты не сможешь выполнить свои обязанности и начальник тебя поругает. Смотри! — вдруг воскликнул Ксенофонтов, показывая длинной своей рукой куда-то вдоль улицы. — Видишь?

— Что? — не понял Зайцев.

— Светится, — блаженно улыбаясь, проговорил Ксенофонтов. — Вареничная светится... Пойдем, а? Как думаешь: наступит мир в семьях гражданства Фиалкина? Боюсь, что и молодая жена, вернувшись с работы, вряд ли сможет его утешить. Сегодня это никому не под силу...

— Он выглядел совершенно убитым.

— Переbyteсь! — жестко сказал Ксенофонтов. — Предатели часто печалятся после того, как исполнят задуманное. Таков уж их удел.

Борис СОКОЛОВ

*

Ты прости меня, мама, прости, что мне выпало счастье такое: много лет я живу на Руси, — что же лучше?

А нету покоя.

Никакой не боюсь я работы, не привык понапрасну тужить, но боюсь, что не встречаю кого-то, без кого не стоило жить. Все куда-то уехать хочу, а уехав, скорей возвратиться, чтобы в свете осенней зарницы прикоснуться к родному плечу. Не услышанное — услыхать, неувиденное — увидеть, никого просто так не обидеть, но обидчиков всех наказать. Повседневной боюсь чепухи и жива повседневностью этой, все хочу написать я стихи лучше всех самых модных поэтов. Вот и вновь посредине Руси вечерами стою над рекою... Ты прости меня, мама, прости, что мне выпало счастье такое.

*

Хранят в своих сердцах березы и воина последний стон, и матерей святые слезы, и гордость вдов, и верность жен.

Хранят березы и другое: расстрел предателя во рву, как он пожухлую траву рвал холодающей рукою... Березы, прошумев над ним, в сережки приподелись к лету... Но мы о нем не говорим: его земли на свете нету!

Хватает в мире женских слез, не стала наша жизнь беспечной, но плач и свет родных берез — как это рядом и навечно!

*

Не лирика, а проза, пронзенная тоской: плакучие березы над черною рекой.

Смелою пахнут доски и краскою — кумач, рубашечка в полоску, и — тихий женский плач:

«Зачем ты нас покинул, как будем без тебя?..»

И русская долина молчит,

туман клуб...

А за рекой к закату очнулись соловьи,

их слушая, девчата вздыхают о любви.

А за рекою травы ждут доброго косца,

а за рекой — держава без края и конца!

*

На невидимой карте души есть свои океаны и горы, и на реках шумят камыши, и созвездья ведут разговоры. Вдруг покажется: сил уже нет, но опять открываются дали, о которых за тысячи лет на планете еще не мечтали. И душа, все столетья вобрав, что над родом твоим пролетели, снова станет светла и добра, как в забытой давно колыбели.

*

Нет, обольщаться я не буду, случайность тут не исключить: признанья можно, как простуду, не ожидая, получить. Мы о признанье все мечтаем, но все-таки не в этом суть, что ты из многих вычитаем, а в том, что пройден общий путь! В нем все: и радость, и тревога, любовь, и ненависть, и труд, а это больше, чем дорога и чужеземное — маршрут. Что из того, что не были в бытность людей ушедших и времен, но, с ними ощущая слитность, ты к ним незримо приобщен! И, видя чистое мерцанье звезд умершей, знаешь ты: признанье — это не призванье, а отблеск суетной мечты... Займется утро. И к ребенку нагнется, пробудившись, мать... Не сногшибательную гонку — жизнь начал. Надо продолжать.

МГНОВЕНИЕ

Не поражу вас откровением, что надоело жить спеша. Душа, живущая мгновением, еще не взрослая душа. И, суеты постигнув коснность, устав и ждать, и забывать, душа терпенье и серьезность успев от дедов передать! Конечно, смехом храмы рушат, веков гранитный парапет, но смех — он тоже сердце сушит, коль в нем и малой мысли нет, коль нет ничтожного сомнения: во всем ли верен твой отсчет? Нет, как ни велико мгновенье, но завтра новое грядет! Живи, с ним встречи ожидая, пусть в нем, пробившись сквозь года, жизнь не твоя — совсем другая вдруг воплотится навсегда.

*

Через поле, вдоль опушки леса шипы держат бесконечный путь. Сколько взяли из земли железа, чтобы рельсы эти протянуть?! Равнодушье линий параллельных нас всегда таинственно влечет. И ведут колеса костишки счет дней дождливых, знойных и метельных. Вот уже и старость у порога, но вот этой мысли не избыть: для меня железная дорога стала продолжением избы. Здесь, пожалуй, те же откровенья, те же разговоры без конца. Как без деревенского терпенья пассажиров бились бы сердца? Самолет — как обморок: пространство было или не было его? Я к дороге, если разобраться, чувствую душевное родство. Остановится в нежданном поле поезд, как телега у плетня, и вдруг сердце захлестнется боли тишина распахнутого дня. Словно не осталось ничего, тихо в душу входит постоянство, а в пространстве сердца моего — Родины протяжное пространство.

НА ГРАНИЦЕ У РЕКИ

НА ФЛОТ — СМИРНО!

точный прицел.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Eсть два Дуная. Первый я открыл для себя, идя по белоснежном комфортабельном красавце теплоходе, под звуки модного в ту пору шлягера, которые лились над палубами из мощных динамиков.

Река тогда казалась величаво томной, изнеженной, почти бесплотной под могучим торсом теплохода. Правый берег мало чем отличался от левого — округлые шапки ив, белые проплешины песчаных откосов. Порой мы любовались сверху на подмытые водой сплетения корневищ, издали казавшиеся упавшими вороными гнездами, или считали тянувшиеся навстречу баржи. Словом, река оставила ощущение тихой дороги, одинаково красивой и солнечной.

Но случилось, что по той же реке мы неслись потом, держась за леера, скользящие дрожащую от напряжения палубу военного корабля. Волны захлестывали нос, доставали брызгами до сигнального мостика. «Ровные» берега внезапно расступались, пропуская наш корабль под арокой зелени в тихий, узкий рукав, нависая угрожающей массой над самыми бортами. Мы вписывались на развороте в эллипс залива, оставляя под днищем десять спасительных сантиметров воды, отделявших корпус от желтого, как дыня, ила. И ко-

ДВА ПОКОЛЕНИЯ КРАСНОФЛОТЦЕВ.

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА.

мандир отсчитывал пеленг до цели, маячившей на гребне далекого берега. А потом мы шли ночью на «самом малом», прижимаясь к фиолетово-черной береговой тени, без огней, чтобы нас не засек «противник». И слушали реку, невольно вздрагивая при каждом всплеске.

Тогда я понял, что одна и та же река бывает разной и должна быть такой. Потому что река — не только водное русло определенной протяженности, ширины и скорости течения. Все зависит от состояния людей. Для большинства из нас Дунай — просто река, соединяющая берега европейских стран, и лишь для немногих это пограничный рубеж, за неприкосновенность и покой которого они ответственны.

Но что же это все-таки за категория такая — артиллерийские катера, сохранившие статус необходимых боевых единиц в наше время атомоходов и авианесущих крейсеров?

Время и опыт — лучшие из конструкторов. Немало всякого рода военных кораблей несло службу на Дунае только за последний век — мощные мониторы, миноносцы, траулщики и легкие эсминцы, сторожевые и торпедные катера, тендеры и мотоботы. История сохранила добрую память о всех, ибо боевые задачи, на них возлагавшиеся, они решали в полную меру своих возмож-

ностей. Но наиболее приемлемым, оптимальным военным кораблем речной прописки был признан маневренный, отлично вооруженный, быстроходный, надежно защищенный броней артиллерийский катер. Эти небольшие по размеру суда унаследовали в своей конструкции и оснащении лучшие черты их предшественников — бронекатеров военной поры, а их гвардейские экипажи — немеркнущие традиции моряков-катерников. Хотя в настоящее время дунайской флотилии нет, но традиции моряков-дунайцев живы и сегодня.

...Плотно прижавшись друг к другу бортами, артиллерийские катера стояли у причала, как солдаты, в одну шеренгу, уткнувшись носами в берег. Низкие борта, невысокие надстройки, полусфера носовых артустановок, зачехленные глазницы прожекторов, вздернутые к небу стволы зениток, серые, под цвет осенней воды, корпуса. В их облике все пропорционально, строго, предельно экономно. Каждая скоба, каждый кранец, каждый квадратный дециметр палубы — для практических нужд, для совершенного определенных целей. Запас жизненного пространства — минимальный, зато во всем ощущаются высочайшая прочность, скрытая мощь.

Мы медленно идем по причалу. Мой спутник — бывший дунаец, Герой Советского Союза Константин

ОТРАБАТЫВАЕТСЯ НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ.

КОМАНДИР АРТКАТЕРА ГВАРДИЙ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ БЕЛЕНКО.

«ВАС ПОНЯЛИ!»

Иванович Воробьев, капитан I ранга в отставке. Он приехал издалека. Будет встречаться с экипажами, рассказывать о пережитом. Но для начала решил пройти по памятным ему местам, вспомнить... Воробьев прислоняется плечом к дереву, расстегивает китель.

— Нам тогда бы такие...

«Тогда» — это под Сталинградом, где лейтенант Воробьев принял под командование бронекатер под номером 33, вооруженный двумя взятыми из музея пушками калибра 76 миллиметров каждая и пулеметами.

«Тогда» — это под Новороссийском, Керчью и потом здесь, на Дунае. Впрочем, тогда шла война, катерики были на самом ее острье, и корабли, как и люди, гибли в бесприимерных по дерзости атаках, в десантных операциях, под артиллерийскими, минометными обстрелами. Гибли, но высоко держали свои гвардейские вымпелы и отважно вершили трудную военную работу.

В августе 1944 года Воробьев с первым отрядом бронекатеров ворвался из Черного моря в устье Дуная. Начался беспримерный поход по пылающей огнем реке в самую сердцевину Европы. Путь длиной более чем в две тысячи километров через Болгарию, Румынию, Югославию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. 237 дней длился дунайский поход, и каждый день отмечал в памяти ветеранов флотилии своим счетом: челночными десантами, борьбой с минами, артиллерийскими поединками с кораблями и батареями врага, штурмами портов, единоборством с гитлеровскими самолетами...

...Мы ждем 162-й, который должен подойти вот-вот. Экипаж артиллерийского катера с бортовым номером 162 — лидер социалистического соревнования среди личного состава, давно носит звание «отличного». Не терпится познакомиться и с его командиром гвардии капитаном-лейтенантом Беленко, о котором немало наслышаны. По отзывам командования, командир 162-го, он же командир звена катеров, — офицер высокой военной культуры, эрудированный специалист, прекрасно знающий тонкости и речного флотоводства. Сейчас арктатер Беленко идет на базу из района, где выполнял учебную задачу.

Вспоминаю рассказ флагманского артиллериста о последних стрельбах, где отличился экипаж 162-го. Звено арктатеров под командованием Беленко должно было выйти на рубеж атаки и открыть огонь из носовых орудий по двум замаскированным целям. Дистанция почти максимальная, и руководитель учений рассчитывал, что работы хватят комендорам всех трех кораблей. В атаку выходили уступом, стрельбу договорились открывать, только достигнув определенной отметки. Первым достиг отметки и открыл огонь командирский катер Беленко... Двум идущим следом стрелять было уже не по чему, на месте мишени дымились останки деревянных щитов.

162-й, сделав полукруг, вписался в строй кораблей, застывших у стенки причала. По-мальчишески легко взбежав по тропу, Беленко остановился, окинул взглядом свой катер, удовлетворенно кивнул, видимо, оставшись довольным швартовкой. Среднего роста, обычной комплекции, стоял в его глазах я не заметил, напротив. Лицо командира прямо-таки излучало теплоту, и даже усы не делили его строке.

Уже потом, наблюдая за Вадимом Леонидовичем, я понял, что хотя жесткость вообще ему не присуща, он отнюдь не такой уж добрячок, что в иные минуты умеет быть требовательным, скрытым на чувства, расчетливым. И пусть по сути своей Беленко — человек добрый, доброта его высшего порядка, он никогда, например, не простит разгильдяйства именно потому, что добр к людям и понимает, какой вред человеку можно нанести, закрыв глаза на проступок.

Помню рассуждение Беленко о его военной профессии:

— Что такое арктатера? Так себе, кораблики, скажете? Нет, катера — это быстроходные плавучие батареи. Они пройдут там, где не смогут пройти большой корабль, их атака, как правило, внезапна для противника. Причем залп катеров — это мощный шквал огня, точного, губительного. А надо, так мы и в море во-

евать можем... Словом, наше катерное дело — это дерзость, помноженная на точный расчет.

Дерзость... Вспоминаю одну из самых потрясающих по дерзости странниц Великой Отечественной. Это случилось на Дунае. В первые же дни войны, когда немецкие танки рвались к Минску, Киеву, Риге, когда сотни километров нашей территории были уже оккупированы врагом, моряки-дунайцы вместе с пограничниками и красноармейцами местных гарнизонов не только отбили атаки врага, но и провели наступательную операцию, названную «Кирил-Веке». Высадив десант на румынский берег, они взяли штурмом несколько населенных пунктов, захватили сотни пленных, и только приказом командования заставил наших бойцов спустя несколько дней отступить.

...Утром следующего дня никто еще не знал, что предстоит выход звена в район учений. Поэтому утро начиналось, как обычно, с приборки. Команда в рабочих робах дружно драила палубу (на наш взгляд, и без того чистую), корабельную медь, наводила порядок в кранцах. После чего старпом, гвардии мичман Семен Перепелица прошелся по катеру с «ревизией». Наметанный глаз мичмана заметил пыль на бронекрышках, остальное же было в полном ажуре. Перепелица подозвал гвардии матроса Олега Беличенко, провел пальцем по этим самым крышкам и спросил:

— Все понятно?

— Так точно, товарищ гвардии мичман, все.

Наблюдала за этой сценой, я уже не удивлялся, так как знал, что старпом, отдавший службе на катерах больше пятнадцати лет, болезненно воспринимал любое проявление нечистоплотности на корабле. Он успокаивался только тогда, когда его 162-й сверкал чистотой от носа до кормы. Перепелица любит повторять ставшую на базе крылатой фразу: «Корабль может позволить себе небрежность во внешности только в бою, до и после корабль должен сиять, как паркет в Эрмитаже».

Полевой телефон, связывающий со штабом и установленный прямо у причальной стенки, звонил в то утро редко и вяло. И вдруг, словно сбросив с себя оцепенение, взорвался пронзительным непрерывным зуммером, заставив дежурного вздрогнуть от неожиданности.

— Да... Есть... Понятно...

Так в 9 часов 18 минут был передан приказ начальника штаба, следуя которому звено Беленко должно было срочно идти в район полигона. Дальнейшие распоряжения звено получит на месте по радиосвязи.

Все дела в сторону. Еще не убранные сходни, но уже ревут двигатели, вспенивая воду вдоль бортов. На боевых постах идет проверка аппаратуры и приборов. Никому из экипажа пока неведомо, что предстоит катерам на полигоне, но порядок неизыгрем: перед походом все должно быть в рабочем состоянии — машины, системы управления огнем, артиллерийские установки, даже аппаратура ночного видения, хотя до сумерек еще далеко.

Спустя считанные минуты после получения приказа корабли один за другим отваливают от стенки и уходят по реке. Основное русло Дуная в эти часы напоминает оживленную городскую трассу. Навстречу несутся крьлатые «Кометы», ползут неуклюжие баржи, плавучие краны, катера всех мастей. С одного из толкачей вдруг доносится протяжный гудок. Беленко улыбается, выходит на палубу, машет рукой. Объясняет:

— Старый знакомый. Как-то залнило у них руль, понесло к чужому берегу. Ну, а мы мимошли. Помогли, конечно, взяли на буксир, а потом и ремонт вместе сделали.

Он не договаривает, что случи-

лось это в штормовую погоду, ночью, когда уже одно только сближение с терпящим аварию судном было немалым риском.

...На подходе к полигону радиостанция принял радиограмму, смысл которой сводился к тому, что звено предстояло скрытно подойти к квадрату 7, обнаружить цели и уничтожить их огнем кормовых артиллерийских установок. Все просто и как будто ясно. Но не сказано, каким маршрутом идти, сколько этих самых целей и где они хотя бы приблизительно находятся. Квадрат 7 — это не садовый участок, а район в несколько квадратных километров. Острова, несколько проток, плавни. Где там искать цели?

Задраены люки, переборки. Заняли свои места комендоры, укрытые бронированным колпаком орудийной башни. Заработали локационные системы. Снаружи, на сигнальном мостике, остался лишь Олег Беличенко, от которого зависит сейчас очень многое. Какими бы совершенными были средства опознавания, мишени, да еще если они установлены на берегу, обнаружить радарами не всегда удается, острый глаз сигнальщика, просвещивающий горизонт сектором за сектором, заменить чем-либо пока трудно.

В нужный квадрат два пути — русло реки, растекающееся в широкое устье, и узкий, мелководный рукав. По руслу трем катерам пройти незамеченными — дело почти невозможное. Как бы мы ни прижимались к берегу, расходящиеся веером буруны за кормой выдают катера. Беленко морщится в раздумье. Звено ждет его решения. А что, если пройти через рукав? Последние дни ветер был с моря и шли дожди, уровень воды в реке поднялся. Да и много ли надо легким катерам.

— Передай остальным, — командинд делает паузу, Беличенко ждет, — идем в рукав. Следовать строго за мной...

Неведомо когда пробил Дунай, спешивший к морю, множество узких, напоминающих горные серпантини проходов. В иные жаркие месяцы они мелеют до такой степени, что большинство из них можно перейти вброд. И тогда обнажает река закоряженные иллистые ямы, бурлящие зазевавшимися мальками, старые, проржавевшие якоря, полусгнившие остатки рыбачьих барок. Сейчас все это скрыто водой. Надежно ли?

За спиной командира непрерывно отсчитывают деления прибора, измеряющий глубину. Мы стараемся идти по самой середине протоки. И все же время от времени цепляем антенну за ветви деревьев, свесивших над водой тяжелые от ночного дождя кроны. Протока резко сворачивает влево, и катер стопорит машины, а потом отрабатывает задний ход.

Из машинного отделения появляется старшина команды мотористов гвардии мичман Федор Браила.

— Командир, двигатели не жалеем, долго еще так ползти будем? Как танго танцуем — два шага вперед, шаг назад, честное слово...

— Отставить, Федор Иванович, жалобы. Так надо. — Беленко даже не поворачивает головы, все его внимание — на протоке. Браила вздыхает, молча скрывается в утробе катера. Мне немного жаль мичмана, он с такой нежностью обхаживает свои дизели. Команда мотористов арктатера считается одной из лучших на флоте, хранит у себя в машинном при командующем флотом, полученный по итогам года, — высокая честь.

Понимаю замысел Беленко. Протока выведет звено прямо к широкому проливу, разделяющему острова. С пролива острова как на ладони. К тому же там достаточно пространства для маневра.

Глубина близка к критической.

Неужели расчет Беленко не оправдается? Я вижу, как нервничает Перепелица, еще бы, вести катер, зная, что всего 10—15 сантиметров отделяют корпус корабля от дна! О чувствах самого командира можно догадываться только по плотно скоженным губам и неморгающему взгляду.

Наконец, впереди открывается кажущаяся необъятной после тесноты протоки гладь пролива.

— Всем внимание... Учебная тревога... Машинам «полный», — выдвигает Беленко. Инстинктивно скимают ладонями ручку задраенного люка.

Свистящий рев дизелей. Вспененная вода колышматит по рубке. Серыми хлопьями взмывает справа стая испуганных птиц. Катера тремя пенистыми стрелами вырываются на пространство залива. Перестроение. Первым слева наш 162-й, чуть позади, уступом, еще два. Беленко буквально влив глазами в окуляр дальномера: где цели?

— Цель справа, — голос сигнальщика дрожит от возбуждения, — на окончности острова, дистанция — две пятьсот.

Значит, есть одна. И нашел ее Олег Беличенко, разглядев все-таки сверху, с мостика.

Командир молча поворачивает прибор вправо...

Спустя несколько мгновений цель — полосатый край щита — видят в триплекс прицела комендор Михаил Ким.

— Пеленг 70, — повторяет Ким целеуказание командира. — Дистанция 1900...

Резко клацает стальной брус клина, вгоняя в канал ствола матово-желтый цилиндр снаряда. Птичка прицела застыла под основанием полосатого щита. Вспыхивает глаз блокиратора — цепь стрельбы замкнута.

— Установка заряжена, — шевелит губами наводчик.

— Беглым, огонь...

Залп толчком ударяет в барабанные перепонки, гаснет звоном под броней башни... В боковой триплекс вижу, как спустя секунду выплескивается из ствола соседнего катера оранжевый всполох. Стрельба идет примерно с одинаковыми интервалами. Ветром смытый дым с окончности острова, обнажая догорающие остатки щита.

Ким облизывает сухие губы, шепчет:

— Есть первая.

Катер стремительно приближается к коричневой стене берега. И вдруг голос Беленко:

— Цель слева, у уреза воды, пеленг 70... Дистанция...

Ким посыпает башню влево, вгоняет снаряд в ствол... Рукам комендора не нужна подсказка глаз, пальцы сами находят нужные кнопки и рукояти... Я вижу, как взлетают в воздух дымящиеся щиты, как покрывается дрожью вода от осколков.

Резкий поворот влево. Кажется, что, мы не впишемся в спираль залива. Но все обошлось. И вновь катера на полном ходу яростно атакуют невидимого противника, разламывая тишину реки эхом выстрелов.

...Только к сумеркам спало напряжение. И мы начали воспринимать реку такой, какой она была в действительности, — величавой, размежеванной, щедрой в своей красоте. Я подумал о том, что, вероятно, таким и должен оставаться в сознании людей лиц реки — незамутненно чистым, нежно ленивым и слегка загадочным. Я сказал об этом Беленко.

— Да, — кивнул головой командир, — вы правы. Но я все равно должен уметь определять пеленг и проводить катера кратчайшим путем, а комендоры должны точно попадать по целям. Потому что даже у самой прекрасной реки должны быть защитники. И для них река — это прежде всего рубеж, а потом все остальное.

ОТ СТАНЦИИ ЮНОСТЬ ДО СТАНЦИИ ЗРЕЛОСТЬ

Натан ЗЛОТНИКОВ

ВЕСНА

Никому не известно,
Какого числа
Снег исчез повсеместно,
А дочь подросла.
Глуше сердца удары.
Ты смущен или горд,
Слыша новой гитары
Тот же, прежний аккорд?
Ты сыграл бы иначе?
Ты и сам хоту куда?
Но хочет и плачет
Над тобою вода,
Что летит вдоль оврага
Легко-тяжело,
Та же весняния тяга
Ставит птиц на крыло.
Ах, была бы охота
И слушать, и петь...
Нежных струн позолота,
Суровая медь.
Городские стрекозы.
Марта гулкий манок.
Смех. Внезапные слезы.
Долгожданный звонок.
Тайный зов телефона
Унесет в провода
Грусть притворного стона,
Шепоточек стыда.
И встает выпускница
С гребешком к зеркалам,
Счастья вешняя птица:
Страх и страсть пополам.

ТАМ, ГДЕ ОНА, СНЕГА...

Когда долю до дна
Всю радость, все невзгоды,
Мне женщина одна
Привидится сквозь годы.
Там, где она, снега
Идут все круче, круче,
И жизнь недорога,
Хотя забвенье лучше.
Неужто, неужель
Замкнулось время? Или
Уж больно крепок хмель
Того, что с ней испили?
Полярный городок.
Знакомство скучки ради.
Спокойный холодок,
И стыд, и жар во взгляде.
Уж нет, не позовут
Туда, где запах стирки,
Студенческий уют
Учителской квартирки,
Туда, где до сих пор
Я молод перед нею,
Несу какой-то вздор,
Не от вина пьянею.

СЕВЕРНЫЙ РОМАН

Почему, когда о Севере —
Вечно слышу скрип саней?
Как прощали мне, как верили!
Был я сам себя сильнов.
Верили, прощали сильнова.
Что прощали? Невдомек.
Путь по кромке льда капризного
Страшноват, хоть недалек.
Утром солнечной полоскою,
Свежим контуром огня
Обвел вершины плоские,
Низкий берег, круп коня.
Дорожил словами поздними
В ранний час близ тех вершин.
Долго-долго за полозьями
След укатанный спешил.
Под пуховой шалью в инее
Цвел румянцев, как ожог.
И напрасно шли две линии
В молодой еще снежок.

ПОВТОРЫ

Еще мне возвращаться рано
Туда, где я и стар, и сед,
Где громко капает из крана
Вода военных первых лет.
Я видел мир во мгле и мраке.
И пусть не долетел свинец,
Но голод истязал в бараке,
Где мерз чуть видный каганец.
Смотрел на пламя я бессонно,
Как будет вперед, как было встарь,
Гремел завод, а с полигоном
Неслась пороховая гаря.
Когда жестокие уроки
Судьба додиктовала мне,
Я пережил земные сроки,
Осталось жизни чуть, на дне.
Как в затихающем подранке,
Что на воде студеной лег.
Как масла скучного в жестянке,
Где плавал тусклый фитилек.
Но сердце все ж таки согрелось,
И время повернуло вспять,
Чтоб юность я узнал и зрелость.
А старость мне зачем опять?..

КЛИНОК

Он узором разукрашен густо,
Тяжек легкой тяжестью живой,
И темнеет мета Златоуста
Перед рукояткою кривой.

И струится тихо золоченое
Сквозь покой булата изнутри,
Словно осторожное свеченье
Предрассветной молодой зари.

Хорошо, что в молодости краткой
Этой красотой не пренебрег,
В тайну стали заглянул украдкой
И урок запомнил, и упрек.

Мастер мастерство свое не прячет,
Цену знает и добру, и злу.
Не корысти служит, не удаче —
Служит красоте и ремеслу.

В темном цехе у гудящей печи,
Где вина красней бродил металл,
Я дрожал озабочен жаркой сечи
И в поту любовном трепетал,
Чтобы лезвие сверкнуло тонко,
Добрый — веру, злым внушила
страж,
Чтобы осторожно, как ребенка,
Я клинок баюкал на руках.

ТЕПЛОХОД В МОРЕ

Открыты данснитги и бары,
Шумят веселье на борту.
А море морю шлет удары,
Меняет милю на версту.
И все задиристей погодка —
Сигнал уже принят штормовой, —
И все мористее походка
У судна по волне кривой.
Что тянет нас? Мы здесь. Мы в
собре.

У Родины есть эта власть.
Орган так не звучит в соборе,
Как буря в море, в сердце страсть.
Отсюда мы! Для всех чужбина —
Крутые берега земель.
Спокойствия полна пучина,
Забытая, как колыбель.
Но дальний знал, знал близкий
предок:
Здесь страсть, а не случайный
флирт,
И воздух над водою крепок,
Как слабо разведеный спирт.
На море издавна похожи
Холмы и горы, степь и лес,
Все, что печалит в день погожий,
Возносит в хмурый до небес.
Что вечно, потому что зыбко,
Как тяга к женщине родной,
Чья после сна светла улыбка,
Пусть даже этот сон дурной.

НАПОМИНАНИЕ

Полыни запах, запах чебреца
Над знойною дорогой без конца.
Мы гнали в Керчь и пролетели мимо
Сухого марева степного Крыма.
Шел от асфальта жар, как от печи,
И он прожег подошвы нам в Керчи,
Где после гонки, словно после взрыва,
Парома молча ждали у пролива.
Вода была, как «ранней виры» грозь,
Зелено и прозрачно насквозь.
Но смутный расставания осадок
Горчил сильней, хоть виноград

был сладок.

Казалось бы, сполна платил я дань
Дороге... Только впереди Тамань!
Там за паромной плоскою водою
Упьюсь я прозой вечно молодою.
Там путь на юг, там реет у лица
Полыни запах, запах чебреца,
Как душное дыханье мицданья,
Что пили мы в час первого свиданья.

КРАСКИ

Г. В. Саничуку

Зачем художник приручает краски,
Как певчих птиц?
Зачем всегда чурается подсказки
Ученых лиц?
Он слышит посвист, щебетанье, пенье.
И что ни цвет,
То свежий голос, норов, оперенье —
И взор согрет.
А краски, что давным-давно все спели,
Другим, другим,
Вновь молоды назло всей канители
И лет, и зим.
Звучат правдиво слаженные хоры,
И кисть сильна —
Послушны стени ей, леса, и горы,
И времена.

ПРООБРАЗ

Вблизи Оки и Волги Монферран
Поставил малый храм. Он был моделью
Исаакия, и времени буран
Жег оба купола жарой, грозой, метелью.
Летал нижегородский говорок
Под первым,

Под вторым зменились речи
Вельмож. И разом святость и порок
Под тем и этим возжигали свечи.
И все ж прообраз с образом не схож,
Хотя возводились на единой вере,
Один лекала в дело шли... И все ж
Причина скрыта, видно, не в размере.
Но в чем же? Даже гений из возка
Взглянул лишь мельком и вздохнул,
как всякий,
Как будто бы узрел издалека
Знакомый и таинственный Исаакий.

В ТАЛЛИНЕ

Чего это ради
Я вспомнил уют деревень,
На Вышгород глядя,
Прихлебывая глинтвейн?
Там, не в глухомани,
А лишь от тебя вдалеке
Проехали сани
По темной пустынной реке.
Я вспомнил след волка
Вдоль зимника с хвойной трухой.
И ты приумолкла,
Пугаясь дороги глухой.
Ты жалась на стуле
И зябко плечом повела.
Что? Вьюги задули,
В ночи раскалься добела?
Что? Холод кромешный
Всю душу пронзаёт насквозь?..
Не бойся, я здешний
В краях тех. А в этих я гость.
И ты не устала
Быть рядом и рядом не быть.
Но разве так мало
Пригубить, отведать, испить
Горячий напиток
Холодных остзейских земель
И силы избыток,
Что греет сильнее, чем хмель?

ЗЕЛЕНАЯ ПАМЯТЬ О ЛЕТЕ

Зеленая память о лете,
Чем ближе весна, тем живей —
Шум листвьев на зимнем рассвете
Среди оголенных ветвей.
Что будет, о том вспоминает
Природа, как дети урок:
Листва загорится иная,
И лето наступит в свой срок.
Хоть песни метели не сплыт
И грозно гудит снегопад,
Деревья надеждой согреты:
Им чудится, пчелы гудят.
Далеко до теплого брега,
И самый разгар ходов,
Но ветви, огрузив снега,
Все грезят про тяжесть плодов.
Стремление мальчика к риску
Живет в нем едва ль не с пелен.
И девочке путь к материнству
Заранее определен.
А если уж сорок за сорок,
Грядет не уход, но возврат,
И видно, не зря дальнозорок
Скользящий вдоль времени взгляд.
Осталась ведь самая малость
До дней, где листва зелена.
И слушает, слушает старость,
Как детство шумит и весна.

ОРЕШНИК

За дальним лесом высится гора.
Быть может,
Там еще не смолкли эхо,
Которое оставили вчера
Навеки среди зарослей ореха.
Счастливые звучали голоса
В орешнике
Невозвратимой встречи,
Где черная пугливая коза
Несла рога витые, словно свечи.
Еще целебный воздух не остыл
От жаркого дыханья поцелуй,
Еще в речонке взбаламучен ил,
Где шел он вброд, подняв ее, ликую.
И тень еще готова по пятам
Бежать вслед,
Томиться на привале.
Еще орешник ждет вдвоем их там,
Где после только врозь они бывали.

В ЧАЩЕ

Чем дальше от опушки в лес,
Тем гуще сумерки и хвоя,
Ты растворился, ты исчез,
Как исчезает все живое.
Петляние подземных вод,
Движение древесных соков
К твоему душе отыщут ход,
Ты — суть пространств
И вечных сроков.
Но не захочешь, чтоб скорей
Шло время, заполнялись соты,
Росло потомство у зверей,
Вершились птицы перелеты.
Природы выучил урок,
И постоянства, и геройства,
Ни ель, ни птица, ни зверек
Не перенял наши свойства,
Телам, живущим во весь мах,
Стремления, что так конкретны,
Небытия неведом страх,
И потому их души смерти.

ПРОЗРАЧНОСТЬ

важен для молодого человека, особенно творческой профессии, выбор наставника, того, кто поставит голос, отточит резец, направит кисть. Н. К. Перих — личность необычайно яркая, властно подчиняющая всех своей самобытностью, и в то же время деликатная, тонкая. Николай Константинович ценил и уважал в человеке самостоятельность мышления и творческую индивидуальность. Он и к природе относился как к людям — самостоятельно осмысливая ее, одушевляя, оживляя природу. В искусстве ему была интересна не столько первооснова, сколько философское, духовное содержание произведения.

В четырнадцать лет я впервые прочитал маленькую книжечку о творчестве и жизни Н. К. Периха. Но даже по черно-белым репродукциям в той книжке я сердцем понял картины Периха. Меня особенно поразило небо: живое, открытое, с

ИЗ ЦИКЛА «АЛТАЙ». «БЕЛУХА. ТУМАН НАД ОЗЕРОМ». 1983.

«ПСКОВ. ПОКРОВСКАЯ БАШНЯ». 1984.

Крымская весна в Коктебеле дарит ежедневную радость первооткрытий: лиловые водопады глициний, тайну матового полупрозрачного сердолика, дымные лучи солнца, падающие сквозь полог листьев и освещающие зеленым светом розовые чаши пионов. А по ночам в лунном свете таинственно сияет Святая гора, тяжело, темной громадой сутулиется Карадаг.

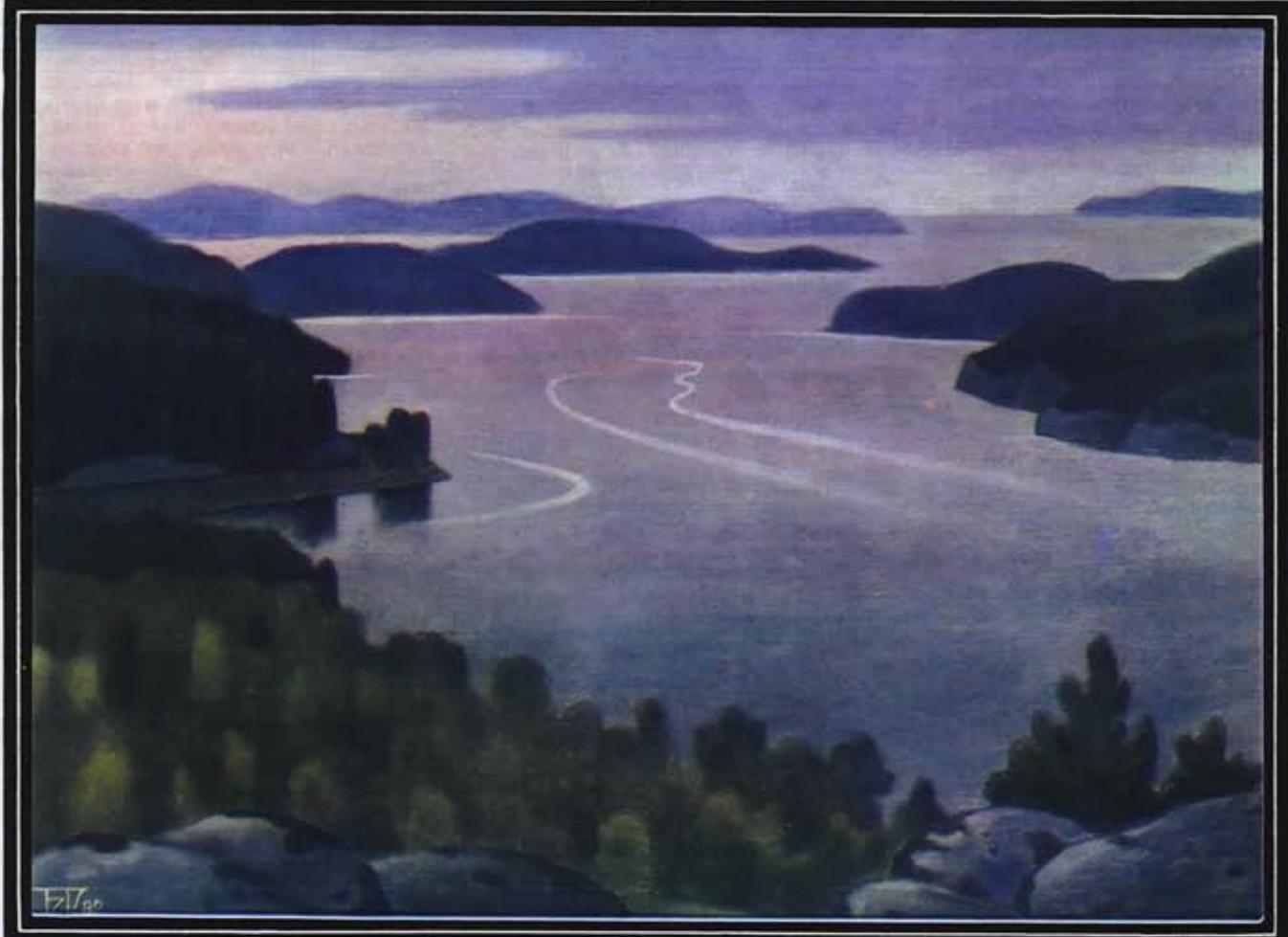
Все, что увидела в ту щедрую крымскую весну, я пережила еще раз в музее Судака на выставке картин художника Бориса Алексеевича Смирнова-Русецкого. Все было то же, но, преображенное взглядом художника, приобрело особую значимость, одушевленность.

«Творчество человека созвучно творчеству природы», — считает Смирнов-Русецкий. Он относится к природе не как покоритель, он ее со-беседник, со-автор, со-тружник. Для Смирнова-Русецкого это не только художническое кредо, но категория этическая, нравственная.

Когда смотришь на полотна Б. А. Смирнова-Русецкого или беседуешь с художником, видишь в нем достойного ученика Н. К. Периха и думаешь, что человек этот сумел оставаться на всю жизнь настоящему благодарным и преданным учителю и в то же время сохранить свой самостоятельный стиль, свою индивидуальность.

— Я часто думаю о том, как

ИЗ ЦИКЛА «СЕВЕР». «СУМЕРКИ НАДВИГАЮТСЯ». 1982.

щем, считал, что дружба России с Индией послужит надежным щитом в борьбе за мир.

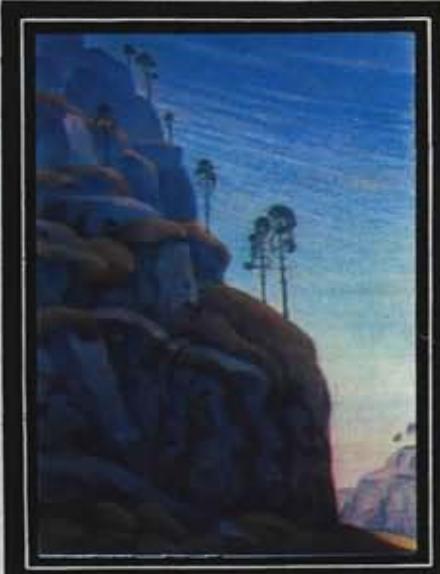
И все-таки главным моим учителем оказалась сама жизнь. Двадцатые годы — время революционных преобразований, когда формировалось и мое мировоззрение. Я вспоминаю годы юности как время неизысканной погони за новыми знаниями. Мой интерес к театру, литературе, живописи, музыке в те годы только разгорался. Наверное, от Чюрлениса, творчество которого стало мне очень близко, пришло умение выразить себя и в звуках, и в цвете. В своих первых картинах я пытался показать музыкальность природы: от осеннего увядания к зимней прозрачности. Тогда же возник цикл «Прозрачность», над которым продолжается работа и сегодня, — настолько увлекает меня обра́з ясности души и мира, открытости мыслей и чувств.

«Рассвет» (1976 г.). Трогательная незащищенность, доверительность первых марта вских дней. Чиста и прозрачна природа; все суетное, незначительное ушло, все дышит ожиданием рассвета. Картина написана пастелью, выдержана в голубовато-серых тонах; кисть мастера изящна и легка.

— Жизнь человека состоит как бы из ступеней, и каждая ведет его к самосовершенствованию, к самоизвестию... Картины, наиболее близкую мне самому, я назвал «Ступени»... Между двумя космическими полушариями, озаренными лучами света, восходят ступени, как бы выражая бесконечность Вселенной.

ИЗ ЦИКЛА «КРЫМ». «СУДАК. ПРИБОЙ». 1985.

ИЗ ЦИКЛА «СЕВЕР». «СТУПЕНИ СКАЛ». 1985.

облаками, дарящими радость или грозящими бедой; я их старательно и взволнованно перерисовывал.

В 1926 году, когда семья Перихов приехала в Москву, мне и моим друзьям удалось встретиться с этим замечательным художником, ученым, общественным деятелем. Обращаясь к нам, он говорил, что молодежи Советской страны придется много работать. Относясь к творческому труду как к преобразующему началу, он утверждал: «Ожидайте, что духовные идеалы придут к нам, когда мы умножим качество своего труда. Дисциплина труда должна стать крыльями, а не цепями». Он знал прошлое и настояще России, предвидел ее ведущую роль в будущем.

ИЗ ЦИКЛА «КОСМОС». «ВОЛШАЯ ТУМАННОСТЬ ОРИОНА». 1977.

Где-то здесь, на средних звенях космической лестницы, находимся мы, люди. Отсюда мы видим беспрепятственность жизни, ее синтез, красоту и гармонию. Здесь, на космических путях, мы трудимся и осознаем себя. «В каждом из нас, — говорил Н. К. Перих, — живет ощущение космической близости».

Ему всегда были интересны гуманитарные науки, искусство, литература. Но жизнь повернулась по-другому — он стал инженером, преподавал металловедение в МВТУ имени Баумана.

— Я многому научился тогда, от 26 до 36 лет, за десятилетие практического труда. Чувствовал, как во мне шло интенсивное развитие рационального мышления. Искусству отдавал свободное время, уплотнял время за счет сна, отдыха. Такое соединение труда умственного,

научного и труда в области искусства, то есть в области чувств, сердца, до сих пор дает мне ощущение гармонии, наполненности счастьем. В свое время мне как молодому ученику были близки искания Чижевского, Вернадского, Чижевского — идеи космизации науки.

Цикл «Космос» родился, конечно, потому, что художник еще и ученик. Так понимать законы гармонии может человек, познавший законы точных наук, основы астрономии. Создавать картины на исторические темы ему помогают основательные знания в области истории, этнографии, природоведения. Страст к путешествиям породила десятки полотен из цикла «Алтай», «Север». Смирнов-Русецкий прошел и проехал по тем местам, где когда-то бывал его учитель. Ему интересно было взглянуть своими глазами на то, что увидел Н. К. Рерих. Что это? Подражание, соперничество? Нет, беседование с учителем, содружество сердец.

Человек всегда остается учеником, даже становясь наставником, учителем для кого-то. Для себя же он всегда ученик, ибо как только человек перестает учиться — у своего учителя, у жизни, у друга, — он гибнет как личность.

В картинах Смирнова-Русецкого радует способность художника подсказывать восторженно и первозданно увидеть красоту мира: дождь из соседней тучи, последний луч солнца на белом плече собора. Но поражает в его картинах неиюминутное впечатление, а тайна вечной гармонии, значительность каждого мига. Особенно интересен цикл «Острова в пространстве». Природа северной России насыщена зачаровала художника; она одаривает его бесконечным рядом ассоциаций, художественных метафор. Острова для него как часть Вселенной — это и галактика, и земля, и сам человек в просторе космического пространства. В картине «Острова мечты» (1978 г.) художник насыщает тему философским звучанием: на Ладожских островах вырастают белокаменные города силуэтами древнерусских башен, куполов, мечетей Востока. Острова мечты, смыкаясь с грядами кучевых облаков, уходят в бесконечность простора, и будто распахивается духовная даль.

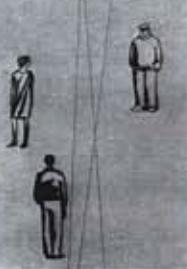
Тему философского и лирического пейзажа художник пронес через всю свою жизнь. Были трудные годы индустриализации и коллективизации, когда от поэтов и художников требовалось «отображение момента», раскрытие «темы дня». Суровые ветры эпохи не обошли Смирнова-Русецкого, но он остался верен правде Жизни и правде Искусства, сохранив молодость и открытость души, радостное доверие к человеку.

Истинная величина художника определяется временем. Успех — одно. Слава в высоком понимании — другое. Чаще всего она не приживется. В своем творчестве с годами я все выше оцениваю произведения мирового значения, такие, например, как «Троица» Рубleva, «Блудный сын» Рембрандта, полотна Н. К. Рериха. Это самая для меня строгая мера. Задумавшись о них — и становишься скромнее. Выставки, отзывы зрителей важны для художника, но самое главное — работа. С годами научишься ценить даже малую толику времени: нужно быстрее и больше работать. Требования к самому себе становятся более строгими. Мне все чаще вспоминаются исповедальные слова Н. К. Рериха: «Спросят: как перейти жизнь? — отвечайте: как по струне — бездну: красиво, бережно и стремительно».

Беседу вела Лидия ВАСИЛЬЕВА.

EX LIBRIS
СМЕНЫ

ПРОЗА

Цельность героя

Мы часто сетуем сегодня на недостаток в современной прозе героев цельных, энергичных и действенных. В последней книге Александра Буртынского («Тонкая струна». Повести и рассказы. «Московский рабочий», 1984 г.) герой, говоря отвлеченным литературным языком, не «изображаются» виденные беспристрастным взглядом стороннего наблюдателя, они живут в мире органическом и узнаваемом, среди реальных примет действительности. У них простые имена, обычные профессии, и это подчеркнуто автором в лаконичных заголовках рассказов — рабочий Галага, слесарь Николай Иваныч, снабженец Нина Петровна... Герои писателя неброски, главное в них то, что живут они по совести, в согласии с правдой.

По-земному светла и тревожна зыбкостью недолгой радости любви лейтенанта Мелиха к чешской девушке Ижины, спасшей ему жизнь (рассказ «Ижины»). Ушел на фронт муж Нины Арбатовой («Вдох»), и легла на женские плечи тяжкая забота о лесном хозяйстве. «Долг горький вдовий путь». Все ждала лесничих свою счастье. А оно все не возвращалось. Да так и не вернулось. Скорбная эта, разбитая войной судьба одна из многих. И похожа и не похожа она на другие, да и с наним лихом сравняться безутешная вдовья беда? Сперва и не понять, как среди эшелонной неразберихи тыловых станций заведующий эвакуированным детдомом «Мариванье» хватает терпения и сердечного тепла на всех разбросанных войной ребятишках (повесть «Давняя дорога»). «Все перепуталось. Но это временно, сейчас главное — не растеряться, оставаться людьми» — в этой спокойной уверенности женщины не только житейская мудрость, здесь нравственные истоки мужества.

Воссозданные с проницательностью художественной достоверностью, возникают перед нами и наши современники. Крепкий характер у снабженца Нины Петровны, без жалости уходит она от обеспеченного, «благополучного» мужа, сфера духовных интересов которого ограничена служебным престижем и унылым семейным накопительством. Героиня повести «Любино Подмосковье» молода, но у нее есть основное — цель в жизни, любимое дело. Любимым героям писателя противостоят воинственные мещане — неудавшийся поэт Константин и манерная Дауша («Погостевали»), вялый нарье-рист, муж Нины Петровны и нервный прораб Бляхин, предпримчивый сторонник производственной показухи, готовый ради лишнего премиального рубля похоронить в замерзающей рече целый землянайд («Галага»). Рабочего человека в произведении

илюблю автора к своему герю, кровной, исторической близостью к нему: Слесарь Поликарпов («Николай Иваныч») предлагает идею о усовершенствованию экспедиционного корпуса контроллера — это и принципиально новая технология, и экономия масштабов завода. «Не нагораживай мне брана, — обращается он к молодому фрезеровщику, — надо все-таки считаться с людьми. Год трудный, пятнадцать идет до срока! Что? Лозунги ни даются? Это все руки людскими делается, а ты всех подводишь». Танова хозяйственная ответственность современного рабочего на любом участке производства. Об этом просто и убедительно, без показного пафоса говорит автор устами героев.

Дмитрий НЕЧАЕНКО

ПОЭЗИЯ

Небо Резина

Батя, не вижу разницы —
Чьято или моя
Вольную песню разинцев
К морю несет ладья.

В этом обращении к Дону Ивановичу поэт Леонид Лавлинский обозначил источник своего замысла. Три его поэмы, три главы повести в стихах «Солнце красное» (изд-во «Современник», Москва, 1984 г.) — новое прочтение-проникновение в «пороховой котел смуты», в котором «заналивались» история Русского государства. Поэт воссоздает ее в лицах и разговорах, лирическим чувством подхватывая ирины и шепоты эпохи, звон колоколов и мечей, символически организуя яростную «разномастность» исторических событий. Внешне-политические усобицы, заставлявшие тесниться сплачиваться Русское государство — от Польши до Персии, а внутри — пламя раскола, во главе с Никоном и Аввакумом, «бродильный чан» вольного казачества — одновременно опоры и угрозы царской власти, смута на самом царском троне — в этот исторический круг «вписался» и разинский бунт. В нем выступила самая народная, мужицкая сила, с «мужицким царем»: «В парчу ватага разодета, на шапках яхонты горят и черт зипунникам не брат». С фигурой Разина у Лавлинского входит тема дохлестувшего до наших дней историко-идеологического спора: «Кто лютей каную свят бесовщину. И ядами какой чумы налечит острые умы», — и непосредственно-активное народное чувство справедливости.

На ноте этого чувства и ведет поэт свой рассказ как бы с летописями, документами, письмами в руках. Порой это лишь обрывки, чудом спасшиеся от истребления... «А я не видел хитрых строчек, но разве, люди, умолчу, что мне роднее темный почар, чем толмачу и палачу?»

Лавлинский умело вовлекает читателя в сердцевину событий, словно заманивает то песней, то притчей, то картиной, действуя истинно по-казакски: «Нр сеча — дело роновое. А Стенька — опытный игрок во всем, что затевает рон». И все повествование освещено особой

любовью автора к своему герю, кровной, исторической близостью к нему:

Заматерели колдуны:
Воруем камешки с луны.
Ты не предвидел, батька
Разин?
Мы семена в твоей горсти.
Волне — расти, члену —
грести.

Самым поэтическим лицом русской истории назвал Пушкин Степана Разина. Самой поэтической, а потому и жизненно верной фигурой представляет Разин в новом произведении Л. Лавлинского.

Ирина ШЕВЕЛЕВА

И мастерство, и вдохновение

Когда высокое поэтическое мастерство отточено самой жизнью, трудно отдавать предпочтение какой-то его грани. Радости и терзания, ужасы войны и вера в гуманизм — этот нерасторжимый сплав поэтических раздумий и есть «жизнь вся — с набором лет и бед». Поэта Михаила Львова не удовлетворяет «непосредственное созерцание истин». Его дарование, основанное на богатом жизненном опыте и гражданственном искренности, не способно оставаться толькофиксатором событий и положений:

Не говорю о лучшей части
Земного срока
своего —
Тут все понятно:
это — счастье,
Ну, а несчастья —
для чего?

В новой книге «Встречное движение» поэт ищет «особенный смысл» жизни и находит его. И чем больше духовных ценностей впитывает в себя его творчество, тем настойчивей и требовательней звучит в стихах пронзительный голос: «Живым и мертвым возвратить свой долг». Не потому ли память войны с такой трагической силой пронизывает строки стихотворения «Лечебный снимок»?

М. Львов не страшится жестокой памяти. Чтобы сохранить на планете мир, нельзя забывать те жуткие беды, которые принесла война. В этом тоже долг поэта. В госпитале, в обнаженности чудовищного реализма несчастий, болей и потерь автор накин-то особенным, обостренным чувством человека, познавшего, а главное, глубоко пережившего суровые дни, с поэтически-снайперской точностью подмечает в искалеченных людях, не изменяя правде военных лет, все то же извечное стремление к человечности, красоте, возвышенности — к жизни. Не случайно впоследствии приходят чуткие, чистые строки:

Уже глядится возраст в вечность.
О, если можешь, уважи
Конечность жизни и сердечность,
Декабрь —
с весеннестью души.

Как говорится, долг платежом икрасен. Жизнь оплатила поэту сполна читательским признанием, народной любовью. Стихи поэта заставляют думать и вселяют веру в завтрашний день. А это

главное. Книга Михаила Львова «Встречное движение», вышедшая в издательстве «Советский писатель» в 1984 году, открывается авторским предисловием, где поэт пишет: «Это — движение навстречу жизни — сегодняшней и будущей, а также движение памяти — на встречу вспоминаемому, прошедшему...» От себя как от читателя мне бы хотелось добавить: это — движение на встречу светлой жизни и высокой поэзии.

Валерий ХРАМОВ

ИСТОРИЯ

Как огненный путь кометы

Есть книги, строго документальный строй которых привлекает более, чем самая «остро закрученная» балладистика. В чем же здесь дело? Конечно, в личности героев книги, но еще в неформальном подходе к самим документам, к фактам биографии человека, в отрезе истории, восстанавливаемом на страницах.

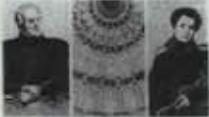
Книга доктора исторических наук В. И. Новикова о Николае Баумане («Жизнь, отданная борьбе». М., Издательство политической литературы, 1985 г.) представляет собой именно такой прекрасный сплав.

А писать о Николае Баумане сложно: многие и многие факты его жизни, революционной борьбы, полной романтики и захватывающего драматизма. О нем пишут статьи, создают фильмы. И это не простое воспроизведение уже известных ранее фактов и событий, а каждый раз новое, расширенное повествование, дополненное выявленными архивными документами. И этим цenna книга В. Новикова. Но не только этим. Биографический, документальный материал спрессован в сравнительно небольшом объеме, однако в повествовании есть «воздух», подробности, яркие и многозначные детали жизни Н. Баумана, его отношения с друзьями, родными, женой и соратниками по борьбе...

Я не стану приводить здесь интереснейших писем, материалов, описаний побед, трудностей конспиративной работы, незабываемых встреч Н. Баумана с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, В. Засулич, М. Горьким, Саввой Морозовым, процитирую лишь еще отрывок о похоронах Н. Баумана; вот как пишет об этом в письме к Е. П. Пешковой М. Горький: «...хороши мы здесь Баумана... Это, мой друг, было нечто изумительное, подавляющее, великолепное. Ничего подобного в России никогда не было. Люди, видевшие похороны Достоевского, Чайковского, с изумлением говорят, что все это просто нельзя сравнивать ни по красоте и величию, ни по порядку, который охранялся боевыми дружинами».

Жизнь Николая Баумана подобна огненной комете, оставляющей яркий след. Об этом книга В. Новинова, которую не перескакешь, — ее нужно прочесть.

Анна ПЕТРОВА

Былого ищу следы...

«Гордые следы»

«Я призываю, я ратую за Любопытство! За Любопытство — к делам, к заслугам отцов и дедов наших, к славному прошлому отечества! За любопытство, которое поможет преодолеть подчас леность нашу, леность и память дней давнишних».

В этих словах сородичечен тот духовный и душевный посыл, которому бывает обвязан рождением всякой книги.

«Былого ищу следы...» Евграфа Кончина («Московский рабочий», 1984 г.) — собрание очерков. За каждым из них многолетний, многотрудный, многогодий поиск. Прослеживали ли автор затейливые пути сквозь годы и века затерянных портретов Пушкина или Суворова, легендарной скрипки Маджини или альбома Внельгорских, портрета Дашиковой или других исторических ценностей, его непременно ожидала удача. Да, удача, более того — успех, хотя скрипку Маджини и альбом отыскать ему так и не удалось. Почему же тогда успех? Да потому что каждый поиск сам по себе одаривает автора знакомством с интереснейшими людьми, позволяет прикоснуться к судьбе страны, ощутить живое дыхание старины, чьи «гордые следы», говоря словами Пушкина, еще сохранились и доселе.

Один из самых горьких упреков Пушкина своим современникам звучит так: «Мы ленивы и нелюбопытны». Не забудем его. Будем внимательны и бережны не только к прошлому, отделяенному от нас веками, но и к тому, свидетели которого живут вместе с нами. Книга Кончина и об этом. Как вззволнованы и интересны те ее страницы, в которых рассказывается о подвиге музейных работников во время войны! Эти люди испытали жесточайшие лишения, рисковали жизнью, спасая шедевры русской культуры в Новониколаевском монастыре, который был буквально начинен минами. 500 мин обнаружили потом на его территории. По сотне на каждого музейного работника. Но люди работали. Они знали, что культурные ценности народа бесценны и потому должны быть бессмертны.

Увлекательные сюжеты поисков Е. Кончина, удивительна его зрудция, позволяющая легко и естественно перебираться из одной исторической эпохи в другую. Порой может показаться суховатой избранный автором манера изложения богатейшего материала. Но, думается, это сознательный, намеренный ход, потому как автор полностью доверяет своему материалу, верит в его интересность и увлекательность, потому и не дает излишне разбежаться перу, не прибегает ни к каким умрачительствам, не проясняющим, а размышающим смысл. Закрыв эту книгу, еще долго не можешь избавиться от недовольства собой: ведь и я могу знать больше о том, что было, о днях давнишних. Так хватит лениться, будем любопытны!

Игорь МИТИН

ГОРЬКОЕ ПОХОЖЕНИЕ

Михаил ЛАРИЧЕВ

Читатель — «Смена» — читатель

Это письмо прислан в редакцию человек, который долгое время работает в одном из исправительных учреждений МВД. Каждый день он общается с людьми, совершившими преступление, перевоспитывает, старается направить их на правильную жизненную дорогу. В письме он пишет о судьбе в общем-то обыкновенного, каких тысячи, подростка, чей путь к преступлению начался с «невинной» рюмки спиртного. Пять лет провел парень в колонии, было время подумать о своей жизни. К каким же выводам он пришел?..

Простой, бесхитростный рассказ. Но в нем затронуты очень острые, злободневные вопросы антиалкогольного воспитания юношества. Вот почему мы не сомневаемся, что мнение автора письма будет интересно всем читателям.

A

лександра — фамилию его называть не буду — среди этих молодых парней в черной рабочей форме с инициалами на груди сразу узнаешь, поскольку выглядит он значительно моложе других, да и ростом невысок, и телосложение не назовешь крепким. Даже как-то не верится, что именно к нему, Саше, относятся эти строки приговора: «Совершил нападение в нетрезвом состоянии на несовершеннолетнего Н., нанес тому тяжкие телесные повреждения, а затем ограбил его. С места происшествия пытался скрыться».

Финал, как всегда, закономерен и печален, а в данном случае — суров и справедлив: 5 лет лишения свободы. А ведь преступник учился в 9-м классе, в общем-то мальчишка.

Ничем не примечательная биография. Что ж, Саша, поговорим, вспомним все по порядку.

Начнем с того, что ты окончил восьмилетку. Окончил, можно сказать, успешно: немного троек, немного пятерок, а большинство четверки, в общем, классический школьный середняк. Учился ты в городе, где родился. Родился в порядочной рабочей семье. На лето решил немного подзаработать, купить кое-что из одежды да и «узнать цену копейки», как говорили мать и отец.

Работал на стройке, да жаль, не вместе с отцом, который и сейчас честно, добросовестно трудится, а вместе с друзьями из дворовой компании. Получил зарплату — дрожали руки от волнения: таких денег сам еще никогда не имел. А тут друзья: «Санек, первую получку надо «заключить». Побежал ты, Саша, по-шуструму как самый молодой в ближайший магазин, накупил на радостях и водки, и вина разных сортов, но больше известных под названием «бормотуха». Хотелось угостить товарищей от души.

Последствия... Еле дошел домой, отдал матери деньги, пьяно извинившись: «Ма, понимаешь, полубаба была». А утром еле-еле ушел на работу. Там же, прямо на стройплощадке, и опохмелился вместе со старшими — благо режим работы магазинов этому способствовал.

Потом все это повторялось, и не раз: «Что, Санек, врежем по мафонькой, а?» Отказываться сначала было неудобно, вскоре и вовсе втянулся: ведь за бутылкой ты чувствовал себя равным среди ребят постарше.

От второй получки матери отдал только половину, от последней, августовской, тоже. Все остальное ушло на спиртное. Тут бы всполошился родителям, забыть тревогу, да все недосуг: то в деревню ездили, то другие дела были. А самому тебе, Саша, уже нравилось ходить на веселые: на танцах, казалось, прибавлялось смелости, к девушкам можно подходить, не стесняясь.

Пить Саша старался умно, чтобы не заметили ни родители, ни учителя. Вместе с вином вошел в его жизнь и обман. Появилось желание выпить по любому поводу, в любой компании.

Так началась твоя двойная жизнь, Саша! Одна в школе, другая — в компании, где все друзья были старше на 2–3 года, а «главшпан», как называл себя ваш уличный предводитель Витец, уже успел побывать в местах не столь отдаленных. Времени года для вас не существовало, господствовало одно желание — «вмазать», «кирнуть», «бухнуть», словом, синонимов хоть отбавляй, а содержание одно — выпить.

Начались пропуски занятий и те страшные дела, которые затем привели тебя, Александра, на скамью подсудимых. Вначале попрошайничество, затем отбиранье денег у школьников, а дальше еще страшнее — грабеж таких же, как и ты, сверстников (на взрослых посягнуть боялись).

Сейчас даже стыдно вспомнить об этом. Ты подходил к какому-нибудь мальчику, угрожающе доставал нож и целил сквозь зубы: «Гони монету». «Добыча», как правило, была невелика —

рубли, а то и просто мелочь, только один раз попалась десятка. Добытое немедленно пускалось в ход: шло на покупку «бормотухи», столь ценимой в вашем кругу.

Наступил ваш последний вечер. Как всегда, выпили — показалось мало. Цинично сверкнув ранцевым зумом, «главшпан» сказал: «Санек, не мешало бы прошвырнуться». Ты и отправился на «дело» — на поиски денег.

«Объект» подыскал быстро. Парнишка примерно твоего же возраста спешил домой. Неслышино ты пошел за ним, компания — следом. В подворотне догнал.

— Постой, поговорить надо. И угрожающе вытащил нож. А невдалеке ждали друзья, парень их тоже заметил.

— У меня ничего нет, — ответил он тебе.

Пьяные пары алкоголя помутнили разум, да и дружки нетерпеливо поджидали рядом...

Сейчас будут, — злобно пробормотал ты и ударил парнишку. Тот, не ожидая удара, упал, и ты, Александр, начал бить его ногами, остервенело, беспощадно, хотя трезвый этого никогда бы не сделал. А потом уже, когда он был без чувств, начал шарить по карманам. Ужас — в карманах действительно ничего не было, ни единого медяка, лишь проездной билет.

Ты бросился бежать, поскольку дружки уже смылись, но было поздно — подоспела милиция.

Следствие, суд. Для многих, в том числе и для родителей, и учителей, твое преступление, пьянство да и все похождения вашей «капеллы» были неожиданностью.

Новый год, а затем семнадцатилетие, восемнадцатилетие и последующие дни рождения пришли к тебе, Саша, встретить не дома с родителями и друзьями, а в воспитательно-трудовой колонии, а потом и в ИТК усиленного режима.

Знаю, много раз ты слышал горькие признания твоих новых товарищ по местам лишения свободы: «Зачем я тогда пил?», «Если бы не та, последняя, бутылка», «Напился, а что делал, не помню». Проклятие спиртному, приведшему этих людей сюда, в колонию. Вот и ты одобряешь меры, принятые по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом. И вроде бы искренне. Да и удивительно — ведь тебе уже 22 года.

С твоего согласия я просмотрел зачитанные тобою, потертые на сгибах письма. Почерк один — мамины. Никто тебе больше не писал. Друзья из «капеллы» тоже угодили на скамью подсудимых, а с одноклассниками ты в том злопамятном году разошелся через скамью далеко. А ведь тебе интересно узнать о них. Расскажу, что знаю. Сергей, твой сосед по парте, заканчивает военное училище, скоро будет офицером. Коля отслужил срочно в Афганистане, награжден боевой медалью. Вася, который, кстати, как ты сам говоришь, учился не лучше тебя, заканчивает мореходку. Игорь работает на стройке вместе с твоим отцом.

Вот такие, как ты выражалась, «пироги». Завидуешь теперь ребятам? Впрочем, эти годы в колонии прошли для тебя не впустую. Сумел окончить 11 классов вечерней школы, ПТУ — получил специальность слесаря. И поощрений у тебя немало: за выполнение плана, за участие в общественной жизни. Так что задел для честной жизни на свободе у тебя неплохой. И здесь, в колонии, как видишь, государство не оставил тебя, как и других, преступивших черту закона, без внимания и поддержки.

Вновь и вновь я вчитываясь в строки постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Перед глазами мысленно проходит целая вереница таких же, как ты, Саша, парней. Не успевших еще окончить школу, ПТУ, техникум, не успевших даже отметить свое совершеннолетие, но слишком рано начавших «дружить» со спиртным, этим пособником чуть ли не каждого преступления.

Через полгода, Саша, ты выходишь на свободу. Каковы твои планы? Ты хочешь пойти на завод, слесарничать. Что ж, выбор, думаю, правильный. Надеюсь, что ты станешь добросовестным, квалифицированным работником, будешь у тебя и хорошие друзья. Но не торопись забывать о своем прошлом. Пусть оно послужит тебе горьким, но серьезным уроком на всю жизнь.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Пособником преступления справедливо называют выпивку автор опубликованных заметок М. Ларичев. О многом заставляют задуматься его размышления о непростой судьбе воспитанника колонии, подростком попавшего на скамью подсудимых. Да, тяжесть содеянного парнем очевидна, но только ли он виноват в том, что с ним произошло?

Этот вопрос к вам, уважаемые читатели.

ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ — УВИДЕТЬ

Илья ВАЙС.

Фото Александра ЕФРЕМОВА

НИКОЛАЙ МЕРЕЖКОВ:
«ОТ РЕНТИГЕНОВСКОЙ СЪЕМКИ
ДО КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ —
ТАКОВ ВОЗМОЖНЫЙ ДИАПАЗОН
ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГОЛОГРАФИИ»

-И

ду на улицу Ермолова смотреть, фильм. Составишь компанию! — позвонил приятель.

— Я уже видел.

— Э нет, ты видел старый, а у нового, кстати, тех же авторов, может совсем иной.

Спрашивать, о чем фильм, я не стал. И не потому даже, что побыве проявление искусства пересказать нельзя. Просто фильмы, посмотрев которые приезжают гости из-за рубежа, в прямом смысле ни о чем. «Главные роли» эффективно исполняют... объекты, которых в действительности нет.

Пора внести ясность. «Кинозал» — это лаборатория цифровой оптики Института проблем передачи информации Академии наук СССР. Сценаристы, постановщики, а заодно и художники — Николай Мерзляков, старший научный сотрудник, кандидат технических наук, и Виктор Карапухов, младший научный сотрудник и тоже кандидат технических наук. Произведение не только искусства, сколько науки и техники создано ими под руководством доктора физико-математических наук Л. П. Ярославского. Фильм — цифровой, голограмический.

Сама по себе голограмма привычна в нашей жизни еще не стала, но знакома она многим: на выставках голограммические экспонаты собирают толпы людей. В лаборатории же, о которой идет речь, занимаются голограммой цифровой. И не только голограммой, но и вообще цифровыми методами передачи самой разнообразной информации.

— Почему в последнее время все большее внимание специалистов привлекают цифровые методы, которые в будущем обещают вытеснить многие традиционные? — размышляет Николай Мерзляков. — Дело тут вот в чем. Когда мы из одного пункта передаем сам сигнал — оптический, телевизионный или звуковой, а в другом пункте принимаем, то в пути он «протягивается»: исказяется, загрязняется помехами, слабеет. Порой он становится просто-напросто не похож на себя. А теперь представьте другой вариант: сигнал, все его характеристики зашифровываем математически и вместо самого сигнала передаем цифры. А в пункте приема их опять переводим в звук или изображение. Никакие «дороги» передряги не могут повлиять на такое цифровое послание...

Что же насыщает главного дела Николая — цифровой голограммой, то передней конструю необозримые перспективы. Она способна представить человеку любой объект [как уже сказано, даже несуществующий] в точно таком виде, как будто бы он прямо перед нами, на ладони.

...Пространство комнаты пронзает красный луч лазера. Вертится прозрачный барабан, и сквозь него загороженный зрителю видят крутящиеся шары. Вот они, в объемном, четком изображении, кажутся, протянув руку — и дотронешься. Но барабан пуст... Фильм идет несколько секунд, но люди не отходят от барабана и по полчаса: одного сеанса мало...

Пока голограммические фильмы, созданные в институте, движут вперед только саму науку. Но областей приложения у этих исследований множество: космическая связь, рентгеновская съемка...

Мы с вами побывали только в одной из лабораторий института. Но его сотрудники изучают и многие другие проблемы машинного зрения, передачи информации на монопуларном уровне, в электронно-вычислительных системах... Подземные склады минерального сырья и изменения в живом организме, пульсации неведомых звезд и процессы в микромире — все это человеку надо видеть, чтобы познать!

И

так, пройдя «приготовительный класс» езды на мопеде или мокике (о них «Смена» писала в №№ 8 и 11 этого года), вы поступаете в «начальную мотоциклетную школу». И предметом, который вы станете здесь изучать, прежде всего окажется мотоцикл с маркой Минского мотовелозавода — ММВЗ. Отнеситесь к нему со всей серьезностью: ведь в отличие от мопеда или мокика он способен перевозить не только вас, но и пассажира, уверенно держаться в напряженном транспортном потоке, не уступая в динамике движения автомобилям. Для тысячекилометровых пробегов через полстраны «Минск», пожалуй, легковат, а вот путешествие в несколько сот километров на нем — дело вполне реальное.

Вот анкетные данные машины: 125 кубических сантиметров рабочего объема цилиндров, 12 лошадиных сил, или, если брать в более современных единицах, девять киловатт мощности, 150 килограммов полезной нагрузки при собственной массе сто четыре, максимальная скорость — 100 километров в час.

У минского мотоцикла мотор простейшей конструкции, двухтактный, одноцилиндровый, с воздушным охлаждением. Двигатель умеренно расходует топливо, не слишком шумен. Правда, характеристика его такова, что на затяжном подъеме, при сильном встречном ветре сразу приходится переходить на низшую передачу (коробка передач у мотоцикла четырехступенчатая).

С нынешнего года у мотоциклов 12-вольтовое электрооборудование: фара по силе света не уступает автомобильной, да и фонари стали эффективнее. На мотоцикл ставят генератор переменного тока, стало быть, нет аккумулятора и связанных с ним хлопот.

Мотоцикл, скончавший с конвейера в 1985 году,

по сути, прямой потомок того, который начали выпускать здесь в 1951-м, так сказать, результат многолетней эволюции.

Модель чрезвычайно проста в сравнении с нынешней машиной. Она имела неподпрессоренное заднее колесо, что придавало ей характерную «прыгучесть». Должно быть, за это качество мотоцикл и получил прозвище «макака». Прозвище вздорное, но саму машину мотолюбители вспоминают и сегодня с неизменной теплотой, ценя ее за неприхотливость, экономичность, легкость. Правда, и мощность ее была всего 4,5 лошадиных сил, но непрятательному мотоциклисти 50-х годов этого хватало. При всех плюсах современной машины невольно думается, что, приобретая одни качества, она (и, конечно, ездок) «расплачивается» другими.

Точности ради скажем, что минская «макака» не была первой: ее производство передали в Минск из Москвы, где модель выпускали с 1946 года. В 1951 году минчане собрали 5 тысяч машин этого класса, сейчас ежегодно изготавливают почти 200 тысяч.

В это число входят не только дорожные, но и спортивные, и даже уникальные модели. Завод мелкими сериями делает мотоциклы для многодневных соревнований, кольцевых гонок, кросса. Имея в основе массовую, «конвейерную» модель, спортивные машины форсированы по мощности, а экипажная часть приспособлена к условиям определенного вида состязаний. Именно на таких машинах, поставляемых в организации ДОСААФ, молодежь овладевает техникой спортивной езды. Их возможности довольно высоки; скажем, в варианте для кольцевых гонок мощность достигает 24 лошадиных сил, а максимальная скорость — 160 километров в час.

Многих заинтересует: каковы же пределы мощности и скорости, достигнутые сегодня в классе 125 кубиков? В гонках на «кольце» машины мощностью до 44 лошадиных сил развивают скорость почти 230 километров в час на прямых участках. О простоте спортивных моделей говорить не приходится: и у кроссовых, и у кольцевых — двигатели с жидкостным охлаждением, хитроумными клапанами и золотниками; у колес — дисковые тормоза с гидроприводом.

Класс до 125 кубиков весьма популярен в мотоспорте. В нем разыгрывают многоэтапные мировые чемпионаты по кроссу и кольцевым гонкам. Основная масса зарубежных кроссменов выступает на японских мотоциклах «Сузуки», «Хонда», «Ямаха», «Кавасаки». Удерживают позиции итальянские фирмы «Априлия», «Каджива», «Морбиделли». Подобные машины есть у нас: в институте ВНИИмотопром в Серпухове разработан кроссовый «Восток», который по своим параметрам весьма близок к мировому уровню. На этом мотоцикле советские кроссмены Ааду Сикк, Юрий Панов, Алексей Зорин трижды выиграли Кубок дружбы социалистических стран в личном зачете, а сборная страны трижды одержала командную победу.

Неплохо показал себя на первых порах и 125-кубовый «кольцевой» «Восток». Его двухцилиндровый мотор с жидкостным охлаждением достигает мощности 27 киловатт.

Как видите, один из «младших» мотоциклетных классов весьма разнообразен: от простых, дешевых, массовых машин до уникальных скоростных. Они очень несложны, но не разделены глухим барьером: цепочка технических достижений тянется от сложных конструкций к простым, от единичных к массовым, и каждая модель — звено этой цепочки. И не стоит огорчаться тем, что ваш «Минск» почти втрой слабее кроссового «Востока»; зато он во столько же раз мощнее послевоенного мотоцикла, который в истории советского мотостроения считается одной из классических машин.

**Владимир АРКУША,
инженер.**
Фото Владимира КНЯЗЕВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ВЕРШИНЫ

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

Многие читатели, интересующиеся демографическими вопросами, но далекие от научной демографии, полагают, как это видно из писем в редакцию, что основные наши демографические проблемы решены. Действительно, в последние годы увеличились не только абсолютные, но и относительные показатели рождаемости и естественного прироста населения. Если в 1980 году на тысячу жителей пришлось 18,3 рождения, то в 1983-м — 19,8, а прирост за те же три года поднялся с 9 до 9,4 на тысячу. В 1983 году в стране появилось 5 миллионов 392 тысячи детей, то есть больше, чем в любом другом году после 1940-го. Это, конечно, несомненный успех демографической политики, намеченной XXVI съездом партии. Но решены ли все демографические проблемы? Попробуем разобраться.

Демографические волны

Итак, в 1983 году в стране родилось на 51 тысячу детей, или на один процент, больше, чем в 1960 году, когда их появилось на свет 5 миллионов 341 тысяча. Между этими двумя вершинами был глубокий провал: в 1967—1969 годах ежегодно рождалось всего по 4,1 миллиона человек. С 1970 года число рождений стабильно росло вплоть до 1983 года, а в 1984-м оно вновь стало несколько меньше — начался новый спад.

Последствия падения рождаемости ниже определенного уровня многочисленны и нежелательны. В частности, возникают проблемы обеспечения народного хозяйства трудовыми ресурсами, растут диспропорции между числом женихов и невест и т. д.

Если число рождений будет падать и дальше, то мы столкнемся с большими трудностями во втором десятилетии следующего века, когда из рабочего возраста будет выходить самое многочленное в нашем населении поколение, рожденное в 50-е годы. Чрезвычайно важно не допустить кругого спуска, не повторить ситуацию 60-х годов. Но для этого нужно существенно поднять рождаемость. Сделать это может лишь молодежь.

Проблема рождаемости — это, по существу, проблема молодой семьи. Нынешняя молодая семья, к сожалению, конфликтна, непрочна и малодетна. Одна из причин ее малодетности как раз в том и заключается, что она конфликтна и непрочна. Укрепление молодой семьи, улучшение внутрисемейных отношений — важнейшие задачи нашей демографической политики.

Учение, труд, семья

Как известно, молодежь выполняет в обществе три главные функции:

- учится, то есть готовит себя к будущей деятельности;
- работает в народном хозяйстве;
- рожает и воспитывает детей.

Научно-техническая революция требует все больше времени и сил на общее и специальное образование. В середине 70-х годов страна перешла ко всеобщему среднему образованию молодежи. В настоящее время проводится реформа общеобразовательной и профессиональной школы, при которой средняя продолжительность обучения вновь значительно повышается.

Рост продолжительности образования ведет к более позднему достижению молодежью экономической самостоятельности, что, разумеется, оказывается на начале семейной жизни. Одни позднее вступают в брак, другие сильно зависят от «стариков», третьи испытывают существенные материальные трудности.

Но общество заинтересовано и в том, чтобы молодежь больше работала. Мы вступили в длительный период, когда в стране практически не будет прироста трудовых ресурсов. Однако дело не только в недостатке трудовых ресурсов. Дело в том, что молодежь в некоторых отношениях и наиболее ценная рабочая сила: самая образованная, мобильная, выносливая, лучше адаптирующаяся к новым условиям и т. д. Поэтому доля молодежи резко повышена в новых, быстро развивающихся отраслях народного хозяйства, в новых городах, районах нового хозяйственного освоения. Преимущественно молодежь осваивала целину, создавала Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, строила БАМ и т. д. Одним словом, молодежь — ударная сила общества.

Названные здесь три основные функции молодежи (а у мужской половины есть и четвертая — оборона страны) равноправны и невзаимозаменимы. Нельзя решать одни задачи за счет других. Нужно найти оптимальное сочетание этих функций, наилучшее распределение времени и сил молодежи между разными задачами. Эффективно совместить в одно и то же время учебу, работу в общественном хозяйстве и семейные функции, конечно, трудно. Однако многие совмещают две функции. Чаще всего одновременно работают и заводят детей. Реже, но тоже довольно часто, работают и учатся. Еще реже учатся и заводят детей. При одновременном выполнении разных функций страдает или одно, или другое, нередко и то, и другое.

В целом до сих пор более всего страдало выполнение демографических функций, что и проявилось в быстром и чрезмерном падении рождаемости, в конфликтности и непрочности семей, упущениях в воспитании детей. Как же уменьшить негативное влияние занятости учебой и трудом на демографическую ситуацию?

Есть два главных пути:

- улучшение подготовки молодых людей к браку, рождению и воспитанию ими детей;
- улучшение объективных условий жизни молодой семьи.

Нет нужды, видимо, много говорить о том, что удачная любовно-брачно-семейная жизнь — существеннейшая часть личного счастья человека. Если в этой сфере жизни у него «не получается», то обычно и все остальное в значительной мере обесценивается. Трудно быть счастливым, если несчастен в любви.

Так что с какой стороны ни взгляни, укрепление молодой семьи, гармонизация внутрисемейных отношений, снижение числа супружеских конфликтов — дело чрезвычайно важное.

В прошлом браки заключались, как правило, между людьми очень сходными, близкими во многих отношениях: по национальности, социальному положению, зажиточности, культурному уровню, то есть браки были, говоря научным языком, гомогенными, однородными.

Теперь молодые супружеские пары очень часто гетерогенны, разнородны. У мужа и жены могут быть разные национальности, социальное происхождение, культурное прошлое и т. д. Из-за чего и их установки относительно семейной жизни могут очень сильно и даже непримиримо различаться. А поскольку супруги равноправны, а жены, как правило, стремятся от равноправия к действительному равенству (то есть от равенства по праву, по закону, к равенству в жизни), насилие, волевое приведение этих установок «к единому знаменателю» исключается. Одно это создает столь благодатную почву для семейных несогласий, размолвок и конфликтов.

Но изменилось не только это. Изменилась, в частности, и половина мораль.

Так, в недавнем прошлом сурово осуждалась и была редким исключением добрачная половая жизнь женщин. В первый брак женщина должна была вступать девушкой. Семейные и общественные санкции за отступление от этого всеобщего правила были суровы.

Нынешние нравы несравненно вольнее. Это опять-таки хорошо известно. В последнее время появились даже специальные исследования, освещающие добрачное сексуальное поведение жительниц больших городов.

В миллионном уральском городе Перми были учтены все беременности не рожавших ранее женщин за год, за исключением, естественно, того, чего учесть было нельзя (например, беременности, закончившиеся искусственным абортом, не зарегистрированным в установленном порядке). Из них были исключены беременности, прерванные по медицинским показаниям, и самопроизвольные аборты.

Из каждой тысячи этих беременностей 272 завершились абортом, 140 родили вне брака (матери-одиночки), 271 родила в первые месяцы после заключения брака, то есть забеременела до брака (браки, стимулированные беременностью невесты), 317 родили, забеременев уже после вступления в брак. Добавим еще, что подавляющее большинство абортов было у незамужних.

По всем учитываемым нашей статистикой демографическим показателям Пермь — типичный большой город европейской части страны. Поэтому приведенные цифры можно считать достаточно представительными для больших городов.

О чём они говорят?

Очень о многом. Во-первых, о том, что коренным образом изменилось добрачное сексуальное поведение женщин: подавляющее большинство начинает половую жизнь до брака.

Во-вторых, о том, что слишком много браков вынужденных.

В-третьих, о том, что слишком много внебрачных детей.

Наконец, о том, что неблагополучно обстоит дело с противозачаточными средствами.

Разберем эти пункты по порядку.

Традиционная половая мораль была «двойной»: очень строгой для женщин и либеральной для мужчин. Теперь она стала единой. Женская половая мораль уподобилась мужской. Одна из главных причин этого — равноправие женщин. Несомненно также, что изменению женской половины морали сильно способствовали половые диспропорции после войны, постоянный недостаток женихов в молодых возрастах вплоть до недавнего времени (теперь не хватает невест) и опасение остаться одинокой.

Однако последствия сексуальной «свободы» для женщин существенно иные, чем для мужчин. Многие вынуждены одни, без мужей, воспитывать своих детей, другие — делать аборты, что при первой беременности может привести к бесплодию на всю последующую жизнь.

Многим добрачной половины жизни портят будущее — не только собственное, но и детей.

К сожалению, многие девушки начинают половую жизнь слишком рано. В Перми много шестнадцати-семнадцатилетних матерей. При этом доля матерей-одиночек среди забеременевших в этом возрасте наиболее высока — 34 процента.

Заметим, что в последнее время рождаемость у самых юных женщин очень сильно выросла. На 1000 женщин в возрасте от 15 до 20 лет в 1965—1966 годах по стране в целом приходи-

лось 26 новорожденных, а в 1980—1981-м — 41; по РСФСР соответственно 25 и 44. Одна из главных причин этого повышения — резкий рост числа несовершеннолетних матерей. Минимальный брачный возраст для женихов и невест у нас повсеместно установлен в 18 лет, кроме Украины и Узбекистана, где для невест он на один год меньше. Однако как раз в Узбекистане, где в значительной мере сохранились старые строгие порядки и нравы, рождаемость до 20 лет очень низка (32 против 44 в РСФСР).

Допустим, что юной матери повезло, она не стала одиночкой, вышла замуж за отца своего ребенка: наши законы допускают по разрешению местных органов власти регистрацию брака при особых обстоятельствах до достижения «законного» брачного возраста. В случае беременности невесты такие разрешения дают охотно. В Перми каждая третья беременная в возрасте 16—17 лет родила уже в браке.

Демографы знают, что браки, стимулированные беременностью невесты, обычно малоудачны. Они в среднем значительно конфликтнее и слабее прочих, чаще оканчиваются разводами, то есть молодым матерям часто и в таком случае приходится воспитывать ребенка без отца.

Напомню, что в Перми таких стимулированных браков оказалось почти столько же, что и тех, где такого стимула не было (соответственно 271 и 317 на каждую тысячу беременностей). Это, несомненно, и одна из главных причин столь большого в последнее время числа разводов (947 тысяч в 1983 году).

Безотцовщина

Развод — явление, конечно, сложное, многостороннее. Но, как бы мы ни относились к нему в целом, одна его грань, бесспорно, самая тяжелая. Это безотцовщина. На каждые 100 распавшихся семей приходится около 120 детей. Почти все они остаются с матерями. Легко видеть, что при нынешнем числе разводов — ежегодно более 900 тысяч — в распавшихся семьях остается более миллиона полуспиротов. У большинства этих детей не будет и отчимов, поскольку большинство их матерей в новые «законные» браки не вступает.

Добавим к ним детей матерей-одиночек. Среди первенцев города Перми их девятнадцать процентов, каждый пятый. Среди всех детей страны их, конечно, меньше, но тоже немало.

Добавим, наконец, детей из семей, в которых муж и отец умер: ежегодно сотни тысяч детей остаются полуспиртами и по этой причине.

Что же мы получаем в итоге?

Трое-четверо из десяти детей воспитываются в семьях, где явно не хватает мужского влияния. Женщинам одним нелегко воспитывать детей, особенно мальчиков, особенно в переломном, подростковом возрасте. Сегодня мы много говорим о том, что мужчины становятся слишком женственными — феминизируются, теряют традиционные и высоко ценные женскими качествами: надежность, храбрость, стойкость, — ссылаясь, что исчезают рыцари, и т. п. И соответственно видим, что и женщины теряют в какой-то мере свои традиционные свойства, перенимая черты «сильного» пола. Это, надо понимать, естественная реакция на мужскую феминизацию.

Еще одно тревожное последствие одностороннего, сугубо женского воспитания — это то, что социологи и социальные психологи называют отклоняющимся поведением подростков. Писатель Андрей Дриле, много лет проработавший воспитателем в колониях малолетних правонарушителей, отмечает, что в эти колонии попадают преимущественно люди, воспитывавшиеся в неполных семьях. Так что внебрачные дети, браки, стимулированные беременностью невесты, и последующие разводы — большая дополнительная работа для милиции и школы, для психологов и комсомольских органов.

Беременность без родов

Особо следует остановиться на абортах. Специалисты хорошо знают, и врачи постоянно об этом предупреждают, что аборт у нерожавшей женщины особо опасен, в частности чреват последующим бесплодием. По имеющимся данным, даже в Москве каждая шестая женщина, сделавшая аборт при первой беременности, остается бесплодной. АбORTы нерожавших женщин Перми — это главным образом первые абORTы. Практически каждая женщина хотела бы иметь ребенка если не в данный момент, то позже. Но какое громадное количество женщин будет лишено великой радости материнства, как

много окажется в свое время одиноких старушек, сколько людей не появится на свет из-за того, что возможные матери были в свое время вынуждены делать абORTы!

Внутрисемейное регулирование рождаемости распространено теперь практически повсеместно. Родители, как правило, имеют столько детей, сколько хотят, а не столько, сколько «вог послал». Наше законодательство предоставляет самой женщине решать вопрос, рожать или не рожать. Мы были первой в мире страной, которая узаконила искусственные абORTы без медицинских показаний. Берусь утверждать, что подавляющее большинство беременностей, из которых женщины избавляются, нежеланные. Не лучше ли предотвращать их, чем прерывать?

Чтобы не допускать нежеланных беременностей, нужно иметь хорошие во всех отношениях предохранительные средства (удобные, безвредные, эстетичные и т. д.), нужна широкая, доступная информация о них. Доля нежеланных беременностей резко снизится, сильно уменьшится число случаев вторичного бесплодия из-за неудачных абORTов, меньше будет, следовательно, личных драм и трагедий.

А число рождений в стране существенно возрастет. Дело не только в том, что станет меньше бесплодных. Исследователи, специально занимавшиеся вопросом о роли предохранительных средств в регулировании рождаемости, утверждают, что широкое распространение хороших предохранительных средств позволило бы увеличить при прочих равных условиях рождаемость на 20—25 процентов.

Большое количество разводов и то, что только меньшинство разведенцев вступает в повторные браки, создает благоприятную среду для развития добрачной и внебрачной половой жизни. Так, из тысяч женщин в возрасте от 25 до 30 лет в 1979 году состояло в браке 806, еще не вступало в брак 114, разошедшихся было 70. У мужчин в том же возрасте не вступавших в брак было 174 на тысячу, разведенцев — 38. А в возрасте от 20 до 25 лет в браке не состояло 40 процентов женщин и 62 — мужчин.

Вот это и есть главная причина широкого развития внебрачной сексуальной жизни. Надо быть очень наивным, чтобы думать, что большинство здоровых мужчин и женщин в возрасте от 20 до 30 лет, не состоявших в браке, живут действительно в одиночестве.

Наилучшее средство уменьшения размеров внебрачных связей и связанных с ними нежелательных явлений — улучшение условий вступления молодежи в брак.

В последние годы новобрачные существенно помолодели. В 1981 году средний возраст впервые вступающего в брак мужчины был около 23 лет, невесты — около 21 с половиной. Тем не менее многие вступают в брак очень поздно.

Что мешает более раннему и более активному созданию семей?

Во-первых, постоянно отодвигаются сроки приобретения материальной самостоятельности и социальной зрелости. В настоящее время средний возраст начала работы в народном хозяйстве — около двадцати лет. К тому же многие учатся до 23—25 и более лет.

Во-вторых, для молодых пока остается острый проблема жилья.

Дом для молодоженов

Острота жилищной проблемы для начинающих семей в последние годы в значительной мере определялась очень большим числом браков, поскольку в них вступало самое многогодиное в нашем населении поколение рождения второй половины 50-х годов. По мере вступления в брачный возраст все более малолюдных годичных когорт, появившихся на свет во второй половине 60-х годов, эта причина жилищных трудностей исчезает.

К началу 1985 года на одного городского жителя у нас приходилось около 14 квадратных метров общей площади жилищ, в том числе 9 метров жилой площади. Для наглядности можно сказать, что это приличная двухкомнатная квартира на троих, однокомнатная — на двоих. Начиная с середины 50-х годов каждую пятилетку на среднего городского жителя добавлялся один квадратный метр общей площади жилищ. Никогда раньше мы не жили так просторно. Почему же тогда страдает от жилищной необеспеченности так много молодоженов?

Во-первых, недостаточно используется уже имеющийся жилой фонд.

Во-вторых, используются не все возможности нового жилого строительства.

В-третьих, существует очень большая разница между положением горожан по рождению и переселенцев из деревни.

Представим себе такой случай. Жила-была благополучная во всех отношениях семья — супруги с двумя детьми. Сын получил высшее образование и направление на работу в другой, далекий город. Дочь вышла замуж и переехала к мужу. Умирает глава семьи (женщины живут у нас в среднем на десять лет больше мужчин). Одноковая вдова остается в просторной трехкомнатной квартире. Как эта квартира будет использоваться дальше? Возможно несколько вариантов. Может быть обмен на меньшую площадь с получением доплаты. Можно пустить квартираторов и получать значительные нетрудовые доходы за счет общественных фондов потребления. Напомню, что государственное жилье у нас бесплатно, то есть жильцы не возмещают обществу капитальных затрат на него, и размеры квартплаты составляют лишь треть затрат по содержанию жилья. Бесплатность жилья — одно из наших социальных достижений, однако у каждой медали две стороны; в данном случае льготные жилищные условия для одних обираются обострением жилищных проблем для других. Надо найти методы изъятия жилищных излишков. Возможно, лучшим из них было бы установление высокой оплаты избыточной в сравнении с нормами площади. Думаю, что таким путем можно получить немало площади для начинаящих семей.

Одна из возможностей увеличения жилищного строительства заключается в более широком привлечении в него личных сбережений трудающихся. Сбережения эти, разумеется, принадлежат не молодежи, однако зрелые и пожилые люди, как показывает опыт, охотно вкладывают свои сбережения в жилье для детей-молодежи. Сделать это, однако, часто бывает нелегко: в жилищной кооперации большие очереди. Вот это препятствие и следовало бы устранить как можно быстрее.

Представляется, что нужна специальная помощь молодой семье в приобретении ее экономической самостоятельности и собственного нормального жилья. Лучшим средством этого были бы государственные кредиты — на приобретение жилья, покупку мебели и т. д. Жилищное положение молодежи можно существенно улучшить и путем развертывания кооперативного строительства с существенно льготными условиями вступления молодежи в кооперативы.

Целенаправленное существенное улучшение жилищного положения молодой семьи может иметь значительные положительные демографические последствия: детей станет больше, и воспитаны они будут лучше, то есть «спуск» с демографической вершины начала 80-х годов может быть менее крутым.

От равноправия к равенству

Еще одна из проблем нынешней молодой семьи — неравное распределение домашних забот между супружами. Очень наглядно это проявляется в распределении между ними времени домашнего труда. Согласно одному из больших обследований, в молодых рабочих семьях без детей муж занимался домашним трудом 8,5 часа в неделю, а жена — 26 часов, то есть втрое больше. Один только выход замуж прибавляет молодой женщине 15 часов домашнего труда в неделю — такова ее «плата» за брак.

Между тем молодые, образованные женщины с широкими внедомашними интересами хотят, чтобы дома было «все пополам». С нынешним неравным положением в быту они объективно не могут и не хотят мириться. Высокое положение советской женщины в народном хозяйстве и обществе никак не может с этим домашним неравенством согласоваться. Напомню, что уровень образования молодых женщин в среднем заметно выше, чем у их сверстников, что 60 процентов специалистов народного хозяйства — женщины, что нередко они занимают в производстве более высокое общественное положение и больше зарабатывают, чем мужья.

Противоречия супружеских по поводу распределения домашних дел — одна из основных причин семейных несогласий, конфликтов, разводов, то есть одна из причин низкой рождаемости и недостаточно хорошего воспитания детей.

Сегодня, в самом начале спуска с очередной демографической вершины, общество в целом и молодежь в особенности имеют все возможности для улучшения демографической ситуации, гармонизации семейной жизни, достижения общественных и личных демографических целей, радостной, счастливой жизни молодых семейств.

ПРОСТОРЫ ПЕСНИ НАШЕЙ

В адрес музыкального клуба приходит множество писем с одинаковой просьбой — рассказать о фольклорном ансамбле. Представляем слово Владимиру НАЗАРОВУ.

— Меня все спрашивают: «Почему фольклор? Откуда это в тебе? Почему не ВИА? Ты же молодой человек, а тебя в какую-то старину тянет?» Будто фольклор — пропыленный и затянутый паутиной музейный экспонат, который и рукачи-то трогать нельзя! А ведь это доброжелатели говорили. От ошибки старались уберечь. А я старался по возможности никого не слушать. И ни в какие дискуссии не вступать. Организовывал ансамбль. Думал: сцена рассудит.

Все началось с детства. Жил я в городе Новомосковске, что в Днепропетровской области. В городе, а не в деревне. Хотя почему-то традиционно считается, что именно в деревне, и только в деревне, живут любители народной музыки. Как видите, это не так.

Все мои знакомые, соседи, родственники пели. И пели в основном народные песни. А так как городок наш интернациональный — в нем живут русские, украинцы, молдаване, цыгане, — то и песни я слышал молдавские, русские, цыганские... Я словно жил постоянно в атмосфере музыкального фольклора, вырос в ней.

Первые уроки музыки мне преподал наш сосед дядя Гриша Чуваков — дядька Грицько. Он играл на гармошке. Другой наш сосед — на скрипке, мама брала гитару... Иногда приезжали мои дяди по матери. Они пели украинские песни. И как пели! Азарт в их исполнении был, и любовь, и ирония. И самоирония. Но это я, конечно, уже сейчас понимаю. А в те годы лишь слушал с восхищением да подпевать старался...

Вот в обстановке таких, вовсе не богатых по сегодняшним меркам, но зато дружных песенных собраний я и вырос. Когда же пришло время выбирать профессию, вопрос

сов не было — только музыка. И только народная. К тому времени я уже окончил музыкальную школу по классу баяна — влияние дяди Гриши. А потом, отслужив в армии, поступил в Московский государственный институт культуры на факультет оркестрового дирижирования. И тут у меня тоже не возникло никаких сомнений — буду заниматься народными оркестрами.

На факультете я довольно быстро нашел соратников из своих однокурсников. Представьте себе, не все стремились в супермодные, тогда лишь недавно появившиеся и потому особенно привлекательные вокально-инструментальные ансамбли. Нас было семь человек, и мы организовали русский инструментальный ансамбль «Жалейка». Я стал его руководителем.

Уже тогда, в 1974 году, мне пришла в голову идея создать ансамбль, который бы исполнял музыку и песни народов СССР, народов мира. Но я понимал, что пока мне этого не потянуть. Ни знаний, ни навыков...

Начали с малого — исполняли только русские песни. Играли на исключительно русских народных инструментах — балалайке, жалейке, колесной лире... Причем все инструменты в основном подлинные, не современные. Что, кстати, редкость в других народных коллективах. Русские мелодии там звучат порой на электроинструментах. При соответствующей подаче и аранжировке, наверное, это возможно. Но когда под электроорган распеваю русскую народную песню барышни в кокошниках и молодцы в косоворотках, мне становится как-то не по себе... Мы играли лишь на народных инструментах.

Много гастролировали. По Союзу, за рубежом. Выступали на Международном фестивале молодежи и студентов в Гаване. Стали лауреатами. В 1979 году заняли второе место на Всероссийском конкурсе исполнителей русской народной песни. Первое место занял оркестр имени Осипова. А в 80-м году я отменил

все зарубежные гастроли нашего ансамбля. Мы начинали новую жизнь...

Пришло время воплощать мечту. Создавать ансамбль фольклорной музыки народов мира. Я уже знал примерно, что мне надо. Знал, каким я хочу видеть свой ансамбль. Колесил по городам страны, покупал необходимые для работы инструменты. Разыскивал, уговаривал, торговался... Так постепенно создавалась наша коллекция музыкальных инструментов разных народов. Сейчас в ансамбле пятнадцать человек, я шестнадцатый, а играем мы примерно на ста различных инструментах. Музыканты у нас в равной степени владеют русской балалайкой и латиноамериканской чарапо, украинской окариной и армянским будуком, молдавским наем и литовской бирбинес, бандже и гитарой... Зарубежные инструменты мы собирали, находясь где-нибудь на гастролях.

Я понимал, что малыми силами нам придется играть на многих инструментах. Поэтому нужна была основа. Пришел Александр Чалый — флейтист. Значит, ему не трудно научиться играть и на других флейтовых. Есть гитарист, будет играть и на бандже. Ударник — на бомбо, на бонги... И так далее.

По этой системе и подбирал музыкантов. А попали все к нам по-разному. Тамару Сидорову «нашел» случайно. В коридоре Москонцерта. Спросил у приятеля, не знает ли он хорошего скрипача. Он показал на стоявшую рядом Тамару. Она тогда в каком-то ВИА гастрольном играла. А Александр Евтеев пришел по распределению из института Гнесиных. Пришел и остался. С Ириной Гущевой познакомился в Гаване. Она пела в ансамбле политической песни Университета дружбы народов...

Странное у некоторых отношение к фольклору. С одной стороны, его всячески пропагандируют, превозносят, объявляя его чуть ли не единственной музыкой, которую стоит слушать. С другой, как я уже говорил, делают из него подобие му-

зейного экспоната. Отойди, не трогай руками — это фольклор.

А что такое фольклор на самом деле? Это искусство, говорящее с людьми на понятном им языке. Говорящее о чем-то близком, сокровенном. О боли, о счастье, о любви... Призывающее поплакать или посмеяться. Без форсирования голоса, без надрыва. Это подлинно народное, демократичное искусство.

Оно для тебя лично. И для всех. И не надо думать, что фольклор — это только «преданье старины глубокой». Фольклорные песни рождаются и сегодня, сейчас. Это и Окуджава, и Высоцкий, и песни, рожденные на конкурсах самодеятельной песни...

Фольклор в принципе есть самодеятельная песня. Иногда мы не можем определить ее авторство. Иногда, как в случае, допустим, с «Ямщик», не гони лошадей...» или «Эх, полным-полна моя коробочка...», авторы известны. Но она все равно стала народной.

Молодежь в общем-то не любит фольклорные песни. Не любит, потому что имеет о них превратное представление.

Вот молодой человек приходит на выступление какого-нибудь ансамбля или хора. И что же он видит и слышит? Расшитые платья, кокошники в стеклярусе, шелковые косоворотки, застывшие на лицах улыбки, минимум динамики... Но в одеждах таких давным-давно никто не ходит. Фальшив современный зритель тоже распознает сразу. Не годятся и медленные проходы: кумир молодежи — ритм. Из-за этого и песни, которые поют на сцене, кажутся молодым людям нереальными, неинтересными. Они не трогают, не попадают в унисон чувств, мыслей...

Во многих ансамблях об этом не думают. Не хотят думать. Они избалованы заграничными гастролями. Мол, там-то успех, а здесь просто заселись, не понимают. Такой «зарубежный успех» портят артисты. Ведь он зачастую объясняется

често этнографическим интересом к нашим песням, танцам. Тамошний зритель порой «есть» такую «эклекцию», что просто диву даешься. Сам бывал — знаю. Но наш зритель этого «есть» не хочет. Ему скучно на концерте, а порой и стыдно за артистов...

Фольклор для нас не реставрация этнографических праздников и обрядов, а прикосновение к корням духовной культуры народов мира. Но, прикасаясь к этим древним корням, мы стараемся развивать народные музыкальные традиции как одно из самых современных направлений музыкальной мысли.

И мы будем воевать за зрителя. Уже воюем.

...Классика, фольклор, джаз, рок-музыка... Их пытаются разделить, противопоставить друг другу... Думаю, так делать нельзя. Музыка делится лишь на хорошую и плохую. Любые противопоставления не имеют под собой никакой почвы. А хорошая музыка есть и в классике, и в роке, и в джазе... Равно как и плохая...

У нас мало ансамблей, которые имеют свое лицо, которые не перерабатывают бы западные образцы. Пожалуй, я знаю только один такой ансамбль — «Автограф».

У ребят есть свой стиль, свой язык. В большинстве же своем и композиторы, пишущие для ВИА, и сами ВИА занимаются сидиранием западных штампов, бездумно копируют их.

Поэтому мне так не нравится, когда на эту заштампованный компиляцию кладут стихи прекрасных поэтов — Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама... Стихи корежатся от этой музыки. Им плохо, неудобно. Это и понятно: ведь музыка-то английская. А музыка, как известно, часть общей духовной культуры народа, основой которой является язык. Как же можно на английскую музыку кладь русские слова, когда там и строй языка другой, и даже среднее количество слогов в слове разное?

Есть и другие ВИА, имя им — легион, которые с одинаковой, зализанной улыбкой, с одинаковым равнодушением поют и про войну, и про любовь, и про комсомол... И слова все правильные, и музыка вроде бодрая, и лица открытые, но во всем сквозят плохо скрытая фальшивость, пренебрежение к теме, к зрителю...

Мне иногда говорят: мол, ты выступаешь против ВИА, потому что они твои конкуренты. А я люблю ВИА. Естественно, хорошие. И слушаю их с удовольствием. И интересуюсь, какие у них тенденции развиваются. И ребята мои тоже слушают. А как же иначе? Мы должны впитывать в себя все лучшее, что происходит в сегодняшней музыке. Синтезировать это в своем творчестве.

А плохие ВИА действительно наши конкуренты. В стиле «диско-ударник» должен уметь играть в ритме сердца. Если он непрофессионал или просто халтурщик, у людей начинается аритмия, сердечные сбои. Так что вред тут, как видите, просто физический. Но дело не только в физиологии, происходят сбои и нравственные — свои вкусы.

Поэтому я и говорю, что они отвлекают людей от подлинного искусства. Заполняют своей музыкой эфир, стадионы, залы филармоний, играя на отсутствии у нас полноценной, хорошо налаженной индустрии развлечений.

Но я против запретов ВИА. Каждое направление имеет право на существование. А решать должен зритель. Надо ему доверять. И апеллировать только к нему. Он у нас думающий.

А запретами мы уже потеряли три поколения зрителей. Запретный

плод сладок. Чем скандальнее у какой-нибудь группы репутация, тем охотнее на нее идут. У молодежи выработался уже шаблон: концерт разрешенный — неинтересно, полуофициальный — вперед. Пора отменить запреты. Да и нас они унижают. Неужели мы только в «тепличных» условиях, с искусственным отсечением конкурентов можем побить безвкусницу, халтуру?

Однако мы не должны в этой конкурентной борьбе сидеть сложа руки. Не надо надеяться, что победа может достаться без борьбы. Необходимо искать новые формы, новые подходы. И в фольклоре, и в классике, и в джазе... Мне кажется удачным опыт Владимира Спивакова. Он организовал ансамбль «Виртуозы Москвы». Играют все ту же классику — Моцарт, Лист, Шостакович... И своих нот они туда не вставляют. Но это совсем другой концерт, нежели привычное выступление симфонического оркестра или струнного квартета. Иной ритм, иная жизнь... И на их выступления, между прочим, не пробиться. Это тогда, когда концерты известных оркестров порой проходят при полупустых залах...

Но и помочь нам в этой борьбе не мешало бы...

Почему я заговорил о помощи? Вроде бы у нас сейчас все в порядке. Получили первое место на конкурсе артистов эстрады. Кстати, после чего мы и стали официально называться ансамблем фольклорной музыки. Много гастролируем, выступаем по телевидению... А я вдруг о помощи.

Помощь нужна не только нам: многим ансамблям. Во всех музыкальных направлениях. В частности, нет хороших реклам. Недавно у нас был концерт в Москве. Отпечатали две тысячи красочных плакатов. Но куда они подевались? Мы всем ансамблем не насчитали и сорока штук, наклеенных в разных концах города. А без рекламы давать первый концерт ой как трудно. Это потом уже твое выступление действует как реклама. Но на первый концерт что-то или кто-то должно завлечь зрителя. Нам, конечно, легче: нас телевидение раз рекламировало. А как быть молодым коллективам?

И такую я интересную закономерность вывел. Выступаем мы — и рядом довольно среди ВИА. Сначала у них толпа, а у нас бывает на сцене больше народа, чем в зале. К концу же гастролей мы меняемся местами: у нас — густо, у них — пусто. Зритель у нас, повторяю, думающий. Я помню, как в одном из городков БАМ администрации написал рекламу: «Выступает фольк-рок-группа». Мы удивились. А он: мол, так лучше будет, а то не придет. Не доверял ни нам, ни зрителям. А зрители пришли. Только смотреть они пришли не нас, а рок... И что вы думаете? Уже где-то на третьей песне зал был наш...

Что это доказывает? Что в зрителя надо верить. Лишь к нему апеллировать. На него надеяться. И сражаться за него. Но не запретами и лекциями. Сражаться надо на сцене!

Наш ансамбль подготовил новую программу. Она посвящена 40-летию Победы и XII Всемирному фестивалю. По замыслу это попурри из антифашистских песен разных народов. Но, как во всем, что делает ансамбль, ребята ищут в этих общезвестных мелодиях свой нерв, свою редакцию, свой рисунок...

Записал
Николай ЛАММ.

ВИРТУОЗ в 12 лет

3

ал замирает, когда на сцене появляется смущенный двенадцатилетний мальчик. Он раскланивается и поспешно идет к роялю. Наверное, для Жени Кисина эти минуты самые мучительные — неизбежный ритуал, поклон перед началом концерта в тишине переполненного зала и потом, после выступления, в громе оглушительных оваций. Женя удивительно красиво и вместе с тем естественно держится за большим сверкающим инструментом, без технико отрепетированности позы. Раздаются первые звуки, и начинается чудо, творимое юным музыкантом.

Редкостное дарование Жени Кисина, пожалуй, просто не укладывается в рамки понятия «вундеркинд». Он поражает не только своей невероятной одаренностью, но и непостижимой для его возраста исполнительской зрелостью, глубочайшим проникновением в композиторский замысел, гармоничным сочетанием виртуозности с эмоционально наполненным, поэтическим прочтением музыкального произведения.

Профessor Московской консерватории народный артист РСФСР Дмитрий Башкиров говорит: «Абсолютное слияние с музыкой, погружение в нее и рождение ее как бы заново под его пальцами, не прерывающееся ни на мгновение состояние творчества... Набор эпитетов: вдохновенный, поэтический, содержательный — не может выразить масштаб явления, имя которому Женя Кисин».

Несомненно, талант есть талант, но даже самому совершененному алмазу нужна безупречная огранка... Каким большим даром художника и педагога надо обладать, чтобы чутко и тонко управлять сложнейшим процессом совершенствования такого большого маленького музыканта. Наставник Кисина Анна Павловна Кантор не только руководит его музыкальным образованием, направляет его творческое развитие, но и воспитывает в нем страсть и требовательность к себе, столь необходимые для достижения высот подлинного мастерства.

«Женю привели ко мне в подготовительный класс специальной музыкальной школы имени Гнесиных,

когда ему еще не было и шести лет, — рассказывает Анна Павлова. — Степень его одаренности выявилась в процессе работы, но то, что перед мной сидел, как говаривали в старину, музыкант «божьей милостью», я поняла сразу».

Не зная ни единой ноты, к шести годам Женя по слуху воспроизвоздил на клавиатуре все, что слышал по радио, в грамзаписях, дома — во время занятий старшей сестры и мамы, преподавателя одной из московских детских музыкальных школ. Он импровизировал с необыкновенной легкостью, сочиняя на ходу. Фиксировать свои сочинения и работать над ними он научился позже, уже поступив в школу.

«Все, с чем сталкивается Женя в учебе, — продолжает Анна Павлова, — он немедленно внедряет в свои сочинения, при этом никогда не пытается подражать кому-либо из композиторов. Сейчас, конечно, трудно сказать, сумеет ли он в будущем совмещать исполнительство с композицией. Пока что это носит характер пусть серьезного, но увлечения, дает простор его богатейшей музыкальной фантазии...»

А Женя после концерта бывает подчас грустен, даже угрюм. «Мне грустно оттого, — объясняет юный пианист, — что главное — музыка — позади и минуты наслаждения играй невозвратимы...»

Некоторые специалисты считают, что в раннем возрасте вредно выступать перед огромной аудиторией со столь насыщенными и в техническом, и в эмоциональном плане — программами. (Ведь Евгений Кисин иногда исполняет два фортепианных концерта Шопена в один вечер!) По их мнению, это опустошает еще не сформировавшуюся окончательно личность музыканта и может в конечном счете погасить ту самую «искру», что уже случалось с вундеркиндами.

Существует и иная точка зрения, которую разделяет, в частности, заслуженный артист РСФСР Владимир Спиваков, художественный руководитель и солист прославленного камерного оркестра «Виртуозы Москвы», недавно ставшего партнером Кисина по исполнению фортепианного концерта Моцарта. Веречи и ни в коем случае не эксплуатировать талант юного пианиста, не злоупотреблять интересом к нему публики, падкой на сенсации, не растратить драгоценный дар — это непреложно. Но дать возможность выплынуть, размотать сложнейший клубок накопившихся чувств и эмоций, которые теснят душу музыканта, просто необходимо. Необходимо высвободить «живое пространство» для наполнения его новым содержанием на более высокой ступени развития — в этом и заключается непрерывный рост художника.

Валентина МИХАЙЛОВИЧ

В 1881 году один из корреспондентов убежденного реакционера обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева писал своему идеиному вождю:

«Чудовищное оправдание Веры Засулич дало дерзость и силы нашим нигилистам. Теперь одно и главное — строгость, беспощадная строгость, казнь, заключение, ссылка...»

Оправдательный приговор Вере Ивановне Засулич, стрелявшей в彼得бургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, вынесли присяжные заседатели под председательством тридцатичетырехлетнего судьи Анатолия Федоровича Кони (1844—1927). Суд над Верой Засулич и последовавший за ним период опалы навсегда поставили его в оппозицию к царизму.

А. Ф. Кони был сыном известного русского драматурга и театрального критика Федора Алексеевича Кони и актрисы Сандуновой (Ирины Семеновны Юрьевой). Выдающиеся ораторские способности, недюжинный ум, эрудиция позволили Кони занять особое положение в судебном аппарате России. Он был сенатором, членом Государственного Совета и в то же время признавался одному из близких своих друзей: «Друг мой, я вижу, что сделал величайшую ошибку, пойдя в Сенаторы. Я совершил нравственное самоубийство, приняв это звание».

Будучи дружен с И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, Н. А. Некрасовым и многими другими выдающимися современниками, Анатолий Федорович и сам обладал ярким литературным дарованием, проявил себя как последовательный реалист.

Кони не покинул Родину после революции. С увлечением, достойным молодого человека, руководил кафедрой в университете, читал лекции рабочим, солдатам, студентам, школьникам. В 1924 году Академия наук торжественно отметила 80-летие своего почетного члена.

История, о которой рассказано ниже, — лишь небольшой эпизод из биографии выдающегося русского юриста. Но в частном, казалось бы, факте личной жизни, как в фокусе, сконцентрировались нравственные убеждения Анатолия Федоровича Кони, его высокие моральные принципы. В свое время Кони написал работу «Нравственный облик Пушкина», справедливо считая, сколь важно для потомков иметь правильное суждение и об этой стороне жизни великого поэта. Небезинтересен для нас и моральный облик самого А. Ф. Кони. Такие люди, как он, несли в себе те высокие нравственные ценности, которые и поныне являются неотъемлемой частью духовно-морального богатства нашего народа.

Дело Евгения

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Он предвидел это несчастье. Еще в июне 1869 года — шутка ли! Почти за десять лет до случившегося писал Наденьке Морошкиной из богемского курорта Франценсбада¹, куда загнала Анатолия Федоровича болезнь: «Я много рассказывал тебе о своем брате, о его способностях, талантах и отличном сердце. Он давно уже стал на ложную дорогу, и в Варшаве я убедился, что почти невозможнено его с нее сдвинуть. Отвычка от труда, отсутствие серьезных интересов, какая-то эгоистическая беспечность, шаткость воли, доведенная до крайних пределов, и стремление во всем себя оправдывать — вот те печальные свойства, которые, кажется, способны будут затушить в нем большую часть его добрых начинаний». И дальше следует удивительное признание. Удивительное, потому что биографы Кони не раз обращали внимание на то, что в переписке его родителей можно найти интересные размышления по поводу воспитания сыновей. Но еще никого не удалось воспитать одною лишь теорией. «...всего больней в этом то, что я с горечью могу и имею право упрекнуть во многом, что портит Евгения, моих стариков... В нас развивали ум, забывая вовсе сердце и характер, и, откровенно говоря, среди двух-трех семян ума посеяли немало плевел душевной нивы. Видит бог, что я не хочу корить моих стариков — я благодарю их за их доброту, я люблю их, — но горькие воспоминания

против воли теснятся в моей груди и мучительно сжимают сердце. Как-нибудь я расскажу тебе подробно мое детство, и ты сама увидишь, как много права имею я жаловаться на пропавшие бесследно годы. Скажу одно — в 14 лет я вырвался из дома и стал вырабатываться сам (ничего сказать — хорош выработался!), Евгений остался и стоит теперь на весьма шатком пути».

8 февраля 1879 года, с трудом собравшись с силами после похорон отца и неприятных, возмущающих его чувствительную, раненную душу деловых переговоров с кредиторами покойного, Анатолий Федорович писал Евгению: «Нервы мои очень расстроены — и всем, что предшествовало смерти отца, и процессом, который я вел в это время², и тягостными заботами погребения. Трудно себе представить, сколько последние представляют подрывающего душу и оскорбляющего взволнованное чувство. Для меня потеря нашего старичка гораздо чувствительнее по многим причинам: с ним я потерял единственное, глубоко и бескорыстно привязанное сердце, которому не раз приходилось страдать от моих, быть может, и справедливых, но больных для него рассуждений. Притом — я его больше видел и чем ты в последнее время, и теперь, читая его переписку, разбирай его бумаги, я вижу его как живого, с его добрым, любящим, все-прощающим сердцем, — с его благородным умом и деликатностью. Повторяю — я ужасно тоскую по нем и ни в чем, ни в труде, ни в кругу людей, ни в одиночестве не нахожу возможности хоть на минуту забыть о его утрате. Однако, как ни горько, надо глядеть в глаза действительности».

А действительность была не из приятных,

¹ Процесс по делу Юханцева, кассира Общества взаимного поземельного кредита.

Переписка Анатолия Федоровича Кони с братом Евгением хранится в Пушкинском Доме (Институте русской литературы) в Ленинграде.

² Ныне — Франтишковы Лазне.

требовала суеты, длинных и нудных переговоров с кредиторами — отец имел около девяти тысяч серебром долгую (и поэтому Анатолий Федорович писал брату, что принимать наследство — невесть какое личное имущество — не следует). Педантично перечисляет он расходы по похоронам и в конце прибавляет, что если разделить расходы поровну, то с каждого приходится по триста тридцать пять рублей...

Да, и еще один вопрос. Анатолий хотел бы знать, как относится Евгений к такой надписи на могиле старика: «Ф. А. Кони, литератор. (Это почетное звание все более и более исчезает.) Род. 9 марта 1809 — скончался 25 января 1879». И на обороте: «Любовь все терпит, все покрывает, всему верит, на вся надежду имать и вся переносящее».

Ответа на свои вопросы Анатолий Федорович получить не успел. Пришло лишь запоздавшее в пути письмо Евгения — отклика на смерть отца: «Горькие дни проживаем мы с тобою, дорогой друг мой, голубчик Толя! Как ни приготовляешь себя к удару, как ни ждешь его — а все-таки удар бьет неожиданно и больно. Бедный старичок! Одно только и утешительно, это что он перестал страдать и что все, что зависело от нас, к облегчению его — было сделано... Бедный ты голубец — все хлопоты и вся тяжесть этих... забот пала на тебя одного, и без того крайне занятого! Мать плачет — но благородно сейчас она согласилась не ехать в Спб. Дорогой мой, я предоставляю тебе сейчас мой очаг и мои средства в полное твое распоряжение относительно дальнейшего устройства девочек и всего, что касается покойного отца. Как ты порешишь — так и будет исполнено... Поздравляю тебя с наступающим днем рождения, — дай бог, чтобы это был первый и последний день при такой грустной обстановке».

Ни очагом, ни средствами брата Анатолий

Федорович воспользоваться уже не смог. А «грустная обстановка» только начиналась...

...В три часа в субботу мировой судья Евгений Кони, как всегда, вышел из дома на аллею Иерусалимской и не вернулся. Его жена Любовь Федоровна ожидала мужа к обеду, но он не пришел ни к обеду, ни к вечернему чаю. Всю ночь «финляндская рыбка», как ласково звал ее муж и самые близкие друзья, ходила по комнатам пустой квартиры — за несколько дней до этого мебельщик вывез всю шикарную мебель за неуплату долга. Может быть, муж задержался у кого-то из друзей? Но Евгений не вернулся и утром в воскресенье — в день своего рождения. Любовь Федоровна чувствовала, что случилось какое-то несчастье, но все-таки надеялась: вот-вот хлопнет дверь парадного подъезда, щелкнет замок. В тревожном ожидании проходили часы. Идти к знакомым, искать Евгения она стеснялась, «боялась показать... что муж не ночевал дома».

Телеграмма: «Петербург в Окружной суд председателю господину Кони. Приезжайте. Случилась страшная беда. Вы одни можете помочь. Объясните письменно нельзя. Ответьте. Корреспондент».

Корреспондент — еще одно прозвище Любови Федоровны Кони. В письмах брату Евгению часто передавал привет от «корреспондента».

...Анатолий Федорович уже знал, что Евгений обвиняется в растрате денег и исчез из Варшавы. Еще утром, прия на службу, он почувствовал — не увидел, не прочел в глазах сослуживцев, — именно почувствовал: что-то случилось. Словно какой-то холодок пробежал от одних — от тех, кого он только терпел, — и теплые волны от верных сподвижников, от друзей. Ни те, ни другие ни словом, ни намеком не обнажили, что им известно что-то неприятное для него. Ему предстояло обо всем узнать самому. Утренние газеты лежали на рабочем столе.

... бегство мирового судьи г. Варшавы, г. К., растратившего значительные суммы, вынесенные ему по охранению наследства. По этому поводу сенат сделал уже распоряжение о производстве формального следствия... Как уверяют, следствие производится весьма деятельно, но г. К. скрылся неизвестно куда... Бежавший судья оставил молодую жену, никакого имущества и довольно значительные долги. В квартире его найдены только две кровати, не подлежащие по закону аресту...

По поводу дела К., возбуждающего тут самые оживленные толки, позволю себе еще раз возвратиться к общему вопросу об устройстве суда и необходимости реформ в Царстве Польском.

Из Варшавы сообщают «Русским Ведомостям»: 18 февраля скрылся... Е. Ф. Кони, растратив около 19 000 руб. разных, по должностности мирового судьи, находившихся у него чужих денег и, как говорят, совершив с этой целью ряд подлогов. Излишне объяснять, как диаметрально противоположны впечатления, произведенные этим событием на русских и на местное население. Скажу только, что оно составляет несчастье не только для семьи и родных виновника, но и для русского дела. Если каждая реформа у себя, так сказать, на родной почве, вызывает массу противников и недовольных, то число таких несравненно более здесь. Поэтому всякая оплошность, промах и незначительное упущение подмечается; из них потом сплетаются целые обвинительные акты на новый суд».

Больше всего Анатолий Федорович был взволнован тем, как поступок брата отзовется на деле, которому он отдал столько сил. Недаром корреспондент «Нового времени» прозрачно намекает на то, что случай в Варшаве — повод возвратиться к вопросам устройства судов. Да и «Русский вестник» тоже. Сколько их, врачей судебной реформы, подняли головы после суда над Верой Засулич! Даже те, кто когда-то приветствовал появление новых судов, стали вдруг сомневаться в них... Вдруг? Нет, не вдруг. Уж он-то знает, откуда подул ветер. Стоило императору нахмурить брови и выразить свои сомнения, как сомневаться стали все. А крайне правые с удвоенной яростью накинулись «на суд улицы» — на суд присяжных, а заодно и на мировых судей... Цепные псы от печати пронюхают и о том, что он, Кони, рекомендовал брата на место мирового судьи. Рекомендовал, а ведь знал о том, что у Евгения по службе складывалось неладно. Да и в быту. Долги, пирожки... Эта династическая история с несчастной любовницей и дочкой... Нет, теперь просить за брата он не имеет никакого морального права.

На следующий день Любовь Федоровна прислала телеграмму уже не таясь, прямо на адрес суда:

«Сходите в министерство... сделайте все возможное. Я одна. Приезжайте скорее. Корреспондент».

Анатолий Федорович не поехал. Не поехал и после того, как получил еще одну полную отчаяния телеграмму и писульку на крошечном, согнутом пополам листке: «Анатолий Федорович! Что мне Вам сказать, у меня только есть одна мысль, одна молитва: «Боже, спаси моего бедного дорогого, любимого Женю».

Днем он старался держаться, как обычно. И, наверное, это ему удавалось, потому что врачи говорили: Кони — человек без сердца, брат опозорил его, пребывает в бегах, может быть, даже покончил с собой, а он как ни в чем не бывало каждую неделю обедает у Стасюлевича и острит в кругу постоянных авторов «Вестника Европы».

Друзья поражались его выдержке. Ему же казалось, что присутствие на людях, привычное течение рутинной жизни в суде хоть и требует предельного напряжения сил, но спасает его, помогает забыться.

Он приходил домой в свою просторную квартиру на Новой улице, усталым жестом отказывался от ужина, который ждал его в столовой, отсыпал прислугу и подолгу сидел в кабинете, не притрагиваясь ни к перу, ни к новым книгам, стопкой лежавшим на письменном столе. В надежде заснуть принимал облатку снотворного — хлоралу. Но лекарство было бессильным перед его напряженными до предела нервами. Он засыпал, но тут же просыпался, уже не в силах больше заснуть.

Он вставал с постели, подходил к окну, открывал его в любую погоду, рискуя застудить легкие, потихоньку приходил в себя. Отступало удушье. И сердце понемногу утишало свои толчки. Вид пустынной, едва освещенной фонарями улицы, пущистые, ленивые хлопья снега, не склончаемой чередой летящие на землю, успокаивали Анатолия Федоровича. Он снова шел в кабинет, садился у письменного стола и раскрыл книгу. Когда не мог сосредоточиться на чтении, начинал разбирать бумаги покойного отца, его фотографии. Вспомнил, как пересказала ему медицинская сестра, дежурившая у постели больного, одну из последних фраз старика: «Задевочек я спокоен, потому что Анатолий — честный, а Евгений — добрый».

«Да, добрый, очень добрый... к себе», — думал Анатолий Федорович.

Вот когда это началось. Барышни, шампанское еще в гимназические годы... Занятия кое-как, отсутствие систематических знаний впоследствии оказались на службе. Стыдно сказать, но брат не знает прилично ни одного языка! Он постоянно твердит, что хочет пойти по пути отца, — заниматься литературой. Кое-какие способы к этому у Евгения есть. Он пишет остроумные стихи, но довольно ли этого, чтобы стать серьезным литератором? Кто сейчас не пишет стихов? От матери он взял немного артистичности, умение непринужденно держаться на сцене. Играли в любительском спектакле Чацкого и получил в поощрение от наместника карточку с надписью «Любезному Чацкому от старика графа Берга. Циник!». Сообщив об этом отцу, приписал: «А я бы лучше хотел чаши рублей за 200».

И вот письма отцу из Варшавы от сентября 1868 года, в которых слышится уже отдаленный гул приближающегося землетрясения. У брата апатия и хандры. Этому последнему еще «сильно помогают две причины: побаливание груди и сильно запутавшиеся дела. Что у нас делается — описать — не поверши.. Чиновников муштруют как лакеев, а лакеев держат как чиновников». И строки о нем, об Анатолии: «О брате слышал я тоже очень много и возгорживаюсь. Сколько я понимаю из твоего письма, ты думаешь, что он в кого-то влюбился в Харькове и хочет жениться, но это едва ли так! Что-то наш философ на это не способен...»

Зато сам Евгений завел любовницу, которая родила ему дочь Ольгу, расходы еще увеличились. «Сам знаешь, моя госпожа барыня отличная, добрая, любящая, да беда, необразованная и царя в голове нет.. Ни за что не хотел бы идти в родильный дом — скандал, все узнают. Жить у бабушки — скучно и тоже все узнают. Делать нечего — нанимай ей квартиру... а при квартире нужна и служанка, и обеды из гостиницы, и мебель. И все это пришлося купить... Родилась Ольга — слезы, рыдания, мольбы — не отдавай в Воспитательный дом, а к кормилице-крестьянке на воспитание. Еще 5 р. в месяц, да гардероб

Ольги — а характер у меня щедрый... Вот и верчусь яко щука на сковороде. Да долго ли прорвичусь — не знаю. Мать этого ничего не знает да и знать не должна...»

Анатолий Федорович смог уснуть только под утро, а в восемь был уже на ногах, читал новое письмо от «финляндской рыбки», датированное 11 марта. Ответ на его вопросы о Евгении. И снова мольба о помощи, крик души:

«Если вы мне откажете в... помощи, тогда не на что более надеяться! Если бы Вы даже не имели еще письма от него, то все-таки напишите ему. Ваша кухарка может написать адрес, не печатайте свою печатью и отвезите или дайте кому-нибудь верному отвезти на Московский вокзал и опустить в почтовый вагон. Так оно вернее. Адрес его: Саратов, до востребования Л. Г. К. или лучше в Москву П. И. Столыпову до востребования для отправки по принадлежности Е. К.

В случае, если приедет к Вам и останется в Петербурге, телеграфируйте мне, что Вы больны и желаете меня немедленно видеть, я сейчас же приду.

Милый, не оставьте Вашу бедную финляндскую рыбку, спасите ее от смерти человека, который для нее все».

В Петербург Евгений приехать не рискнул. Не хотел ставить брата в неловкое положение. Да и — что было главным — боялся появиться к нему на глаза. Прислал только покаянное письмо.

Семейные невеселые дела... Переписка с братом, совершившим должностное преступление, с его женой... Казалось бы, такая малость в сравнении с целочкой ярких событий его долгой и удивительно интересной жизни, ставшей красной строкой в истории России! Но в этих письмах, точнее, даже в одном, как нигде из всего им написанного, выразились цельность его натуры, его нравственный и моральный облик — не взгляд со стороны на нравственность и мораль, взгляд гражданина, судьи, литератора, — а именно его, лично Анатолия Кони, нравственный облик. Очищенное от какой бы то ни было самоцензуры, рассчитанное на единственного читателя — родного брата, то письмо помогает понять многие поступки Анатолия Федоровича, многие повороты его общественной и политической карьеры, понять, как сумел он сохранить себя как личность на поприще, одна принадлежность к которому таила в себе в те времена опасность полной деградации личности.

Как поступали его современники, облеченные достаточным авторитетом и властью, в похожих ситуациях? Употребляли власть и авторитет, чтобы замять скандал, любой ценой спасти родственника, пусть и преступившего закон.

Один из злых гениев России, Константин Петрович Победоносцев, в отношении которого Анатолий Федорович испытал в свое время горькие разочарования, не мучился окаймленным вопросом: «Нравственно ли?», когда собирались судить его тестя Энгельгардта, руководившего всеми таможнями.

Анатолию Федоровичу Кони тоже угрожала беда. Реакционные газеты уже вовсю раздували дело Евгения, недоброжелатели и врачи в судебном ведомстве потирали руки в предвкушении насолить ему, отыграться. Старая мать одна за другим присыпала письма с траурной каймой, считая, что Евгения уже нет в живых. И в это тяжелое время, едва узнав от Любови Федоровны адрес скрывающегося брата, Анатолий Федорович пишет ему длинное письмо. Скорее даже не письмо, а напутствие, так похожее по форме и по сути на те напутствия, которые ты задаешь, от которых зависит твоя честь и будущность, вся будущность, человек должен разрешать сам, не прибегая ни к чьему совету. Чем ближе ему советники, тем труднее, тем невозможнее дать им совет — и какой совет! Понести ли суровое наказание или стараться его избегнуть? В требованиях такого совета оказывается бессознательный эгоизм и бесхарактерность, которая заражает глаза перед роковым вопросом. Но эти твои свойства — ты сам знаешь — имели слишком роковое значение для твоих близких,

«Несчастный брат! Ты задаешь мне и жене твоей тяжкую задачу. Она представляет жестокое испытание. Она невыполнима нравственно. Вопросы, которые ты задаешь, от которых зависит твоя честь и будущность, вся будущность, человек должен разрешать сам, не прибегая ни к чьему совету. Чем ближе ему советники, тем труднее, тем невозможнее дать им совет — и какой совет! Понести ли суровое наказание или стараться его избегнуть? В требованиях такого совета оказывается бессознательный эгоизм и бесхарактерность, которая заражает глаза перед роковым вопросом. Но эти твои свойства — ты сам знаешь — имели слишком роковое значение для твоих близких,

чтобы ты не был обязан в настоящую минуту заглушить их в себе и сам принять перед собою ответственность за свою будущую судьбу.

Ты пишешь о жене. Это бедное, любящее, горячо преданное существо. Ты хочешь последовать ее совету, если она не захочет впоследствии разделить твою судьбу. Но разве можно, разве мысленно спрашивать ответа или решения у матери твоего сына, разве можно ставить ее в такое положение, что ей придется, в горький миг, сказать себе — это я послала его в Сибирь — и он обречен на вечное скитальчество. И потом можно ли говорить ей — «или я разорвусь с прошлым — и исчезну для тебя — или я поеду в Сибирь, но ты за мною не последуешь», т. е. тоже исчезну для тебя. Выбира! Но что же выбирать? Ведь для ее любящей души важен ты, а не способ, которым ты сам подвергнешь себя наказанию или это сделает закон. И кому же ты предлагашь такой вопрос? Истосковавшейся от горя (хотя и бодро смотрящей в глаза судьбе), находящейся в тяжелой моральной и материальной обстановке женщины. Разве она может дать теперь какие-либо обещания? Когда она была у меня перед переездом в Динабург... она считала неизбежным поехать за тобою... Счастье, для простых и чистых сердец, состоит не в одной материальной обстановке, а в чувстве исполненного долга, особенно если этот долг исполняется относительно любимого человека.

Теперь обратимся ко мне. Ты знаешь, что я тебя всегда любил. Лучшие воспоминания из немногих счастливых годов детства были связаны с тобою. Я верил в тебя, несмотря на твои увлечения и динабургскую историю. Все мои друзья и знакомые знали тебя заочно в том ореоле... сердечности, которым окружала тебя моя любовь. Видя тебя за делом, семьянином и работником — я гордился тобою, я втихомолку радовался за тебя. И теперь после всего, что совершилось, после удара, глубину и тяжесть которого ты, вследствие разных обстоятельств, едва ли можешь себе представить, я все-таки не в силах вырвать из сердца сострадание к тебе, как не смогу отогнать от моей измученной души твой печальный образ. Но я должен, в настоящую важную минуту, говорить тебе правду. Поэтому прежде всего оставь всякую заботу обо мне, о моем имени, спокойствие и т. д. Об этом надо было думать прежде. Имей в виду только себя. Как брату мне одинаково тяжело сознавать тебя «в бегах» — или в Сибири, — а как общественному деятелю — твой процесс, огласка и т. д. не много прибавят к тому, что уже испытываю я, встречаюсь ежедневно с людьми, знающими все, и с волнением и болью открывая газеты, подносящие мне «через час по ложке» корреспонденцию из Варшавы с рассказами о поступке и бегстве мирового судьи Кони с различными комментариями на этот счет. Твой будущий процесс немного значит в сравнении с тем, что я перечувствовал с точки зрения судьи, гражданина — и русского...

Ты спрашивашь, исчезнуть тебе бесследно или явиться с повинной. Я понимаю безусловное исчезновение — как продолжающееся укрывательство здесь или за границею. Иного смысла этих слов, могущих явиться при мрачном настроении души, я не допускаю. У тебя не может быть так мало сердечной деликатности, чтобы ставить мне вопросы в таком смысле. Итак, дело идет только об укрывательстве или о явке. Но могу ли я дать тебе совета? Разве можно предусмотреть заранее результаты... того и другого исхода. Разве можно взять на свою ответственность сказать — возьми, избери этот, а не тот род жизни, — во всяком случае, сопряженный со всякими лишениями? С практической точки зрения — тут все зависит от стойкости, от способности спокойно, не раскаиваясь и не приходя в отчаяние от неудобств... идти по избранному пути. Как хочешь ты, чтобы я определял твое будущее, когда твое прошедшее слагалось вдали от меня и привело к таким, для меня безусловно непонятным результатам? Практическую сторону вопроса ты опять должен решить сам.

С нравственной стороны в случаях, подобных настоящему, советы (неразборчивое слово. Вероятно, «невозможны»). Совет — это голос сердца, управляющего умом, должны диктовать решение. Где у людей одинаковые нравственные идеалы — им нечего советовать друг другу, где разные — они не поймут один другого. Я мог бы лишь сказать тебе, как поступил бы я при выборе между побегом и судом. Но мы слишком разно развивались нравственно и в смысле характера, чтобы мое побуждение было указанием или законом для тебя. Вопрос не в том только,

что бы ты должен сделать как отвлеченный человек, а в том, что ты можешь сделать как человек живой. Решение таких вопросов должно быть результатом опыта всей жизни, взгляда на отношение к обществу, привычки искать в жизни личное счастье или исполнение долга... Но у нас многое, если не все, в этом отношении разное. Как же могу я навязывать тебе мои личные убеждения, особенно при моей неспособности раздвоиться и оторвать в себе общественного деятеля, судью — от частного человека?

Итак, я ничего тебе не посоветую. Пусть твоя совесть укажет тебе, что делать. Испытание должно было ее укрепить и голос ея тебе теперь слышнее, чем когда-либо.

Итак — я не дам тебе совета, а тем паче приказания. Ты муж, ты отец семейства — и ты сам должен распорядиться своею жизнью. Ты должен меня понять — и ты не должен предоставить мне выбора, который всецело принадлежит тебе...

Но ты измучен и расстроен. Я все-таки спокойней тебя. Поэтому я считаю себя вправе поставить перед тобою ряд вопросов об условиях того и другого исхода».

И дальше Анатолий Федорович рассматривает последствия побега и явки с повинной.

Известно ли, спрашивает он брата, что ст. 359 Улож. при побеге приговаривает «к ссылке на поселение», а не на житье? Знает ли он, что существует конвенция со всем Европою о выдаче преступников (общих). И что станет он делать за границею без знания языков? Прозябать в обществе русских выходцев? Станет ли силы вынести все унижение, все страдание, все треволнения скитальства, без семьи, привычных занятий и даже определенного имени?

«Правда, бывали и возможны случаи, что где-нибудь в Америке или даже Европе эмигрант находил себе, путем тяжелого труда, преимущественно мускульного, кусок хлеба и даже достаток. Уповашь ли ты на это?»

Теперь о явке с повинной: она уничтожит... применение 359 ст. (Явка с повинной есть обстоятельство, смягчающее вину.) Будешь сослан на житье в Сибирь.

«Это будет Сибирь Западная... Ты будешь жить в маленьком городке и получать 13 к. в день. Года через два тебе разрешат жить в Томске или Тобольске... Через 4—6 лет ты получишь право жить во всей Сибири. Это страна будущего, и деятельности уму, искушенному жизнью, в ней работа найдется. Перемена царствования может послужить в виде амнистии и тебе. Ты будешь переведен в Россию — и, вероятно, окажется возможность устроить тебя в Самаре. А так, лет через 10 — может быть полное помилование. Тебе 33 года — будет 43. Это еще не конец жизни. Для несчастных характеров вроде твоего это даже только начало сознательной и отученной от постыдных увлечений жизни... Зная меня хоть немножко, ты, конечно, не ждешь от меня не только оправдывающего, но даже снисходительного взгляда на твой отвратительный поступок. Ты знаешь, что для меня родства в общепринятом пошлом и несправедливом смысле не существует и я не способен относиться к поступкам брата мягче, чем к поступкам чужого. Но знай и то, что никогда, даже мысленно, не упрекнешь меня за то, что ты сделал лично мне. Я тебя искренне и от всей души прошу — и это счеты мои с судьбою личных, ты же слепое ее орудие... Что бы с тобою не было — я буду неизменным другом твоей жены и буду искренне любить бедного Борю. Буду счастлив — т. е. найди душевное спокойствие. Моя скорбная мысль часто около тебя...»

Р. С. «..И затем — откровенность и искренность показаний полна. Это и долг чести и указание практического опыта. Еще раз прощай».

Получив это письмо, Евгений явился с повинной. Уже из тюрьмы написал брату, пытаясь дать анализ причины своего преступления: «Дорогой брат Анатолий, как тебе известно, вот уже три недели как я возвратился в Варшаву и заключен под стражу. Поводом к моему возвращению было как твое письмо и настоящая просьба Любы, так и собственное сознание о необходимости, сделав подлость, смело и честно принять за эту подлость и достойную кару... Теперь, сидя одиноко за замком и анализируя себя, я прихожу в ужас от той массы пороков, которая сидит во мне — и во удивление, как вместе с этими пороками могут уживаться несколько недурных сторон моего характера...»

Дальше все совершилось так, как предсказал Анатолий Федорович, — ссылка в Западную Сибирь (жена с сыном и мать поехали вслед за Евгением), потом Самара...

верь открылась, и вошел Майл.

— Где Эллиот?

— Не буди его, — сказала Мэри и, выталкивая Майлса, вышла вместе с ним в коридор. — Ты не знаешь, что его мучает? — Она плотнее закуталась в халат. — Какой-то он подавленный.

— Из-за школы, — наверно, — сказал Майл. — Школа очень подавляет.

И он, обернувшись, бросил взгляд в глубь коридора. Что-то происходит с Илом, что-то происходит с Эллиотом, и раскалывается от боли собственная его голова.

— Так или иначе, — сказала Мэри, — я хочу, чтобы он отдохнул.

— Можно, я с ним останусь? — попросил Майл. — У меня в школе сегодня только половина уроков. Очень прошу, мам...

Мэри достала из кармана халата аспирин.

— Ладно. Может, ты выведешь его из этого состояния.

И, пытаясь сбросить с себя оцепенение, она пошла к лестнице.

— Ну, просыпайся теперь. Ладно?

И Майл сел около Эллиота на кровать. Он поднял веко Эллиота, и открывшийся глаз ответил ему взглядом, какого он не видел у брата никогда, — каменным.

Майл издал стон и начал трясти Эллиота.

— Ну, пожалуйста, Эллиот, проснись.

Не сразу, но сознание вернулось к Эллиоту, и Майл, стукаясь о него и, как и он, пошатываясь, повел брата в его комнату: ощущение у Майлса было такое, будто он тащит чугунный шар. Что за странная сила тянет их вниз? Что происходит с братом? Что происходит с домом? Рушится он, что ли?

Майл потрогал стену на всякий случай, но стена двигалась в других измерениях, внутри древесных волокон танцевал черный свет.

— Брось, Эллиот, ну что ты так...

Он с трудом втащил брата в его комнату: Эллиот был теперь твердый, как чугун.

А Ил под одеялом на кровати у Эллиота стал уже совсем белым.

Майл положил Эллиота рядом с Илом; внутри Майлка тек и разливался страх.

Ил дышал вглубь, внутрь своей огромной атомной мозги. Ничто больше не было ему подвластно.

«Спаси меня!» — воззвал он к своему Капитану, который в далекой ночи мчался на Корабль Наиудленного Света.

«Приди, мой Капитан, приди за слабеющим ботаником первого класса».

«Растения умирают».

«И я... боюсь, что я тоже умираю».

— Теперь мы обязательно должны обо всем рассказать, Эллиот, — заговорил Майл. — Без помощи нам не обойтись.

Эллиот повернулся к Майллу; в глазах у младшего брата плывали, сверкали угрожающие, блестели щупальцы медуз-аурелии.

— Нельзя, Майл. Не делай этого.

Эллиот знал: от остального мира ничего хорошего Илу ждать не приходится. Армия не поймет. Правительство тоже. Они схватят чудесное существо и начнут делать с ним всякое.

— Он будет наш с тобой... пополам, — сказал хрипло Эллиот. — На это я могу согласиться.

Майл выптер пот с лица, судорожно пытаясь понять, что в моральных пределах их игры означает половинное право владения. Исходившая от постели сила раскачивала его взад-вперед, двигала, как марионетку, по комнате, и Майл знал, что даже с половиной этой силы им не совладать. Уж слишком велика она по сравнению с их собственной силой. Стены пульсировали тьмой, и в каждой волне этой тьмы Майл видел тысячу маленьких силузтов Ила; за каждым из них горел космический огонь. Не собирается ли космическое существо склонить весь мир?

— Эллиот... — Пытаясь укрыться от дикого танца перегруженных избыточной энергией атомов, Майл неверными шагами отошел от кровати. — Если нам не помогут, мы его потеряем. И... тебе тоже, Эллиот.

Глаза Эллиота были теперь как красные физалии, это их красноватые щупальца двигались в его взгляде. Земля и вообразить себе не могла бы ту энергию, которая сейчас была в этих глазах. Эллиот светился, как раскаленный в горне металл. Он и так умел притворяться, что у него высокая температура, но на этот раз...

Майл подхватил одной рукой Эллиота, а другой поднял Ила.

Майл был большой и сильный, но вес этих двух существ для его рук...

Только чудом держал он железный шар Эллиота и космическое солнце Ила. От энергии, сосредоточенной внутри Ила, пальцы Майлса дергались. Волшеб-

Окончание. Начало в №№ 10—15.

ное электричество, накопленное за десять миллионов лет изучения Вселенной, перетекало сейчас к нему.

Майкл втащил их обоих в ванную и поставил под душ. Нужно погасить этот огонь, охладить Эллиота... На Ила и Эллиота хлынула вода.

Пошатываясь, Ил шагнул под водопад... но ведь это водопад на Венере, в потаенном гроте, во тьме которого пляшут невидимые реки. Ил закрыл глаза, и реки на него хлынули. Он думал, что будет прилетать сюда снова и снова, но нет, скоро для него все кончится.

И ничего он не сберег, забыл, что «горе тому, кто любопытен», а ведь эту поговорку хорошо знают все, кто летает к дальним мирам.

Хочешь, заглядывай в измерение, хочешь, выглядывай из него, но смерти остерегайся.

Какой же он глупец, что не сберег своего бессмертия! Много звездных миль гладко протопал, а все равно оступился.

И вот теперь... последний душ. Перепончатыми ногами Ил шлепал по воде и напевал чуть слышно; ему казалось, что он в одной из древних пещер космоса и эхо откликается под ее сводами:

— ...Пе-реломы буд-дущтт...

Колени его были как из свинца, казалось, тонны свинца спрессованы в них, и он, не в силах больше стоять, опустился на дно ванны.

С ним вместе опустился и Эллиот.

— Ил, вылечи себя...

Эллиота пронизывали мощные разряды энергии, но управлять этой энергией он не мог; для него она была просто огнем, обезумело прыгающим в его телё, и

ее голову, а тут еще Майкл заговорил на языке «Подземный и драконов». — О чём идет речь?

Майкл сдвинул занавеску ванны. Эми моргнула, и мгновение глаза ее были закрыты, потому что она боялась их открыть: ей сперва показалось, будто на дне ванны шевелился клубок рентгений. Но когда Эми открыла глаза, она увидела в ванне Эллиота и...

— Мы болеем... — Эллиот поднял руку. — ...Мы умираем...

По ним текла вода, по Эллиоту и этой страшной маленькой фигуре, башне кошмаров в три фута высотой. Башня кошмаров обнаружила признаки жизни: губы существа задвигались, и Эми услышала надгребное эхо огромных пещер:

— ...тон ...ко ...е ...и ...гиб ...ко ...е ...су ...ще ...ство...

— Он с Луны, — сказала Герти.

Эми сквишила Эллиота и рывком вытащила из ванны. Только бы убежать скорей, откуда бы ни была эта мокрая, похожая на рептилию тварь, такая страшная, что на нее смотреть невозможно, и цеплявшаяся, как ей показалось, за Эллиота.

— Все вниз! — крикнула она, заворачивая Эллиота в полотенце и толкая детей вперед.

Разум сейчас не управлял ее поведением, ее вело только чувство. Страшилище в ванне может там оставаться — ее с детьми через минуту в доме не будет. Ни о чём другом она сейчас не думала.

— Мы не можем оставить его одного, — запротестовал Эллиот.

Не отвечая ему, Эми по-прежнему толкала детей вперед. Она открыла наружную дверь, и последний остаток разума тут же ее покинул: по ту сторону двери стоял космонавт.

На космонавте был скафандр с круглым прозрач-

Литературный глобус «Смены»

Уильям
КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ
ФАНТАЗИЯ

целительный луч был погребен в волнах пламени. Дверь внизу отворилась, и в дом вошла Эми, а с нею Герти.

— Пойди развесели своего брата, — сказала Эми.

Эми поставила сумку с продуктами на стул; едва она вошла в дом, невыносимая головная боль возобновилась. Будто в лоб, прямо в его середину, вонзили нож.

Пытаясь хоть как-нибудь уменьшить боль, она подвигала головой, сжала виски.

Вниз по лестнице чугунно загрохотали шаги Майкла, который перед ней тут же и появился.

— Потише, милый, — сказала Эми, — а то пол прогомишь.

— Мам, я кое-что должен тебе сказать. Только ты сядь.

Эми начала медленно опускаться в кресло. О боже, лишь бы не какое-нибудь новое несчастье с ее детьми, лишь бы не сегодня, лишь бы не укусы или еще что-нибудь жуткое, мальчишечье, с драками!

Она тяжело села, и кресло заскрипело под ней, как скожилия, которые вот-вот лопнут.

— Что-нибудь серьезное?

— Такое серьезное, что ты и представить себе не можешь.

Она вскочила; голова кружилась, что-то ужасное надвигалось на нее со всех сторон.

— Помнишь домового?

Теперь глаза, как медузы, были у Майкла.

На лестнице послышались шаги Герти, и Эми почувствовала, как в доме сотрясается пол от веса пятнадцатилетнего ребенка.

— Мамочка, — закричала Герти, — они ушли! В чулане их нет!

— Их? — Эми посмотрела на Майкла.

— Лучше я тебе просто покажу, — сказал Майкл. Он повел ее на второй этаж, к ванной.

— Дай самое торжественное обещание, какое только можешь, что... — начал он.

— Майкл... — Как заколки, выскальзывающие из волос, остатки мыслительных способностей покидали

ним шлемом. Она захлопнула эту дверь и бросилась к боковой. Ту уже открывал другой космонавт.

Эми кинулась к окну. С наружной стороны опустилось полотнище из прозрачного пластика, и она увидела, как третий человек в скафандре прикрепляет его к оконной раме.

А через несколько мгновений весь дом накрыл огромный пластиковый колпак.

К наступлению темноты дом был весь упакован в прозрачный, но непроницаемый для воздуха винил: воздух поступал через огромного диаметра трубы из гибкого пластика, опоясывавшие дом кругом и сверху. Со всех сторон, закрепленные на специально для этого воздвигнутых лесах, дом освещали прожекторы. Улица была перекрыта, а на асфальтовом въезде стояли грузовики и трайлеры. Появлялись и исчезали люди в светло-синих тренировочных костюмах.

Войти в дом можно было только через фургон.

Сейчас в фургоне был Ключник, он как раз надевал тренировочный костюм и шлем. Потом он открыл заднюю дверь фургона и вошел в одну из прозрачных труб. Пройдя по ней, он оказался перед переходной дверью на «молнии»; открыв эту дверь, он вступил в находящийся на карантине дом.

— ...невероятно... просто невероятно...

Сkeptически настроенный микробиолог в герметичном шлеме разговаривал сам с собой, голос его странно хрипел, а лицом он напоминал золотую рыбку, оказавшуюся слишком маленькой баночке: растерянный, он стоял в части дома, отведенной его бригаде специалистов; они изучали соскобленные с Ила образцы поверхностных тканей, первое же знакомство с которыми лишило их дара речи; и дар этот не спешил к ним возвращаться теперь, когда они пытались хоть что-нибудь в организме Ила понять.

В другой части дома бригада медиков работала с членами семьи. В гостиной, переоборудованной в палату «скорой помощи», у Эми сейчас брали кровь на анализ.

— Наблюдались ли какие-либо изменения среды в доме с тех пор, как этот... ЭТО... у вас находится? Изменения в температуре, влажности, интенсивности света?

Не желая или не будучи в состоянии говорить, Эми смотрела на врача и молчала. Рядом другой врач изменил кровяное давление Майкла.

— Ты не замечал каких-нибудь изменений в цвете кожи, в дыхании этого существа? Выпадения волос, выделения пота?

— А у него никогда никаких волос не было.

— По-видимому, — сказал один врач другому, — детям удалось наладить с этим существом примитивное языковое общение.

— Это я научила его говорить, — заявила Герти врачу, отстрагившему в это время прядь ее волос.

Перед ней присел на корточки психиатр.

— Говорить его научила ты?

— Моей игрушкой «Скахи по буквам».

Психиатр, по-видимому, этой игрушки не знал.

— Обнаруживал твой друг какие-нибудь чувства?

Смеялся, плакал?

— Плакал, — ответила Герти. — Он хотел домой.

А руководитель всех бригад тем временем прошел в столовую, где рентгенологи, изучая скелет Ила, почесывали свои шлемы. Открыв еще одну пластиковую дверь на «молнию», Ключник вошел в комнату, которая была на карантине более строгом, чем все остальные. Пол, стены и потолок в этой комнате были затянуты пластиком, и внутри нее была еще одна комната, переносной бокс размером десять на десять футов, тоже из прозрачного пластика. Внутри бокса лежали Ил и Эллиот, и над ними работала бригада медиков высокой квалификации.

— Записываю ЭКГ, не имеет ничего общего с человеческой.

— Есть зубцы Q, R, S?

— Нет.

— Ну, а вообще какие-нибудь зубцы есть?

— Не... не знаю.

Запись на ленте не соответствовала ничему, что можно увидеть в руководствах по кардиологии. Но врачи — люди странные; дайте им побывать несколько минут наедине с любым отклонением от биологической нормы, и они исследуют ее своей аппаратурой так спокойно, что успокаются и все вокруг.

— Интересно... — только и сказал один из врачей.

А сказать можно было гораздо больше. В существе, лежавшем на столе перед ними, одно не соответствовало другому; некоторые области тела напоминали мирные овощи, другие обладали плотностью камня.

— Сонар, вы определили, где находится сердце?

— Не могу понять.

— Ну, а вообще-то сердце у него есть?

— Освещен весь экран. Выглядит так, будто сердце заполняет всю грудь.

Они тыкали в него инструментами, сгибаю и разгибаю его конечности. Кололи иглами в поисках вен, другие иглы проверяли рефлексы. Были найдены ушные клапаны, открытые нежные слуховые стебельки. В его просматривавшие Вселенную, сверхчувствительные глаза направлены были лучи безжалостного света. Бригада лихорадочно работала, пытаясь расшифровать Ила, исследовала его истерзанное тело всеми способами, какие есть у медицины для раскрытия тайн живой материи.

Возглавлявший бригаду врач то и дело поднимал руку, чтобы вытереть пот со лба, но рука натыкалась на пластик шлема. Он был расстрелян, Ила он воспринимал как лишенное разума морское чудовище, как в корне отличное от человека существо, чей смысл и назначение ему так и не удастся раскрыть.

Да, облик его леденил кровь; но главная беда была в том, что несказанное безобразие этого существа убивало во враче, возглавлявшем бригаду, свойственную этому врачу мягкость. Усталое сознание врача наполняли сейчас образы птеродактилей, первобытных ящеров-уродов, которые вообще не должны были бы появиться и, к счастью, перестали существовать. Эта тварь на столе была из их числа, холодная, бесчувственная, настояще порождение кошмара.

— Он живой, — сказал техник рядом, — но я не могу обнаружить дыхания...

— ...пульс ровный...

Престарелый путешественник лежа безмолвствовал, как мертвая луна какой-нибудь безвестной планеты. Сверху в него бил из нескольких ламп яркий флуоресцентный свет землян, безжалостный, спляющий, проникающий в самую глубь нервов. Он, беспомощный, был сейчас целиком во власти врачей Земли, а ведь их инструментарий так груб по сравнению с медицинскими приборами Великого Корабля!

«Где ты, настоящая медицина?» — вздохнул он, взвывая к Большой Ночи, тьма которой унесла собственных его врачей.

— Запишите: умеренная экзофтальмия...

— С двух сторон симптом Бабинского...

— Регистрирую вдох. Всего один...

Он попытался нащупать путь к кораблю, к своей высокой цели, для осуществления которой он так

окончанием своих истерзанных нервов. И независимо от того, что именно — случайность или их горячее желание, чтобы он ожил, — вернуло его к жизни, она была рада, ибо, хотя это еще больше осложняло ее жизнь, хотя за нее гнались сейчас полицейские машины, она чувствовала, что... лучше его никого нет.

Подпрыгивая внутри пластиковой трубы, судорожно вцепившись в ее ребра, двое снова и снова пытались вскарабкаться в фургон. Наверху, откуда шла труба, они видели Эллиота; он, лихорадочно спеша, что-то делал.

«Ой-ой, — подумал один из агентов, — уж не отцепляет ли мальчишка трубу?»

Через мгновение оба агента барабантились, запутавшись в пластике, посреди улицы, а фургон от них удалялся.

Майкл воевал с управлением мчащегося фургона.

— Мы убьемся, Эллиот! — крикнул он через плечо. — И еще мне никогда не дадут водительские права!

Его изумляло, как это другие машины, столкновения с которыми, казалось, уже не избежать, ухитряются уйти в сторону, а он благополучно мчится дальше. Эллиот между тем взобрался на ящики к подпрыгивающему свинцовому гробыку Ипа, открыл его и рассстегнул пластиковый мешок.

Ип сел, стряхнул с себя сухой лед и огляделся вокруг.

— Ип звонить домой.
— За тобой летят? — спросил Эллиот.

Зипп зипп звак-звак...
Глаза Ипа горели, но еще ярче горел свет-его-сердца, ответивший Эллиоту сиянием, которое наполнило весь фургон.

Не сбавляя скорость, Майкл свернул с улицы на боковую дорогу, поднимавшуюся на холм, который местные жители называли Наблюдательным Пунктом. И с Наблюдательного Пункта наблюдала сейчас вся компания игроков в «Подземелья и драконы» — именно им он звонил за полчаса до этого. Они приехали на велосипедах, захватив еще два складных велосипеда с собой, и теперь ждали.

Въехав на вершину холма, фургон резко остановился, и Майкл с Эллиотом помогли Ипу спуститься на землю.

«Подземельщики» (Грег, Тайлер и Стив) стояли, разинув рот, и смотрели, как к ним ведут маленькое страшилище.

— Он из дальнего космоса, — сказал Эллиот, — и мы отвозим его к кораблю.

Хотя «подземельщики» уже совсем ничего не понимали, они помогли усадить Ипа в корзину на велосипеде Эллиота, а потом вместе с Эллиотом помчались по одной из четырех дорог, спускавшихся с Наблюдательного Пункта.

Впереди несся Тайлер, его длинные ноги сгибались и разгибались с головокружительной скоростью. Он посмотрел через плечо на немыслимое существо в корзине и Эллиота и завертел педалями еще усерд-

ней, чтобы как можно скорее избавиться от ЭТОГО, что бы ЭТО ни было. А то размножится, и что тогда делать?

— Эллиот! — взвизгнул Грег. — Что... что...

Но язык его не слушался, и он, крутя педали изо всех сил, только и мог изумленно пускать слюну. Рядом с ним склонился над рулем своего велосипеда Стив, на голове — шапка с крыльышками, ветер их откинул назад. Стив тоже посмотрел на страшилище, и почему-то у него исчезли все сомнения в том, что оно, что бы ЭТО ни было, причастно к тому, что сестренка заставляет человека печь для нее из глины пирожки. Детали он выяснил потом. Но сейчас он решил, и решил твердо, до конца жизни держаться подальше от всех сестер, даже от своей собственной. От сестер можно ждать чего угодно. Он пригнулся еще ниже к рулю; ноги на педалях взлетали, как птицы, а юное сознание Стива терзали вопросы, ответов на которые у него не было.

Едва исчезла эта странная группа велосипедистов, как верхушка холма ожила снова: ее заполнили машины полиции и машины, принадлежащие ведомству Ключника; среди них была и машина Мэри. Машины, визжа тормозами, окружили фургон и остановились; из них выскочили вооруженные полицейские. Выскочила из своей машины и Мэри и бросилась к полицейским, крича:

— Не трогайте их, это дети!

Голос ее звенел напряжением и страхом, накопившимися за многие месяцы, и казалось, что она на грани помешательства; полицейские растерянно уступали ей дорогу.

Эта заминка позволила велосипедистам еще больше увеличить расстояние между ними и преследователями; те все еще осматривали снаружи фургон и сухой лед, который из него сыпался. Но когда двери фургона распахнули, все увидели, что внутри никого нет.

Тут из-за кустов появилась еще одна фигура, почувствовавшая каким-то непонятным образом, что сегодня вечером на Земле нет места более важного, чем это:

— Они на велосипедах! — завопил Лэнс. — Я знаю, куда они поехали!

Мэри зажала рукой полный торчащих наружу зубов рот маленького всезнайки и втащила его в свою машину. Но Лэнс опустил окошко и закричал:

— Гоните на озеро, они поехали на ту сторону озера!

И полиция вместе с агентами, работавшими в ведомстве Ключника, отбыла к озеру.

Лэнс повернулся к Мэри:

— Нам нужно в лес, я покажу вам, куда...

— Но... а к озеру?

— Если я и всезнайка, то это еще не значит, что я дурак.

Ип и компания мчались по извилившемуся шоссе. «Подземельщики» то и дело оглядывались на Ипа, но вопреки разуму, ошеломленному его видом, сердца их громко, хоть и безмолвно, говорили им другое: что он их друг и что наконец они играют в Игру с большой буквы. И они еще яростней нажимали на педали, везя Ипа к месту, где его ждала судьба.

Полицейские машины огибали в это время озеро, проезжали мимо кемпингов, коттеджей, мимо домика, в котором жил сторож автомобильной стоянки.

— Нет, никто не проезжал... — Сторож, разинув рот, таращился на машины.

Завернувшись рули, в сторожа полетели из-под колес грязь и камни, и группа захвата поползла по грунтовой дороге вокруг озера назад на асфальтированное шоссе.

«Куда теперь?» — думал водитель головной машины.

У этого сержанта полиции дергалось веко, дергалось с утра, и казалось, будто оно сигнализирует. Так же судорожно, как веко, дернулись руки сержанта и повернули руль влево, повинуясь приказу локатора, который работал сейчас у него в голове.

Остальные машины последовали за первой и теперь неслись назад по шоссе. Люди из ведомства Ключника настояли на сложном прочесывании: шла большая охота, и нужно было исключить любые случайности.

— Развилка... разъезжаемся...

Переговариваясь по радио, полицейские машины разъезжались в разные стороны, образуя веер, проходивший через сетьку улиц, и веер этот, прочесывая квартал за кварталом, вращался, открываясь, складывался.

— ...поворачивай, поворачивай...

Дергалось веко, и дергалась автомобильные колеса, снова и снова поворачивались на неосознаваемый сигнал, а шел этот сигнал к водителям от преследуемой ими жертвы, инопланетянина, чей психический радар, лихорадочно обшаривавший небеса в диапазоне телепатической связи, сейчас ощущали даже камни.

Ип, вцепившийся длинными пальцами в проволочную сетку, подпрыгивал в корзине Эллиота. В голове у него жужжали сигналы: знакл нерк нерк снакл ты нас слышишь?

Да, мой Капитан. Очень прошу вас, поспешите, зингг зингг нерк нерк.

Длинные ноги Тайлера слились с педалями в одно колеблющееся пятно, выкачивая из велосипеда все его десять скоростей; Тайлер по-прежнему несся впереди, а сразу за ним, сгорбившись над рулем, Майкл. Сейчас Майкл услышал звук полицейской сирены, пока еще слабый.

— Догоняют!

Взгляд его метнулся к Эллиоту.

— В проезд между домами! — закричал Эллиот.

И ринулся вбок, а за ним повернули все остальные. Тонкие резиновые шины взвизгивали, подпрыгивая на разбитом асфальте узкого, как коридор, проезда; проезд этот был кратчайшим путем к дальним холмам, до которых нужно было добираться и которые сейчас казались далекими, как никогда.

Велосипеды перепрыгивали трещины в асфальте, резко поворачивали, и задние стены домов, выходившие на проезд, глазели на них, моргали окнами, поднимали сонные веки.

— Правее,— показал пальцем человек рядом с сержантом полиции, и казалось, что кончик его пальца светится.

Он не мог понять, откуда он знает, куда ехать. Но, как ни удивительно, он знал это точно. Вон туда... и туда...

Полицейские машины въехали в проезд почти одновременно в семи разных местах, потом, образовав цепочку, понеслись вперед по искореженному асфальту. Головная машина, которую по-прежнему вел сержант с дергающимися глазом, стрелой промчалась по узкому коридору; сирена ее выла, не умолкая ни на миг, а хороший глаз сержанта работал с двойной нагрузкой, но... помогай бог старой леди, подумал сержант, если таковая выйдет вдруг из-за мусорных баков покурить.

На внешнем краю веера, в противоположном конце проезда, появились, отрезая выход, люди Ключника.

— Вон они!

Эллиот спрыгнул с велика и вкатил его вверх по бетонным ступенькам к какому-то старому гаражу. За них последовали Майл и Тайлер, и все четверо, включая Ипа, оказались на заднем дворе, огороженном с двух сторон деревянными заборами.

По тем же ступенькам взобрались со своими велосипедами Грег и Стив, крыльшки на шапке у Стива торчали сейчас концами вверх; оба остановились перевести дыхание, а потом, снова вскочив на велосипеды, в один миг оказались в проезде, параллельном первому.

Тайлер и Майл уже катили бесшумно по правой стороне, а между ними ехал Эллиот с Ипом в корзине. Ип оглядывал все вокруг, его огромные глаза вращались.

Не допусти, чтобы меня поймали ксерксер нарк вмммммммнн ты меня слышишь?

Зерк нергл вммммннн знакл наш великий Капитан просит, чтобы ты поспешил, опасность, опасность, опасность.

В конце проезд перекинутой аркой уходил вверх, и пять велосипедов понеслись по нему, едва касаясь асфальта, к холмам — как бы с черного хода, по маршруту, лучше известному велосипедистам, нежели водителям машин. А в первом проезде в это время машины, съехавши, загородили дорогу друг другу, и пришлося, чтобы продолжать погоню, давать задний ход, выползать из проезда, перестраиваться.

— Скользкие маленькие крысины,— процедил сквозь зубы сержант в головной машине.

Его левый глаз сейчас работал как стробоскоп, моргал со скоростью, на какую веки не рассчитаны. Дав задний ход, сержант опрокинул несколько мусорных баков, моля бога, чтобы за ними или в них не оказались старушки, собаки, ребенок или алкоголик в бессознательном состоянии, — окажись они там, они обязательно попали бы ему под колеса. Увеличив скорость, он вырвался вперед; сирена истошно выла, а фуражка, надвинутая чуть не до самого носа, придавала сержанту весьма решительный вид. Машина с ревом вылетела из дальнего конца проезда, и, повинувшись своему дергающемуся глазу, водитель снова повернулся влево.

— Маленький негодяй,— прошипел Ключник.— Ничтожный маленький сукин сын.

Перед его глазами стояло улыбающееся лживое лицо Эллиота. С таким лицом мальчишка в жизни добьется многое. Ведь как сумел обвести всех вокруг пальца, и это в самый последний момент, когда добыча уже была в руках!

— Поворачивай, поворачивай! — заорал он, ясно чувствуя направление, ощущая его в пальцах рук и ног.

Разрушая рисунок веера, водитель дал задний ход и снова оказался на улице, и в это мгновение из проезда выехали Тайлер и Эллиот.

— А, черт! — воскликнул Тайлер.— Они!

Последний отрезок улицы, который им предстояло проехать, последний квартал, отделявший их от леса, от спасения, неожиданно заполнился людьми: это в машинах открылись дверцы и из них высыпали преследователи.

Эллиот повернулся назад в проезд. Но оттуда высунулось рыло полицейской машины, и она, вращая мигалкой, пошла прямо на него.

Веер сложился, середина его плотно сжалась, девять было некуда. Длинный Тайлер почти лег на руль своего велика.

— Попробуем проскочить.

Он понесся вперед, рядом Майл, сразу за ними Эллиот. Впереди был узкий просвет между двумя машинами. Тайлер показал на него, и Эллиот кивнул. Грег и Стив были боковыми углами летящего клина, и впервые в жизни во рту у Грега было сухо.

— У нас ничего не выйдет,— сказал он.

Фаланга велосипедов неслась на плотную стену из полицейских, агентов правительенного ведомства, военизированной охраны. Все пути были отрезаны.

«Еще одна неудача, последняя,— подумал Эллиот.— Больше мы не можем сделать для него ничего».

Ип поднял пальц. Велосипеды взмыли в воздух, и машины преследователей оказались внизу, под ними.

— Будь я проклят! — сказал главный полицейский; он стоял и смотрел, разинув рот, руки на бедрах, фуражка сдвинута на затылок.

Пять велосипедов плыли над крышами.

Ощущение у Ключника было такое, будто его желудок провалился,— так бывает, когда вдруг шагнешь в пустоту. Велосипеды пролетели над телефонными проводами, едва их не задев, поднялись над верхушками столбов и растворились в сумерках, оставив на память о себе только бейсбольную шапку с крыльшками.

Ип посмотрел вниз, на землю. Да, лучше так, без тряски. Свет-его-сердца сиял опять, пробивался сквозь проволочное плетение корзины в сгустившуюся темноту.

Какая-то сова на дереве проснулась и расправила ленивые крылья. Пора, пожалуй, подкрепиться мышкой... Она поднялась в воздух.

Что это такое?

Мимо нее плыли в воздухе пять велосипедов, и она, нервно щелкая клювом, кувырнулась назад. Ее свирепый взгляд задержался на идущем из груди Ипа свете. Сова уставилась на старогоченого, который щелкал суженным на третьем уровне осознания глаз наблюдал ночь.

«Летучие мыши в наших местах становятся крупнее,— подумала сова.— А может, я просто спятила».

Но велосипеды уже исчезли, скрылись в темноте. Эллиот повернулся руль, он чувствовал, в какую сторону нужно повернуть, и остальные повернули за ним.

— Скажите, когда кончится,— зажмурил глаза, ныл Грег.

Рядом развеялись на ветру волосы оставшегося без шапки Стива; стоило Стиву посмотреть вниз, как волосы у него вставали дыбом.

— Вот что делают сестры,— сказал он негромко самому себе.

На одной стороне с Эллиотом плыл Тайлер, на другой — Майл, а Ип смотрел в небо, прощупывая психическим зондом пространство за облаками.

Знак зеркал дарглгг о мой Капитан, это действительно? знеркл дарглгг дарглгг.

Внезапно его внутреннему взору предстало лицо, это было лицо самого замечательного, самого совершенного, самого надежного из всех древних путешественников. Оно улыбнулось ему своей черепашкой улыбкой высшего сознания и исчезло в коммуникационных диапазонах стремительного спуска.

— Наши леса, спускаемся! — закричал Эллиот.

Велосипеды сделали в воздухе вираж, и все, кто летел с Эллиотом, увидели переди, за округлыми холмами, темные тени деревьев.

Хоть и по земле, но машина Мэри двигалась в том же направлении, и сейчас Мэри, следя указаниям веселайки, петляя, вела ее вверх по склону холма.

— На пожарную просеку,— буркнул Лэнс.

Самый великолепный, какого еще не знал мир, побег на велосипедах, а он не участвует!

Герти сидела между ними, держа на коленях герань, которую она подарила Ипу. Все новые соцветия распускались на герани в то время, как машина Мэри, подпрыгивая на ухабах, продвигалась по просеке.

Лэнс не отрывал глаз от темных деревьев впереди.

— Сигналы теперь очень сильные,— сказал он вдруг.— Остановите здесь...

Мэри остановила машину, они вылезли и вошли под деревья — впереди Лэнс, за ним, ведя Герти за руку, Мэри. Путь был нелегкий, совсем не такой, как тот, над деревьями, по которому доставил своих спутников к замаскированному передатчику Эллиоту.

— Туда,— сказал Ип. Он опустил пальцы, и велосипеды стали снижаться. Они скользнули в траву, немного проехали и остановились.

Уллллл-лиипл-лиип...

Передатчик гудел. Эллиот бросился было к нему, но замер как вкопанный во вспыхнувшем вдруг широком луче бледно-лилового света. Эллиот оглянулся на Ипа. Древний ученик тоже вошел в свет, и оба одновременно посмотрели в небо.

Сияясь мягкими огнями, словно огромное елочное украшение на дереве ночи, Корабль висел у них над головой. Эллиот смотрел и не мог насторожиться на прекрасную космическую колесницу, уивалась ее величием и мощью. Это был Ип, помноженный на миллион, величайший свет-сердца, какой когда-либо видел мир. Внутри Эллиота светили его тайны, и по телу мальчика, расплывая Эллиота, превращая в ничто, пробегали послания любви и чуда.

Он повернулся к Ипу. Переполненные видом родного Корабля, Царицы Млечного пути, огромные глаза старого путешественника стали еще огромней. Опоясывая корпус узорами, светились огни сигнализации, и у Ипа было чувство, что Корабль несет в себе разум самого космоса, опередивший все другие формы разума во Вселенной.

Ип посмотрел на друга, который помог ему дозваться до своих через немыслимые дали.

— Спасибо, Эллиот.

Голос его звучал громче; в гармонии с Кораблем, с энергией все более и более высоких порядков обертоны становились звучнее.

«Обещаю,— сказал Ип светящемуся люку,— никогда больше не заглядывать в окна».

Но тут он ощутил на поляне еще один энергетический рисунок, увидел тонкое и гибкое существо и надолго задержал на нем взгляд.

К нему подбежала Герти.

— Вот твой цветок,— сказала она и протянула ему герань.

Он взял девочку на руки.

— Будь хорошей.

На краю поляны мелькнула тень, и звяканье ключей наполнило ночь. Ип быстро опустил Герти на землю. Повернулся к Эллиоту, протянул ему руку:

— Полетим?

— Я останусь,— ответил Эллиот.

Старый путешественник обнял мальчика, и Ипа пронизало такое космическое одиночество, какого он не чувствовал никогда. Он коснулся лба Эллиота и кончиками пальцев нарисовал в воздухе над ним сложный волнообразный знак, который должен был освободить ребенка от дурмана звезд.

— Я буду здесь,— произнес Ип, показывая светящимся кончиком пальца на грудь Эллиота.

И древний ботаник заковылял вверх по трапу. Из люка ему светил внутренний свет Великой Драгоценности, и он почувствовал, как снова в нем загорается миллионы огней сознание Корабля; теперь и его сердце, как и сердце Эллиота, было переполнено не одиночеством, а любовью.

С геранью в руках он вступил в мягкий свет внутри Корабля и в нем растаял.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

АНОНС!

«...Я надеюсь на твою помощь. Один из моих бывших учеников (ты знаешь, я теперь на пенсии, но кое-кто из ребят меня навещает) попал, кажется, в дурную компанию. Ужасно, потому что это школьник, сын вполне приличных и интеллигентных родителей, весьма одаренный молодой человек. Я хорошо знаю его и вначале даже отказывался верить, но факты убедили меня. Боюсь, здесь дело не обошлось без каких-то весьма и весьма нехороших людей. Если ты и твоя газета сможете помочь, это будет святое дело. Подробности расскажу при встрече...»

Со следующего номера «Смена» начинает печатать острожную повесть «Можете на меня положиться» молодого автора Сергея Устинова, который активно и плодотворно работает над темами, связанными с деятельностью милиции и уголовного розыска.

27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

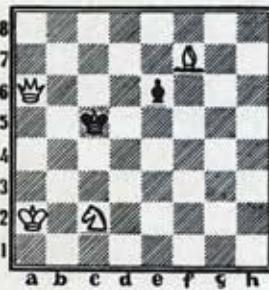
Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

У ФИННСКОЙ ЧЕРТЫ

Многие участники предыдущей нашей олимпиады в своих письмах просили организаторов соревнования не слишком усложнять задания последних туров, чтобы как можно большее число шахматистов сохранило интерес к борьбе на финише, и борьбе за главные призы олимпиады. Как видите, мы учли эти пожелания. Задания повышенной трудности были по возможности равномерно распределены по номерам в ходе всего соревнования. Задания же сегодняшнего, предпоследнего, тура имеют средний коэффициент трудности и вряд ли испортят настроение перед решающим туром тем, кто борется за победу в олимпиаде «Смены».

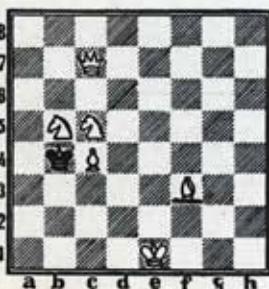
Тринадцатый тур

I

Белые: Кра2, Фаб, Ст7, Кс2 (4)
Черные: Крс5, п. еб (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Кре1, Фс7, Сг3, Кь5, Кс5, п. с4 (6)
Черные: Кр4 (1)
Мат в 3 хода (2 балла)

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

ЧЕМПИОНАТ МИРА НА МАЛОЙ ДОСКЕ

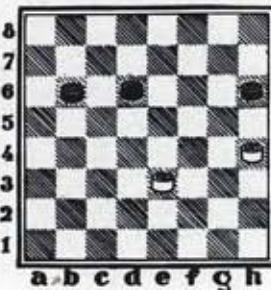
«Уважаемая редакция! В «Смене» № 3 за 1985 год в материале «Высшие титулы у советских шашистов» рассказывалось о том, что все высшие титулы завоевали советские шашисты. Но там ничего не говорилось о чемпионате мира на 64-клеточной доске. Расскажите, что это за игра. С уважением — Н. Смирнова, Запорожье».

Многие вена шашисты, играющие на маленькой доске, мечтали провести чемпионат мира. Национальные

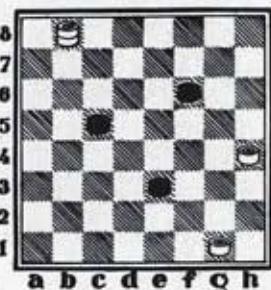
различия в правилах игры препятствовали этому. И вот Международная Федерация шашек приняла решение провести первый чемпионат мира на 64-клеточной доске по унифицированным правилам. Соревнования проходили в Италии. Спортсмены играли на маленькой доске по правилам международных шашек. Нашу страну представляли москвич А. Кандауров и рижанин В. Вигман. Оба они были чемпионами СССР по русским шашкам и играли в международные шашки. Выбор оказался удачным: Александр Кандауров стал первым чемпионом мира, а Владимир Вигман завоевал серебряную медаль, на третьем месте — бразильский шашист.

Тринадцатый тур

1. А. Бутневич

2. Д. Калинский

Составил Л. СЕРГЕЕВ,
Москва

По горизонтали:

8. Опера П. И. Чайковского. 12. Выпуклое изображение на плоскости. 13. Привычка, образ действия. 14. Спортивная игра. 19. Точное краткое определение правила, закона. 20. Правосудие. 21. Сальери по отношению к Моцарту в трагедии А. С. Пушкина. 22. Роман Ж. Санд. 23. Минерал, разновидность талька. 24. Рассветка. 33. Улучшение, приближение к идеалу. 34. Бытовой прибор. 38. Способ лечения. 46. Материал для книжных переплетов. 47. Древнегреческий философ-стомон. 48. Английский живописец XVIII века. 49. Индийская антилопа. 50. Крупное африканское животное. 51. Вымогатель. 56. Один из первых русских военных летчиков. 57. Разновидность гармонии. 58. Ответственный за гончих в псовой охоте.

По вертикали:

1. Притон Сены ниже Парижа. 2. Возвышенность. 3. Автор романа «Таинственный остров». 4. «Межи деревянные, а поля стеклянные». 5. Один из пионеров отечественной гидроэнергетики.

Рисунки
А. РАДИНА,
Москва

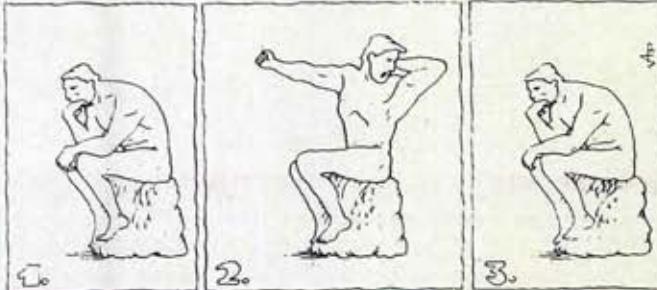

Рисунок В. ОРЛОВА,
Подольск

ни. 6. Автор романов «Дипломат», «Опасная игра». 7. Народный избранник. 9. Другое название барса. 10. Девушка, член подпольной организации «Молодая гвардия». 11. Певчая птица. 14. Место торговли. 15. Горный курорт в Швейцарии. 16. Город в Мордовии. 17. Жизненная активность, деятельность. 18. Река в Читинской и Амурской областях. 25. Роман Мехти Гусейна. 26. Продолговатое углубление на детали, изделия. 27. Коралловый полип. 28. Жители одного из древнейших селений в Орловской области. 29. Английский физик и химик, создатель барометра. 30. Осколок при рубке дров. 31. Специальность строителя. 32. Дикая утка. 35. Сумна для карт. 36. Древнегреческое стихотворение о сельских жителях. 37. Научное предвидение, предсказание. 38. Представитель народа, живущего на Кавказе. 39. Австрийский композитор, автор оперы «Времена года». 40. Пушной зверек. 41. Выдающийся памятник средневекового зодчества близ Хашури. 42. Старинное название рубина и сапфира. 43. Штат США. 44. Вид изобразительного искусства. 45.

Цитата, предпосланная произведению. 52. Поэт-певец у народов Средней Азии. 53. Польша, прон. 54. Страх, ужас. 55. Краткая застольная речь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

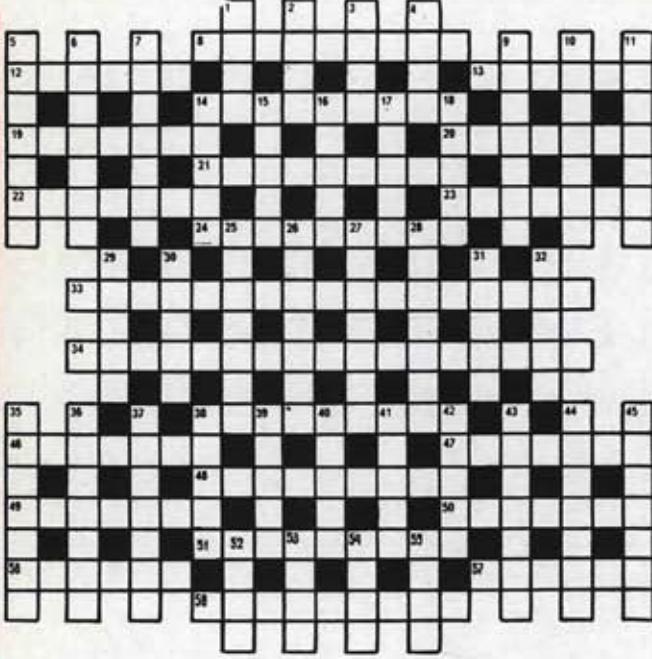
По горизонтали:

3. Фрост. 6. Шлейф. 8. Олимп. 9. Баритон. 10. Ординар. 12. «Нерон». 13. Страница. 14. Контроль. 15. Железа. 18. Матрац. 22. Хартия. 25. Верстка. 26. Снопление. 27. Лепка. 28. Туполов. 29. Тагали. 32. Абакан. 36. Айман. 39. Импортер. 40. Венница. 41. Аорта. 42. Тренинг. 43. Застава. 44. Волна. 45. Кошки. 46. Рдест.

По вертикали:

1. Доктрина. 2. Берданка. 3. Форпост. 4. Тоннаж. 5. Нигрол. 6. Шпонка. 7. Фаворит. 9. Битум. 11. Колея. 16. Европей. 17. Наталка. 19. Анакра. 20. «Репка». 21. «Цветы». 22. Халва. 23. Ранша. 24. Ницица. 29. Томат. 30. Грофеск. 34. Констант. 35. Ницца. 36. Арагви. 37. Мораль. 38. Квазар.

РОССВОРД

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 03.07.85. Подписано к печати 17.07.85. А 04473. Формат 70×108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1918. Заказ № 1145. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Молодежная мода

приглашала размышлять над своим внешним видом, и в размышлении над своим внешним видом, и размышление над своим внешним видом, и даже озорной фантазии. Но как сочетать ее с концептуальным произволом? Как соединить с концептуальным произволом? Как соединить с концептуальным произволом?

с собрать в одно целое творческий почерк художников и производственный план предприятия легкой промышленности!

Почти двадцать лет тому назад, в 1967-м, у нас в ГДР была создана рабочая группа «Молодежная мода». Она состояла из 25 энтузиастов — рабочих торговли и промышленности, художников, ботаников, торговцев. Они разработали и предложили первую коллекцию ГДР. После 1968 года в десяти окружных городах ГДР открылись специальные Центры молодежной моды. Сегодня такие центры существуют в каждом районном городе, появились специальные отделы молодежной моды в крупных универмагах.

Как мы работаем сейчас? Говорят, что мода копризна и ее долгосрочное развитие непредсказуемо. Об этом можно спорить сколько угодно, но если мы хотим что-то увидеть на прилавках через год-два и притом в достаточном количестве, мы обязаны тут не мешкать, но быть «правильными» по разному. Существуют в каждом отдельном специальном магазине, которым мы не можем не думать о возможностях, которыми располагаем. Изучая то, что производят или называют производственными предприятиями, мы не перспективу, ставим задачи на завтра — они определены и собственными представлениями моды, нашими основными лозунгами.

Короче говоря, наша основная лозунг: давайте сообщи, все вместе, художники, то, кто одевает, продавцы, наши покупатели, те, кто одевается, и те, кто одевает — давайте думать о том, какой должна быть одежда молодого человека «мыши» — это одно: мы все хотим получать от нее радость. Да здравствует вкус, да здравствует предвзятость! И пусть исчезнет из наших разговоров об одевании слово «дорфиц».

Фото Штефана ХЕССХАЙМЕРА

ОБАЯНИЕ ФАНТАЗИИ

Кристина ФРАНКЕ,
руководитель ателье молодежной моды
Института моды ГДР

Если попытаться в двух словах сфокусировать наши представления о молодежной моде, то нужно будет, вероятно, прежде всего уточнить некоторые понятия. Молодежь, придается считать, это люди в возрасте от 15 до 25 лет. Но 15-летние — это не 25-летние, и потому творцы молодежной моды делают та, кого они называют, до 30 (или научить одеваться), на два категории: от 15 до 17 и от 18 до 25 лет. Молодежная мода — это «золотая середина», скажем, до 50 летной жизни не существует. Однако одно и то же ярко выраженной тенденцией, которую представляется беспортым, молодежная мода для всех возрастов, от 15, скажем, до 50 летной жизни не существует. Одно и то же, международное, условие, удобную, прямую одежду на повседневную, для особых случаев, молодежная мода с ее стремлением к демократичности и доступности для всех и каждого, для любого возраста. И здесь очень важно, что утверждалось во что-то единое, туннельное — нет, рядом со спортивным стилем ужинов — чуть ироничная наставления, мода мончи-

